

Барбара Ханна

**ВНУТРЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.
ЛЕКЦИИ И ЭССЕ ПО ПСИХОЛОГИИ
ЮНГА**

Предисловие

Дин Л. Франц

Барбара Ханна — одна из активных деятелей периода расцвета юнгианства. Среди ее коллег хорошо известные М. Эстер Хардинг, Ирэн Клермонт-де-Кастильехо, Элеонора Бертин, Эмма Юнг и Мария-Луиза фон Франц, — все «классические» юнгианцы, которые близко восприняли учение Юнга и развили согласно своему опыту.

Лекции и эссе в этой книге, являются частью наследия Ханны для будущих поколений. Они словно окно, через которое мы можем видеть эту замечательную женщину, которая никогда не подвергала сомнению Юнга и его психологию, в своей индивидуации.

Некоторые интересные отклики были присланы мне после публикации в 1992 году книги Ханны *«Cat, Dog and Horse Lectures and "The Beyond"»*, вместе с биографическим очерком о женщине, которая стала моим наставником во время обучения в Цюрихе.

Читатели той книги поняли, какой огромный долг я выполняю по отношению к мисс Ханне, поскольку она общеизвестна. Моя вечная благодарность этой женщине за то, что поделилась своей мудростью, знаниями и общей приверженностью к бессознательному. Многие люди выразили признательность мне за ее труды, которые ранее не появлялись в печати. Они также благодарили за возможность взглянуть на жизнь этой мудрой старой женщины, знавшей Юнга и как ученица и как коллега в течение трех десятилетий. Будучи весьма скромной, она мало говорит о своих достижениях и жизни, и неохотно раскрывает подробности своего пути к целостности, поэтому о ней известно не

столь много. В каком-то смысле можно сказать, что она жила в тени Юнга.

Бывшие пациенты мисс Ханны и все те, кто разделял общие переживания с ней, были весьма любезны, чтобы записать и поделиться своими впечатлениями и мыслями. В приложении этой книги приводятся только несколько из этих воспоминаний, но достаточно, чтобы понять, что её влияние на жизнь тех людей, с которыми она общалась, продолжается и по сей день.

Пролог

Мэрион Вудман

*Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником.*

Джон Китс «К осени» (пер. С.Я. Маршака)

Эта ода Дж. Китса вторила моим мыслям, когда я впервые шла в институт К. Г. Юнга на Гемейндештрассе в Цюрихе. Это была осень 1974 года. Приземлившись в 8 утра в аэропорту, я была ошеломлена сменой часовых поясов. Кроме того меня сбили с толку обращения на немецком, но мне все-таки удалось зарегистрироваться в приемном отделении и найти себе укрытие в библиотеке.

Какое сумасшествие привело меня сюда? – спросила я себя. Тогда книга в ярко-желтой обложке почти спрыгнула с полки. Это было «*Striving Toward Wholeness*» Барбары Ханна. Я внезапно поняла, что книга о сестрах Бронте и их проблеме как детей проповедника. Спустя полчаса, пришло осознание, что автор этой книги нужный для меня аналитик-психотерапевт. Когда я попросила номер мисс Ханны, то был уверена, что эта весьма пожилая дама не принимает новых пациентов. И поэтому написала записку, в которой благодарила за то озарение, открывшееся мне во время прочтения ее книги.

На следующий день раздался звонок. Это была мисс Ханна, пригласившая меня к себе. За чашкой чая она сказала мне: «Вы дочь пастора, я дочь пастора. Когда я приехала в Цюрих, Юнг сказал мне, что только ребенок священника может найти общий язык с таким же как и он.». Итак, с 81-летним опытом попыток совмещения ярких противоречий в себе, она взяла меня.

Для меня один из сеансов стал показательным о сущности нашей совместной работы. Независимая и хорошо осведомленная о конфликтах, которые могут возникнуть из-за сеансов анализа, я жила в Цюрихе на собственные деньги, скопленные за 25-летнюю преподавательскую деятельность. Падение доллара по отношению к швейцарскому франку поставило меня в затруднительное положение. Мне нужны были деньги для вещей крайне важных для меня, но не одобряемых мужем.

Но так как муж являлся единственным источником финансов, я оказалась в неразрешимом противоречии. На одном из сеансов я сказала: «Мой муж не выделит мне денег для этой цели». На что мисс Ханна предложила: «Тогда соври ему». «Но мисс Ханна, это будет не честно»- сказала я, ошеломлённая ее ответом. «Моя дорогая,- произнесла она, глядя мне в глаза,-мы говорим не о честности, а о том как поладить с людьми». Эти слова нашли отклик во мне, как в принципе все необходимые слова, сказанные в нужный момент. Я знала, что эти слова пришли от Самости. И знала то, что это не имело ничего общего с местью или манипулированию людьми, в собственных коварных интересах. Что эти слова обозначали конкретно, я не знаю, но они были истинны.

Когда я вышла из дома 15 на улице Линденбергштрассе, где жила и практиковала мисс Ханна (в том же доме что и М.Л. фон Франц), сознание начало проясняться. Получалось, что в этой ситуации останется обманутым как мой муж, который не понял бы этих чувств, и я которая бы все это обдумывала еще неделями. Все то,

что кажется мне первостепенным как женщине, размышляла я, кажется ему дурацким и глупым. Я начала вспоминать все те разы, когда обманывала себя, свои чувства и принимала рациональное, логическое решение, которое как бы говорило мне что «да, все к лучшему», но внутри все было против. Припомнив все случаи, когда я избегала борьбы, шла и делала все, что хотелось в одиночку, и также позволяя делать мужчине все одному, я поняла, что предательство собственных чувств будет изменой и ему. Осознала, что если не быть честной к себе самой, то в результате будешь лгать и другим.

Той же ночью я написала откровенное письмо мужу. С сердечным ответом от него пришли и деньги. Эта непосредственность, это умение жить настоящим моментом – самый драгоценный дар, полученный мной от мисс Ханны. Ее собственная вера в Самость сделала этот дар возможным.

Я знала и видела ее полную юмора, прямоты и любви, на закате ее дней. Никогда не жалея ни себя ни других, она с непоколебимой храбростью постоянно разрешала противоречия с Самостью. Она знала когда воспользоваться своей мужским началом для того чтобы решить что важно, а что нет, и когда проявить женскую сторону получив то, что Самость готова отдать. Её уступки Самости придавали ей огромную энергию, как физически, так и духовно.

Мисс Ханна была моим живым доказательством того, кто всегда оставался верным процессу удержания противоположностей до тех пор, пока не проявлялось трансцендентное. Я наблюдала, как ее вера полыхала в горниле невзгод, но я так же и видела ее решимость и твердость стоять в пламени, до тех пор, пока шлак не превратиться в серебро и золото. Ее приверженность, в то же время ставшая и ее отрешенностью, дало мне понимание, что же такое любовь. У Уильяма Вордсворта есть такие строки:

*Есть утешенье в стойкости любви.
Выносим с нею легче мы несчастья,
Что нам иначе бы затмили разум
Или разбили сердце на куски.*

(«Michael. A Pastoral Poem» Майкл. Пастушеская поэма. Перевод А. Карельского)

Введение

Барбара Ханна в перспективе

Вернон Брукс

Прощальная речь на панихиде 12 сентября 1986 года, реформатская церковь, Кюснахт, Швейцария.

В 1968 году Барбара Ханна приехала в Америку на прибрежный остров штата Мэн, где проходило празднование 80-летия ее старого друга и коллеги, Эстер Хардинг. Она выбрала отрывок из *"The Beyond"* чтобы зачитать присутствующим. Прокомментировав, что она два года назад мечтала о том, чтобы «записать все, что я знаю о жизни после смерти». После первоначального текста на эту тему, интерес мисс Ханны продолжал расти и как она это назвала «тема растет все больше и больше к старости».

Начиная с момента первых проблесков сознания и начала истории, через христианскую веру в воскресение и до последних исследований ученых-медиков, человечество волнует вопрос физической смерти и что лежит за её пределами. Современная психология, особенно аналитическая психология К.Г.Юнга также заинтересовалась этой загадочной областью нашего бытия. И Барбара Ханна была тесно связана с теми открытиями, особенно работой Марии Луизы фон Франц, ее близкой подруги. Может быть, сегодня она знает истину о запредельном больше чем все оставшиеся здесь. Мисс Ханна была англиканкой по рождению и последовательницей юнгианства по своему выбору. Идея же воскресения обща, как для психической реальности для юнгианцев, так и для веры христиан.

Для нас, на сегодняшний день, Барбара Ханна является человеком, который оказывал влияние в течение всей своей земной жизни. И нам не нужно размышлять, мы это знаем.

Доктор Юнг как-то на одном из семинаров заметил, что каждый из нас обязан оставить след в этом мире. Следы же мисс Ханны ясны и многообразны.

Прежде всего, это то небольшое количество опубликованных работ, имеющих огромную ценность. Туда входит шедевр, ее наиболее полное описание жизни и работы К.Г.Юнга, которую она называла «биографические мемуары». Это честная, незамутненная, глубокая книга является неоценимым источником материалов для будущих биографий, выходящих за пределы повседневных событий жизни Юнга. Ее исследования процесса индивидуации, опубликованные под названием «Striving Toward Wholeness», и активного воображения останутся основополагающими по этим темам.

Не менее незабываемые впечатления для всех нас представляют воспоминания о лекциях, которые она давала на протяжении многих лет, большую часть в институте Юнга, но и также в других институтах и клубах по всему миру. Многие из этих лекций сохранились на пленке, где не только пронизательные комментарии состояния человека, но и неподражаемая манера их подачи. Слушая как мисс Ханна общается с аудиторией, можно было большой высоко ценить её индивидуальность, как человека который говорит из собственного опыта в своей уникальной словесной яркостью.

Психические следы, пока Барбара Ханна жила среди нас, быть может, менее заметны, но более значимы и существенны чем все материальные предметы.

Прежде всего, я думаю, мы должны признать ее абсолютную целостность. И это не подарок небес, а результат, достигнутый через годы борьбы, как внутренней, так и внешней, своего рода субъективной борьбы в которой эго было отринуто в пользу Самости. Это язык психологии конечно, но как отмечала сама Барбара в "The Beyond", это эквивалент того что Мейстер Экхарт подразумевал, когда говорил «если только мы сможем полностью отринуть наше эго, то Бог заменит его, на свою волю». Это достижение максимальной полноты смысла, и выражение мисс Ханна стало самым впечатляющим в ее последние годы жизни, даря ей замечательную ауру подлинности.

Такая целостность возможна только для того, кто познал связь между конечным и бесконечным, нашел шаткое равновесие между ними, ту точку где он оказывается в состоянии выдержать ужасное напряжение меж противоположных сил. Это редкая способность ставит мисс Ханну в ряд наиболее влиятельных духов современности. Ее влияние выражалось не в событиях, про которые печатают газеты, но тайно для всей жизни человечества. Юнг заметил, что надежда того что мир сможет избежать разрушения, будет зависеть от тех из нас кто может выдержать напряжение противоречий внутри себя.

Ибо только таким образом можно смягчить поляризованный конфликт между политическим и социальным. Если бы мир населяли достаточно людей подобных Барбаре Ханна, кто сумел достичь такого ценного, но страшного равновесия, то мы были бы быть освобождены от апокалипсиса, нависшего над нами. Мы выражаем нашу вечную благодарность всем тем, кто смог совершить это, и конечно же глубокую признательность Барбаре Ханна.

Тесно связанные с ее целостностью были необычайные чувства нужности, которые побудили близкого друга заметить, что она мудрейший человек, которого он знал. Он подразумевал не то, что

она была умной в интеллектуальном или академическом смысле, но была мудрой сердцем. Ее мудрость выражалась в готовности признания той роли, которую играют чувства в ситуациях и отношениях. Чувства мисс Ханна были всегда откровенны и никогда не подавлялись. Они жили назначенной жизнью и если бы вы оказались рядом вы бы поняли. Она никого не боялась, ни полисменов, ни политиков, ни официозных руководителей, ни глав институтов. Ее чувства позволяли ей свободно и уверенно вести себя со всеми, кто встретился на ее пути. Чистота и незамутненность стала источником силы для всех нас, кто когда-либо был с ней рядом.

Барбара Ханна писала в «The Beyond», что «задача жизни в том, чтобы подготовить себя к смерти, в создании отчужденности от конечного в пользу бесконечного». В свои последние годы, она показала нам необычайный пример готовности к смерти. Она стала отражением того «духа жизни», о котором пишет Юнг в конце своей статье "Psychotherapists or the Clergy":

Дух жизни растет и даже перерастает свои ранние формы выражения, он свободно избирает людей, которые провозглашают и живут в нем. Этот дух жизни постоянно обновляется и преследует свои цели самыми многообразными и немыслимыми способами, на протяжении всего существования человечества. Имена и формы, которые даются людьми, измеряя его, ничтожны, они подобны сменяющимся листьям и цветам на стволе вечного дерева.

Барбара Ханна была носителем этого «духа жизни». И поэтому она была, и обновиться в вечности. Она ушла в то запредельное, которое так интересовало ее, и где дух, оставивший такое множество следов соей реальности, сможет найти освобождение от креста мирской жизни, для него теперь конечное отделилось в пользу бесконечности.

Ничего до сих пор не было сказано о профессиональной жизни мисс Ханны. Она была одной из тех, кто обучался у К.Г.Юнга и которые видятся какими-то особенными аналитиками, число которых уменьшается с каждым годом.

Те из нас кто слишком поздно пришел, чтобы быть принятым или обученным самим Юнгом, до сих пор имеют возможность поработать с одним из его учеников или друзей.

На протяжении вот уже восьми лет Барбара Ханна была моим личным аналитиком и другом. Она работала вплоть до конца своих дней. Моя последняя встреча с ней состоялась две недели назад, и может быть была бы еще одна неделю назад, если бы она не покинула нас за день до этого.

Сегодня мы прощаемся с первоклассным аналитиком, любимым другом и замечательным человеком.

Глава 1

Некоторые аспекты индивидуации Юнга

Каждый год 6 июня проводится поминальная служба в честь Юнга в Институте К.Г.Юнга в Кюснахте, Швейцария. В это день показывают интервью с Юнгом, взятое Джоном Фрименом для передачи BBC «Лицом к лицу», и читаются лекции по юнгианской психологии. Первым из этих лекторов была Барбара Ханна, прочитавшая лекцию 6 июня 1967 года, шесть лет спустя после смерти Юнга. Стоит отметить, что этот выбор не был случаен, так как она была одним из ближайших соратников Юнга.

Её тема особенно интересна, тем, что именно процесс индивидуации стал величайшим достижением в жизни самого Юнга.

В первой половине своей жизни, когда я еще занималась черчением и рисованием, я не могла заставить себя выбрать специализироваться в чем-то одном, хотя, по словам моих друзей это значительно бы улучшило мою технику. Было некое неуловимое качество, которое мне хотелось бы и начертить и нарисовать. Это качество проявлялось во многих других вещах: иногда в пейзаже, в корнях дерева, в цветах, а иногда даже в столь обыденных предметах как горшок или сковорода. Проявлялось также и в людях, но как я все больше и больше замечала, было не столь очевидно в тех, кто подвергся влиянию современной эпохи. Чаще всего я видела его в крестьянах, в туземцах Южной Африки,

но наиболее ярким оно было в очень маленьких детях и почти у всех животных. Впервые я столкнулась, весьма неожиданно, с этим качеством, когда делала зарисовки крыльев бабочек в Южном Кенсингтонском музее в Лондоне.

Мне выдали образцы для зарисовок одного и того же вида, внешне выглядевшие совершенно одинаковыми, но вскоре я поняла, что только один или, максимум, два экземпляра из целой коллекции обладали тем самым качеством которое я искала.

Я не смогла бы выразить это качество. Когда меня спрашивали, отчего я столь избирательна в том что мне хочется или не хочется зарисовывать, я чувствовала затруднение ответить и что-то неуверенно бормотала о естественности или даже совершенстве образца, но я знала что последнее абсолютно не так. Все то время что я занималась зарисовкой, это качество находилось порой в поврежденных экземплярах и совершенно отсутствовало в других, бывших без малейшего изъяна.

Проанализировав, я придумала этому качеству название – целостность, что немедленно приобрело для меня смысл и стало центром бессознательного поиска вслепую. В январе 1929 года, через год или два до этого, у меня было первое интервью с доктором Юнгом. Я была поражена тем, подавляющим наличием этого качества, и подумала про себя: «Этот человек так же естественен, как и любой крестьянин и, тем не менее, у него самый замечательный ум я когда-либо встречала. Я не знаю, как такое сочетание стало возможным, на самом деле я всегда могла поклясться, что это невозможно».

Конечно, тогда я не знала еще, что доктор Юнг целенаправленно делает научное исследование, этого качества полной естественности или цельности, которую я слепо почувствовала при зарисовках в его оригинальной, бессознательной форме или,

возможно, проецировала на определенные вещи, которые были «зацепкой» к приему этой проекции.

Как вы все знаете, Юнг продолжал свои исследования в этой области, он называл это качество целостности «процесс индивидуации». Впервые он обнаружил это в своем противостоянии с бессознательным, которое так ярко описано в «Воспоминаниях, Сновидениях и Размышлениях», а затем все больше и больше находил в своей работе с пациентами, но он по-прежнему чувствовал себя очень одиноким, в этой, казавшейся ему очень странной, сфере. На самом деле порой бывало даже хуже, чем странно, когда он осознал что подобное, он уже наблюдал в мечтах и фантазиях душевнобольного. Однажды он описал мне темное нигредо, через которое он прошел в то время и то неопишуемое облегчение, когда он обнаружил те же образы и символы в произведениях старых гностиков. «Я чувствовал себя, — сказал он, — как если бы я вдруг обнаружил, круг друзей, который разделил со мной свой опыт и сочувствовал мне, и понимал всю ту сферу, где я был так одинок и изолирован.»

Гностическая мысль стала только первой областью, где Юнг нашел символы процесса индивидуации. Он узнавал все больше и больше, что если копнуть достаточно глубоко, то можно отыскать, что везде, где человек делал серьезные и настойчивые попытки найти смысл или конечную ценность человеческого существования, лежит основная архетипическая модель. Ее можно обнаружить в основах алхимии, каждой религии, в примитивных обрядах, в остатках древних исчезнувших цивилизаций во всем мире, и так до бесконечности. Или же мы можем рассмотреть несколько иначе и сказать, что это основа, архетипическая модель проецирует саму себя из бессознательного каждого человека, который стремится сформулировать впечатление Божественного или сокровенного своей собственной души.

Я хорошо помню свое волнение, найдя ту модель, лежащую в основе романа девятнадцатого века, которым давно восхищалась: «Грозовой перевал» Эмили Бронте. (Подобное можно найти во многих романах, Юнг называет такой тип интуитивным, то есть то, что написано бессознательно, а не изобретено сознанием автора. Но, как мы можем судить из ее стихов, Эмили Бронте имела необычайно хорошую связь с ее творческим духом и, соответственно с бессознательным, так что «Грозовой перевал» остается для меня на сегодняшний день наиболее полным примером, который я нашла до сих пор.). Я была ужасно перевозбуждена этим, что написала свою первую лекцию по Бронте для Психологического клуба в Цюрихе тридцать лет тому назад, и, в своем запале, я ошибочно, представила себе, что Эмили Бронте знала, что делает, что она сознательно описала процесс индивидуации!

Едва ли мне нужно рассказать вам, как возмущался доктор Юнг таким недоразумением, или, как я осознала свою ошибку. Весь конец моей первой лекции был построен на этой фатальном заблуждении, я была очень расстроена в то время, но, как и большинство подобных ошибок, в конце концов, это научило меня гораздо большему, чем, если бы просто обошла вокруг «ловушки». До сих пор живо помню его слова: «Нет такого понятия, как процесс индивидуации без индивидуального осознания жить сами по себе, это есть сам человек». Я пробормотала, что он говорил такое об алхимиках, а понимали ли они это или жить сами по себе? (Это было, прежде чем он понял, что несколько особо одаренных алхимиков, таких как Жерар Дорн, знали, что это было, по крайней мере, связано с ними самими, но это, конечно, никоим образом не изменяло случая с Эмили Бронте). «Нет, — ответил он, — но даже, то что я весьма превозношу алхимиков, они всего лишь описывали нечто совершенно бессознательное в себе, которое они действительно верили, что видят это в своих ретортах, и ваша писательница знала даже меньше, чем они, а что касается вашего упоминания мастера дзен в связи с ней (как, увы, я опрометчиво

сделала!) это просто немыслимо, что вы можете быть такой глупой!

Оглядываясь назад, совсем не жалею, что я так глупо поступила, что меня первое время очень расстраивало. Постепенно становилось все более ясно — по-настоящему убедительной вещью, для меня были не книги и даже не чудесные семинары профессора Юнга, но сам Юнг. Он был живым доказательством его собственной психологии, на самом деле, он был психологией. Если бы это было не так, то он никогда бы не был, тем кем он был или действительно познал себя.

Важность самопознания, конечно, не начинается с Юнга. Насколько я знаю, Пифагор (6 век до н.э.) первым выразил это словами, и с тех пор, с течением времени это возрождалось мудрыми и дальновидными умами по всему миру. Возможно, одним из наиболее ярких описаний значение самопознания можно найти в трудах Ричарда де Сен-Виктор, шотландца и одного из самых известных ученых монахов Викторианского одена в двенадцатом столетии. В своей книге "Benjamin minor" он пишет:

Первая и основная задача разума, который стремится взойти на вершину знаний, должно познать себя. Эта вершина, означает познание себя полностью. Полное знание о разуме — великая и высокая гора. Оно выше, чем все пики мирских знаний, оно смотрит сверху на всю мудрость мира и на все знания в мире.

Ричард де Сен-Виктор продолжает, указывая на слабость философии в этом отношении:

Что же такого в этом нашли Аристотель, Платон и другое великое множество философов? Воистину и без сомнений, если бы они были в состоянии подняться на эту гору своим пронизательным умом, их усилий хватило бы, чтобы найти себя, если бы они познали себя полностью, то они никогда бы не поклонялись

идолам, они никогда бы не склонялись пред созданными вещами, они никогда бы не подняли головы против создателя. Здесь, в этом поиске, они терпят неудачу, и поэтому для них невозможно подняться на гору. "Человек возвышается в сокровенном и Бог будет возвышен." (Пс. 63 [Вульгаты, 63, 7]). Учись концентрироваться, о человек, концентрируясь на самого себя, ты будешь возвышаться в сокровенном. Чем больше ты ежедневно упражняешься в самопознании, тем больше поднимаешься над самим собой. Тот, кто достигает идеального самопознания, уже достиг вершины горы.

Любой, кто знал Юнга, также поймет, что именно знание о себе сделало его таким, каким он был. Нет никаких «поддельных идолов» в его психологии; все это насквозь подлинно и моим опыте, по крайней мере, одна вещь, которая никогда не разочаровывал меня.

Ричард де Сен-Виктор восхваляет самопознание так высоко здесь не просто как познание эго, не только личную психологию, но когда цитирует отрывок, дает: «Человек возвысив себя в сокровенном и возвысится Бог.» В средневековом христианском языке, Ричард говорил то же, что и Юнг, почти семьсот лет спустя:

Как к этому само знание, это реально проникающего знания нашего собственного бытия, не делают ошибку, думая, что это значит видеть сквозь эго. Понимать эго – детская игра, но вот понять Самость это нечто совершенно иное. Реальная трудность заключается в признании неизвестного. Никто не должен оставаться в неведении о том, что он стремится к власти, что он хочет стать очень богатым, что он был бы тираном, если у него был шанс, что он ищет удовольствия, завидуют другим людям, и так далее. Каждый может знать такие вещи о нем или о себе, потому что они просто знание эго. Но знание Самости это нечто совсем иное, это означает знать о вещах, которые неизвестны.

Юнг преуспел в признании неизвестного в самом себе, заложив основу для всей его психологии. Я думаю, что Ричард де Сен-Виктор сказал бы, что он достиг "вершины горы", как те немногие, кто сделал это до него. Не стоит обвинять Ричарда в поклонении «холмам, вещей созданных» или «не склоненной головы пред Творцом», хоть он и не гнушается обвинять философов, даже Аристотеля и Платона. И тем более примечательно, если вспомнить, что Юнг вырос в последней четверти девятнадцатого века, когда весь дух эпохи все больше и больше становился материалистичным. Несмотря на свои большие заслуги в области личной психологии, Фрейд и Адлер поддались этой тенденции и не смогли выйти за пределы материального и личного. Наверняка должно было особенно трудно для Юнга плыть против течения того времени и никогда не «склоняться к холмам вещей, созданных». И, как вы знаете, дух времени был мертв по отношению к ценности личности, и все больше и больше шло растворении человека в массе. Даже в странах, где некоторые права по-прежнему оставались за человеком, весь самоанализ или интроспекция отклонялся как болезненный. Тем не менее, Юнг никогда не колебался и остался верен «восхождение на гору самопознания» всю свою жизнь и, таким образом, как Ричард говорит, не только увидел все премудрости и знания мира перед собой, но заглянул далеко за пределы, в вечность в нас или, говоря его собственным языком, в Самость.

Но восхождение на гору самопознания, и прежде всего получения четкого представления о Самости, всегда влечет за собой борьбу противоположностей. Это достаточно легко принять интеллектуально и говорить о таких противоположностях как добро и зло, как если бы они были темным и светлым, горячим и холодным, или любой другой природной парой противоположностей. Но Юнг был сыном священника, и я уверена, что вы все помните его описание агонии через которую он прошел, уже, будучи школьником, когда в день «солнцестояния», он думал о Боге, сидящим на золотом троне в синем небе над Базельским

собором и вдруг ощутил «большую дыру в мыслях и чувство удушья» и знал, что додумать мысль до конца означало бы «совершение самых страшных грехов». Он не мог спать в течение двух ночей и дней, которые стали "пыткой", и это наглядно показывает нам животрепещущую проблему зла, даже тогда, для Юнга.

После агонии нерешительности, на третью ночь, он решил рискнуть довести мысль до конца, и позволить результату показать верно ли он понял волю., и вместо «ожидаемого проклятья», благодать и невыразимой блаженство сошло на него и заставило плакать «от счастья и благодарности».

Я напомнила вам об этом раннем опыте Юнга, хотя уверена, что вы уже знаете это, поскольку это как ничто другое показывает те мучительные проблемы, противоположности добра и зла в жизни Юнга. Семьдесят лет спустя в своей автобиографии, в главе "Поздняя Мысли", Юнг писал:

За светом следует тень, другая сторона Творца. Пик этой тенденции приходится на XX век. Ныне христианский мир воистину столкнулся со злом, с откровенной несправедливостью, тиранией, ложью, рабством и принуждением. В неприкрытой форме мы видим это в России, хотя родиной первого губительного пожара стала Германия, и это со всей неопровержимостью доказывает, свидетельствует о слабости позиций христианства в XX веке. Оказавшись лицом к лицу с этим злом, уже не спрячешься за эвфемизмом вроде *privatio boni* (первичность добра. — лат.). Зло стало определяющим в этом мире, от него уже невозможно отделаться иносказаниями. Наша задача — научиться избегать его, поскольку оно уже здесь, рядом с нами; а возможно ли это, удастся ли нам избежать еще большего зла, сказать пока трудно. В любом случае мы оказались перед необходимостью переориентировать свое сознание.

Когда каждый думает о состоянии мира и зла, как коллективной проблеме, то все еще не сможет понять, как с этим жить и выживать. Но, как Юнг подчеркивал снова и снова, то только в индивидуальности может быть решена любая важная проблема и в собственной индивидуальной психологии Юнга, конечно же, нашел способ жить с темной стороной себя и с Творцом. Однажды он сказал мне, что опыт Бога и Базельский собор был ориентиром всей его жизни. Он понял тогда, раз и навсегда, что Бог время от времени требует от нас зла, и то, что мы должны подчиниться, чего бы это нам не стоило. Делать добро или зло легко без усилий, в тот кайрос или нужный момент, на самом деле разрушительно, но делать зло сознательно, как считал Юнг, продуманная кощунственная мысль до конца может стать чисто творческий.

Я должна признаться, что мне потребовалось двадцать лет, чтобы понять, что Юнг сделал больше для меня своей темной стороной, чем его светом. До этого я потратила ужасно много времени, думая, что я бываю несправедливой, с глупой, детской ревностью и тому подобное. Затем произошло нечто, что утвердившее во мне все сомнения, и когда я поделилась этим с Юнгом, он ответил, что знает что это правда, но, что это еще очень болезненно для него. И привел пример Психологического клуба, где он еще вел лекции в те дни : «Очень часто я ловлю себя на том, что кому-то неприятен в Клубе, сказав что-то резкое или едва приветствуя. По дороге домой начинаю плохо себя чувствовать, зная, что я обидел, и что у них будут плохие выходные. И все же, когда этот человек приходит на анализ и я слышу их мечты, то считаю, что сказал именно то, что им было нужно, но причинил бы им больший вред, если бы был вежлив и мил».

Юнг, хотя и очень болезненно, жил с противоположностями в себя, но, как результат, они стали все больше и больше сближаться и потеряли свой абсолютный характер. Он также был всегда озабочен тем, что его ученики не должны просто копировать его, но познавать свои способы борьбы в данной проблеме. Когда ему

жаловались, что институт не стал «мирной гаванью» для них, он часто отвечал:

«Вы думаете, я основал детский сад, где только доброжелательные отцы и хорошие матери, и где студенты даже не узнают, как поднести ложку к собственному рту? Нет, на самом деле, они должны встретиться со своими противоположностями в институте во время обучения и тогда, возможно, они будут в состоянии справиться с ними позднее, иначе бы не он даже отдаленный шанс для их».

Противоположности, конечно, должны сталкиваться друг с другом в институте, и это большое утешение для меня, во всяком случае, Юнг предвидел и даже хотел, чтобы это случалось в целях повышения сознания, как преподавателей, так и студентов. Но это будет возможным, только если помнить про кайрос и выяснить, какие противоположные нужны в нас в каждый момент времени. Если, с другой стороны, мы просто плывем по течению, позволяя то одной, то другой противоположности владеть нами, все может закончиться разрушительно. Но если, как Юнг, все мы страдаем в нашем выборе, то это закончится конструктивно и творчески, и намерения Юнга будут выполнены.

Прошло шесть лет сегодня, с тех пор как умер Юнг. Он говорит о себе в воспоминаниях:

Смерть действительно страшно жестока, нет смысла притворяться. Она жестока не только как физическое событие, но более как психическое: человек отрывается от нас, и остается только ледяная тишина смерти.

Это действительно так в большинстве случаев, и, насколько теплым было физическое присутствие Юнга. Что большинство из нас отдали бы за разговор в полчаса с ним в Зеештрассе или в Боллингене? Но я, во всяком случае, ощущаю этот ледяной барьер

с Юнгом меньше, чем это было в большинство случаев смерти, которые повлияли на меня. Мне думается, это от того, что он по-прежнему появляется в снах многих людей, а иногда и в их активном воображении, почти так же, когда он был жив. Очень часто это дает нам почувствовать его присутствие рядом. Но, как он сам сказал в той же главе, мы не можем знать, является ли фигура, с которой мы контактируем, в таких случаях «тем самым умершим» или же это «психическая проекция». Лично для меня не так уж важно, потусторонняя ли эта сила или знание сновидца, сам Юнг это или архетип, который был в сознании человека, что теперь появляется в образе или говорит его голосом, важно присутствие, когда есть проблема. Во всяком случае, это еще один стимул сделать все возможное, чтобы оставаться на связи с бессознательным, с противоположностями. Как Юнг говорит:

Решающий вопрос для человека: является ли он связанным с чем-то бесконечным или нет? Это многозначный вопрос жизни. Только если мы знаем, что действительно важным является лишь бесконечное, мы сможем избежать фиксации наших интересов на тщетном.

В эти дни, нет таких газет где не писали бы о возможности войны в мире и мы не можем позволить себе игнорировать такие предупреждения. Связь с бессознательным является и остается нашей единственной надеждой найти способ, который может дать нам достаточно поддержки и мудрости, чтобы противостоять внешнему миру, не растеряться во внешних угрозах. Как многие из вас уже знают, Юнг даже зашел так далеко, чтобы сказать, что будет лучшим шансом не использовать атомную бомбу, если достаточное количество людей сможет выдержать борьбу противоположностей в себе. И такое отношение может даже, возможно, даст нам возможный утвердительный ответ на «многозначный вопрос» нашей жизни.

Глава 2. Активное воображение

Этот доклад был прочитан в Цюрихе 25 сентября 1967 года, в рамках Серии специальных лекций образовательного центра К. Г. Юнга в Хьюстоне, штат Техас.

Часть 1

Как вы все знаете, Активное воображение, хоть и носит более эмпирический и научный характер, но ни в коем случае не является современной практикой. Можно даже сказать, что оно также старо, как все ранние попытки человечества прикоснуться к вечным силам. Как только мы пытаемся начать переговоры с такими силами, желая достигнуть соглашения с ними, мы инстинктивно обнаруживаем некоторые формы Активного воображения. Например, если вы внимательно читали Ветхий Завет с этой точки зрения, вы обнаружите, что он полон таких попыток. Я только напому вам, один пример из множества: жизнь Иакова строилась на том, что Господь говорил ему. Правда, в случае Иакова, воля Господа часто проявлялась в снах, но далеко не всегда, и Иаков, без сомнения, унаследовал от матери Ревекки [Синод. перевод] способность слышать эти силы, являются ли они Богом или бессознательным не имеет существенной разницы. Именно она ходила «вопросать Господа» когда близнецы боролись в ее чреве, и на Его ответах сформировала довольно сомнительные методы отношений с престарелым мужем и сыновьями. Конечно это сомнительные методы, если судить о них с точки зрения общепринятой морали, но если учесть, что она поступала по воле Господа, они принимают совсем другой характер.

Способ решения проблемы Ревеккой, когда близнецы боролись в ее утробе, содержит нашу основную тему по Активному

воображению. Она не могла понять, что с ней происходит, и, как доктор Юнг часто повторял, невыносимо, только то страдание, которое мы не понимаем. Итак, Ревекка спросила себя: «Если так будет, то для чего мне это? и пошла спросить Господа» (Быт. 25:22 [Синод. перевод]). В сущности, эта методика точно такая же, как и наша. Когда мы испытываем что-то невыносимое, или даже когда бессмысленность самой нашей жизни становится больше, чем мы можем понять, мы обращаемся к источнику большей мудрости для того, чтобы расширить наше понимание. Тогда, в дни Иакова и Ревекки, человек был еще достаточно наивен и прост, чтобы пойти прямо к источнику знания, в случае евреев к «Господу». Они просто спрашивали, то, что желали узнать и были способны услышать ответ. Есть люди, которые все еще обладают этой наивной простотой, этой уверенностью в их невидимом собеседнике, но должна сказать, что такие люди редкость и, похоже, увы, почти исчезли. То же лежит в основе туземцев Элгони в восточной Африке. Такая простота лежит в основе мировоззрения туземцев Элгони, живущих на Востоке Африки и привыкших доверять свою судьбу видениям знахарей. Но, как они с сожалением рассказывали Юнгу в 1925 году, с тех пор как пришли англичане у них не появляются большие видений, потому что окружной комиссар знает, что они должны делать.¹

Знаем мы это или нет, но, в эти времена рациональности, все больше и больше все мы полагаемся на «окружного комиссара» и все, что он символизирует, и таким образом забываем сверхчеловечески мудрое руководство, существующее в бессознательном, которое доктор Юнг называл «абсолютным знанием»². Изначально, человечество называло такое абсолютное знание – «Бог», «Господь», «сознание Будды» и так далее.

---

¹ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения и размышления / Пер. В. Поликарпов. — Мн.: Харвест, 2003.

² Юнг К.Г. «Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. — М.: АСТ, 2010. пар. 931.

В самые первые годы анализа, главным образом, сразу после того как пути Юнга и Фрейда разошлись, доктор Юнг прошел через «период внутренних колебаний, будто я утратил всякие ориентиры и не мог нащупать почву под ногами»³. В частности, он ощущал необходимость найти совершенно новый подход к своим пациентам, потому что, работая с Фрейдом, эти методы ему казались не действенными и не удовлетворительными: «Так пришло решение во всем опираться на то, что они сами говорят, не связывая себя каким-то изначальным предубеждением, — т.е. отдаться на волю случая»⁴.

Позже он увидел, что очень мало что-нибудь случается «случайно», так что он действительно стал, уже тогда около 1911 года, доверять себя и своих пациентов бессознательному. Таким образом, он сделал открытие, что наиболее плодотворный способ толкования снов и фантазий, состоял в том, чтобы взять их собственные факты в качестве основы для их интерпретации, так как любая теория практически только искажает и затемняет их значение.

Этот новый метод чрезвычайно хорошо работал с его пациентами, но сам Юнг все еще чувствовал, что он не нашел твердую почву нужную ему. Он должен знать и понимать больше о его собственном внутреннем мифе. Он вынужден был признать, что сам он уже не живет тем христианским мифом, в котором западный мир жил вот уже последние две тысяч лет, и что, хотя он написал длинную книгу о мифах⁵, но он еще не знал свой собственный.

У него было несколько очень запоминающихся сновидений в то время, но он говорит, что эти сны не смогли помочь ему справиться

---

³ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения и размышления / Пер. В. Поликарпов. — Мн.: Харвест, 2003.

⁴ Там же.

⁵ См. Юнг К.Г. Символы трансформации. — М.: АСТ, 2009. — 731 с.

с «чувством дезориентации», ибо он не понимал их в течение многих лет. Таким образом, в то время он был вынужден искать дальше. Чаще всего это были темные и опасные шаги, но с помощью их он нашел свой собственный высоко эмпирический путь активного воображения. Ему потребовалось много лет, потому что он не был удовлетворен просто научиться видеть образы бессознательного, или даже иметь дело с ними активное участие в его фантазиях. Он не чувствовал себя в своей тарелке, пока он не сделал «самый важный шаг из всех»: нашел их «место и цель» в своей реальной жизни. Это самый важный шаг в Активном воображении, который «мы обычно пренебрегаем делать». Озарение в мифе нашего бессознательного должно быть преобразовано в этическую обязанность. Не делать этого, означает стать жертвой власти принципа, что приводит к опасным последствиям, разрушительным не только по отношению к другим, но даже к знающему⁶. «Образы из бессознательного налагают на человека огромную ответственность. Непонимание этого, равно как и уклонение от морального долга, лишает человека целостности и придает его жизни характер болезненной раздробленности»⁷.

Я думаю, что достаточно дала понять, что Активное воображение не безвредное времяпрепровождение. Это очень серьезный шаг, и никогда не следует относиться к нему легкомысленно. Правда, не каждому суждено встретиться лицом к лицу с бессознательным, так же полностью как это сделал доктор Юнг. Такое исследование – призвание, и никогда не должно предприниматься без кого-то, кто понимает.

---

⁶ Это достаточно любопытное словечко «знающий», литературный перевод с немецкого «der Wissende» (знающий), означающее здесь того кто испытал «инсайт» в бессознательном. Человек же, получивший подобную ценную информацию и не сделавший из нее выводы относительно места этого в своей жизни, становится жертвой силы принципа, чем в конечном итоге ставит под угрозу себя даже больше, чем его окружение.

⁷ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения и размышления / Пер. В. Поликарпов. — Мн.: Харвест, 2003

По этой причине, я начала эту лекцию, давая вам некоторое представление о глубинах этого явления и изменений всей жизни, к которым может привести Активное воображение, никогда нет никакой гарантии, если мы встанем на этот путь, что он может вывести нас туда куда нужно. Прежде всего, такое никогда не должно проводиться без прочных отношений с кем-то, кто поймет или, по крайней мере, посочувствует, поскольку это иногда ведет в такие холодные и бесчеловечные глубины, что человеческие дружеские отношения абсолютно необходимы, чтобы препятствовать нашей полной замороженности и потерянности. Но, хотя это и важно иметь спутника, которому можно довериться, действительное Активное воображение является очень индивидуальным и даже одиночным свершением. Я, например, никогда не могла заниматься Активным воображением если кто-то находился со мной в комнате, даже если, хорошо знала их.

Существует еще одно предупреждение, которое мне бы хотелось озвучить с самого начала, потому что я встретила несколько случаев, за последнее время, к своему удивлению, обнаружив, что это вообще не известно. Речь идет о том, что никогда не следует брать образы живых людей в своём воображении.

Если же есть соблазн сделать это, то мы должны остановиться и выяснить снова, очень осторожно, мотивы всего свершения, так как велика вероятность, возвращения к старому магическому мышлению, использующее бессознательное в личных целях, а не действительно единственно верным способом: исследовать неизвестное, как можно более научно, с целью найти нашу целостность. Мы подошли к большой существенной разнице между верным и неверным использованием активного воображения.

Возникает вопрос: честно ли мы пытаемся достичь и открыть для себя нашу собственную целостность, или нечестно используем его

в попытке достичь собственной цели? Последнее может быть успешной в течение некоторого времени, но рано или поздно всегда приведёт к катастрофе.

Если мы честно хотим найти собственную целостность, прожить судьбу как можно более полно, если мы действительно хотим уничтожить иллюзии из принципа и найти истину нашего собственного бытия, и как бы нам не приглянулось то, что мы нашли, то нет ничего, что может оказать большую помощь, чем Активное воображение. В конечном итоге это может привести к гораздо большей независимости, чем что-либо мне известное, освобождая нас от анализа или любой другой внешней помощи, но, в конце концов, это самая сложнейшая работа.

К сожалению, все не так просто и ясно, как было в дни Ребекки, и большинство из нас, если не все, должны кропотливо убирать слои скрытой зависимости от «окружного комиссара» и символизируемой им чисто рациональной безопасности, прежде чем мы сможем просто и доверчиво «вопросить Господа», используя этот язык, чтобы найти наш путь к абсолютному знанию в нашем бессознательном.

Ученик однажды спросил ученого раввина, почему в те времена Бог часто разговаривал непосредственно со своим народом, то почему он никогда не делает этого сейчас? Раввин, очевидно, очень мудрый человек, ответил: «Сейчас человек не может склониться достаточно низко, чтобы услышать то, что говорит Бог». Так и есть: мы должны склониться очень низко, чтобы слышать только то, что говорит Бог или бессознательное. Понимание и, по мере возможности, принятие наших собственных теней, на самом деле является неперенным условием для того, чтобы слышать голос, ибо, если мы по-прежнему предаемся иллюзиям о том, кто и что мы есть, у нас нет никаких шансов быть достаточно реальными, чтобы увидеть образы бессознательного или услышать его голос. Природа и бессознательное всегда идут прямо

к сути, которая, как правило, сильно отличается от наших ожиданий. Нам нужен беспристрастный разум, чтобы научиться ценить истину превыше всего, надлежащим образом запечатлевать и ценить то, что мы видим и слышим.

Поэтому я никогда не поощряла людей, работающих со мной, на активное воображение при раннем анализе, но делала все возможное, чтобы сосредоточить их внимание на их личной тени и на их Аниме и Анимусе, до тех пор пока не чувствовала, что они приобрели подлинные и достаточные знания об этих образах. Есть исключения, несколько людей, естественно одаренных в этом плане, могут пользоваться помощью Активного воображения в познании, как Тени, так и Анимуса, и могут правомерно пользоваться этим с самого начала их анализа, но таких очень немного.

Если активное воображение, кажется, вам нужным путем, и вы на самом деле достаточно уверены в вашей цели узнать больше о себе, следуйте принципу китайского человека дождя из Киаочау. Я предполагаю, что большинство из вас знают эту историю, но доктор Юнг, давший нам очень мало прямых советов, однажды сказал мне: «Никогда не проводи семинары (или лекции), без рассказа этой истории». Он слышал ее от известного синолога Ричарда Вильгельма, на одном из самых последних Рождественских собраний в клубе, за обедом, незадолго до своей смерти. Сейчас, конечно, мало кто в зале знает эту историю хорошо, и все же, тогда после того как он рассказал ее, вся атмосфера вечера изменилась, и я поняла, как никогда раньше, почему он попросил меня повторять ее столь часто.

Человек дождя

В том месте, где жил Вильгельм, случилась большая засуха; в течение нескольких месяцев не пролилось ни капли дождя и ситуация стала катастрофической. Католики устраивали процессии,

протестанты устраивали молебны, а китайцы жгли благовония и стреляли из ружей, чтобы отпугнуть демонов засухи; все было безрезультатно. Наконец, китайцы сказали: "Мы приведем человека дождя". И из другой провинции пришел высохший старик. Он попросил только об одном — чтобы ему выделили тихий маленький дом. В нем он и заперся на три дня. На четвертый день набежали тучи и начался сильный снегопад, хотя в это время года никакого снега не должно было быть, и снега выпало необычайно много; город был переполнен таким количеством слухов о чудесном "человеке дождя", что Вильгельм решил отправиться к этому человеку и спросить его, как он это сделал. Истинно по европейски он сказал: "Тебя называют "человеком дождя", скажи мне, пожалуйста, как ты вызвал снег?" И маленький китаец сказал: "Я не вызывал снег, в этом нет моей заслуги". "Но, что же ты делал в течение этих трех дней?" "О, это я моту объяснить. Я пришел из другой провинции, где все в порядке. Здесь порядок, нарушен, люди ведут себя не так, как того требуют небеса. Поэтому вся эта провинция не находится в Дао, и я также нахожусь не в естественном порядке вещей, поскольку пребываю в провинции, где этот порядок нарушен. Поэтому я должен был подождать три дня, пока не вернусь к Дао, после чего, естественно, пошел дождь».⁸

Значимость Активного воображения на самом деле, в том чтобы привести нас как человека дождя в гармонию с самим собой, так что вокруг нас будут случаться правильные вещи, нежели наоборот. Хотя, возможно покажется, что китайское Дао, довольно экзотично по отношению к простому повседневному опыту. Но мы можем найти его в нашем разговорном языке: «Он встал не с той стороны кровати сегодня утром», или, как говорят в Швеции, «с левой ноги». Такие фразы метко выражают психологическое состояние, если мы не находимся в гармонии с собственным бессознательным. Мы брюзжим и раздражаемся, изо дня в день,

---

⁸ Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis* \ Пер. О.О. Чистяков. — М.: Рефл-Бук, Веклер, примеч. 211.

оказывая разрушительный эффект на окружающую среду, прямо противоположный эффекту, исходящему от человека дождя.

Можно видеть эти эффекты очень четко в двух противоположных действиях молитвы и черной магии. Мистики, как вы знаете, прилагали все усилия к достижению единения с Богом или, говоря по-другому, входили в себя, до тех пор, пока Эго в значительной мере заменялось Самостью. Есть очень много историй о таком эффекте, семь описано как чудеса, повлиявшие на окружающую среду. Например, как и человек дождя из Киаочау., Св. Гертруда, бенедиктинская аббатиса, также была в состоянии влиять на погоду. Есть бесчисленные рассказы о ее возможностях, предотвращать град молитвой, прекращать слишком сильный мороз, в последний момент сохранить урожай от шторма, и так далее. Интересно то, что в записанных молитвах, она подчеркивает, что она не хочет, навязывать волю своего Эго Богу, но просто ей хотелось бы обратить его внимание на факты!⁹ Она пытается установить полную гармонию между собой и Богом, которая не будет прервана, независимо от Его ответов на ее молитвы.

Мы не собираемся выяснять действительно имели ли место быть эти физические или чудесные эффекты, но факт, что многие люди верят в это, что само по себе является психологическим доказательством, указывающем на глубоко укоренившиеся убеждения, что гармония с Богом или Самостью оказывает влияние на окружающую среду.

То же самое относится и к широко распространенному убеждению, что ведьмы могут вызывать бури. Они всегда подозреваются в связи с дьяволом или каким-то демоном, то есть с неупорядоченной силой. Идея состоит в том, что они вышли из себя, создали беспорядок, как и наше брюзжание, о котором мы

---

⁹ From "Life and Revelations of St. Gertrude." [Source unknown.Ed.]

говорили, что привело к неправильной погоде, в точности до наоборот смыслу истории о человеке дожда из Киаочау..

В действительности ли состояние одного человека повлияло на погоду, нас в данном случае не волнует, поскольку это абсолютно невозможно ни доказать ни опровергнуть. Я привела вам эти примеры, потому что они образуют чрезвычайные и видимые случаи, эманаций, исходящих от гармоничного или неупорядоченного отношения людей с их собственным бессознательным, находящих подтверждение во все времена и у всех народов. Очевидно, что мистическое единство, как святого, так и союза ведьмы с дьяволом, слишком односторонне. Одни верят в абсолютную справедливость Бога и отклоняет зло, как *privatio boni*, а другие же верят, что дьявол — Князь мира сего, сильнейший из всех и поэтому принимают его сторону, надеясь, так сказать, на большую выгоду. Наша же задача в примирении с бессознательным, что гораздо труднее, чем приведенные выше примеры, ибо нам приходится иметь дело с двумя сторонами сразу. Это относится к проблеме нашего времени.

И молитвы, и мистическое созерцание, и договор с дьяволом или же ведьмой тесно связаны с Активным воображением. То есть, представляют собой активные попытки прийти к соглашению с невидимой силой, для исследования неизвестной территории бессознательного. Причина эффекта мистика более благоприятна, чем ведьмы, и может быть объяснена в психологическом отношении тем фактом, что мистик пытается отбросить требования Эго, тогда как ведьма пытается использовать силы подсознательного в целях Эго. Другими словами, мистик жертвует односторонним Эго ради цельного, в то время как ведьма пытается использовать силы, которые принадлежат к совокупности ради части, ограниченной сознательным Эго.

Мы все испытывали то, что наши сознательные намерения постоянно пересекаются неизвестным или относительно

неизвестным оппонентом в бессознательном. Возможно, самое простое определение Активного воображения, можно выразить тем, что оно дает нам возможность начать взаимодействие и примириться с бессознательным. В этом заключается отличие от сна, в котором мы не имеем никакого контроля над нашим собственным поведением. Конечно, в большинстве случаев практического анализа сна достаточно для того, чтобы восстановить баланс между сознательным и бессознательным. Но это только в определенных случаях, которые рассмотрим позднее, если потребуются. Прежде чем мы пойдем дальше, я должна дать краткое описание методов, которые могут быть использованы.

В каждом случае цель заключается в контакте с бессознательным, и это влечет за собой, тем или иным образом, предоставление ему возможности выразить себя. (Любой, кто убежден, что бессознательное не имеет своей собственной жизни, даже не должны пытаться использовать эти методы). Чтобы дать ему эту возможность, почти всегда необходимо преодолеть в большей или меньшей степени сознательные судороги, чтобы позволить фантазии, присутствующей в бессознательном, прийти в сознание. Доктор Юнг однажды сказал мне, что он думал, видения всегда происходят в бессознательном состоянии, но для этого обычно нужен сон и полное прекращение внимания к внешним явлениям, для того, чтобы вообще быть в состоянии заметить их в сознании.

Поэтому, как правило, первый шаг в Активном воображении, научиться видеть или слышать сны, когда мы проснулись.

Юнг говорит в своем «Комментарии к «Тайне Золотого Цветка»»:

«При любом наблюдении, деятельность сознания должна всё снова и снова отходить в сторону. Результаты таких усилий поначалу в большинстве случаев мало вдохновляют. Речь идет, как правило, о настоящих привидениях, созданных фантазией, которые не дают возможность четко уяснить себе, что к чему.

Способы материализации этих фантазий тоже индивидуально различны. Некоторым легче всего их записывать, другие их визуализируют, а третьи рисуют их или пишут красками с визуализацией или без нее. При высокой судорожности сознания нередко фантазированием могут заниматься только руки, они лепят или рисуют образы, зачастую абсолютно чуждые сознанию.

Такие упражнения должны продолжаться до тех пор, пока судорога сознания не разрешится, иначе говоря, до тех пор, когда можно будет предоставить событиям свободу, что и является ближайшей целью упражнения. Благодаря этому возникает новая установка, которая приемлет также иррациональное и непонятное просто потому, что они происходят. Эта установка будет ядом для того, кто уже и так находится под властью просто происходящего: но она же высшая ценность для того, кто путем сугубо осознанного решения всегда выбирал из просто происходящего только то, что подходит его сознанию, и тем самым мало-помалу выбрался из потока жизни в тихую заводь»¹⁰.

В других местах, Юнг также указывает среди способов достижения этих фантазий — движение и музыку. Он подчеркивает, что в движении, хоть порой и оказывается большая помощь в растворении судорог сознания, заключается трудность в запечатлении самого движения и, если нет внешней записи, то удивительно быстро вещи, исходящие от бессознательного, исчезают из сознания.

Что касается движения, Юнг предлагает повторять высвобожденные движения, до полного запоминания, и тогда, по моему опыту лучше всего зафиксировать на бумаге, либо нарисовать узор танца или движения, или описать в нескольких

---

¹⁰ Юнг К.Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» / К.Г. Юнг. О психологии Восточных религий и философий / пер. В.М. Бакусева. — М.: «Медиум», 1994 г. — С. 167.

словах, просто чтобы предотвратить его полное исчезновение в течение нескольких дней.

В том же комментарии, Юнг говорит о типах:

«Один будет принимать главным образом, приходящее к нему извне, а другой идущее изнутри. И, как того хочет закон жизни, один возьмет извне то, чего прежде никогда не принял бы извне, а другой изнутри то, что прежде непременно отбросил бы. Это обращение всего существа человека означает расширение, возвышение и обогащение личности, причем прежние ценности, поскольку они не были просто иллюзорными, сохраняются и после обращения. Если же они не сохраняются, то человек впадает в другую крайность из годного попадает в негодное, из адекватности в неадекватность, из смысла в бессмыслицу и даже из разума в душевную болезнь. Этот путь небезопасен. Все хорошее дорого, а развитие личности относится к самым великим драгоценностям. Дело в том, чтобы говорить себе "да", т.е. полагать себя самого как наиважнейшее задание и всегда оставаться при полном сознании того, что делаешь, никогда не спуская глаз с себя со всеми своими сомнительными сторонами вот уж, действительно, задача из задач»¹¹.

Как правило, это занимает очень много времени, прежде чем две стороны личности — сознательное и бессознательное, смогут быть приведены в Дао, снова используя этот китайский термин. Хотя, как я уже говорила, этот термин, непривычно звучащий для западного уха, действительно самый практичный из всех слов. Доктор Юнг пишет:

«Для западного духа характерно, что у него вовсе нет понятия, передающего дао. Китайский иероглиф "дао" составлен из знаков

---

¹¹ Юнг К.Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» / К.Г. Юнг. О психологии Восточных религий и философий / пер. В.М. Бакусева. — М.: «Медиум», 1994 г. — С. 168

"голова" и "идти". Вильхельм переводит дао как "смысл". Другие как "путь", "providence" ["Провидение" (франц.)] и даже, как иезуиты, "бог". ... "Голова" могла бы указывать на сознание "идти" на "проделывать путь". Должна получиться идея "идти осознанно" или "осознанный путь"»¹².

Существует еще один метод в связи с бессознательным — посредством Активного воображения, который, по-моему, один из самых полезных, а именно беседа с сущностью бессознательного, появляющейся персонифицировано. Доктор Юнг говорил, что это характерно для поздней стадии активного воображения, и я даже не понимала всех возможностей, пока не начала работу с самим Юнгом. Подобный метод рекомендуется в «Two Essays on Analytical Psychology», и те из вас, кто прочитал главу «Знакомство с бессознательным» в «Воспоминаниях» припомнят, что он прибег к нему довольно рано, хотя и не сначала своих экспериментов. Кроме того, те из вас, кто читал описанный мной случай «Anna Marjula» вспомнят, что она использовала визуальный, а не слуховой метод в течение многих лет, а иногда успешное сочетание и того и другого¹³.

Техника визуального и слухового методов состоит в возможности позволить вещам происходить так, как доктор Юнг описал в приведенных выше отрывках. Затем, после того как вы, просто наблюдали то, что произошло или то, что было сказано, активно выходите на сцену или разговор с самим собой. Если этого не делать, фантазирование никогда не становится активным воображением, но остается своего рода пассивной ролью наблюдателя кино или же слушателя радио. Необходимо справиться с этим, или оно очень скоро станет даже вредным, если

---

¹² Юнг К.Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» / К.Г. Юнг. О психологии Восточных религий и философий / пер. В.М. Бакусева. — М.: «Медиум», 1994 г. — С. 170

¹³ [See Hannah, Encounters with the Soul: Active Imagination As Developed by C.G. Jung, pp. 133ff.Ed.]ста

предаваться этому слишком долго. По преимуществу этот путь, является способом выяснения отношений с бессознательным (то, что Юнг называл «Auseinandersetzung» [нем. критический разбор]), и для этого необходимо иметь собственную твердую точку зрения, но и быть в состоянии признать точку зрения бессознательного.

Часть 2

Когда я читала первый курс по Активному воображению в Цюрихском институт весной 1951 года, некоторые аналитики сочли за необходимость узнать, что я собираюсь рассказать, так как, многие из их пациентов посещали семинары Института. Поэтому меня попросили выступить с лекцией перед началом курса. Чудесным сюрпризом оказалось присутствие самого доктора Юнга, в результате чего последующее обсуждение стало одним из самых интересных, за сорок лет моего пребывания в Институте. К счастью там присутствовала фрау Аниела Яффе, сделавшая несколько стенографических записей.

Доктор Юнг начал обсуждение, сказав мне, что я должна начать с указания, *когда* Активное воображение будет целесообразным. Он подтвердил, что оно должно быть применяемо далеко не всегда, а только в определенных случаях, и сказал, что я должна дать своим студентам более подробные инструкции. Он выделил шесть причин для рекомендации использования данной техники. Я привела их в своей статье «Об Активном воображении», которая была напечатана весной 1953 года, но хотелось бы повторить их здесь с комментариями и примерами. И прежде чем начать, я должна отметить, что это была очень оживленная дискуссия, иногда на английском и иногда на немецком языках, со многими заминками и вопросами, так что список должен рассматриваться не более чем как общее указание, а не как нечто окончательное. Я приведу вам эти шесть пунктов с последующими комментариями.

1) Когда очевидно, что бессознательное переполнено фантазиями, что особенно часто случается с людьми, которые очень рациональны или интеллектуальны.

В таком случае использование метода Активного воображения является не только законным, но зачастую оказывает большую помощь в установлении контакта с накопленным содержанием бессознательного.

Тем не менее, в таких случаях есть определенная опасность того, что бессознательное будет протекать слишком быстро. Часто это действительно задача не из легких, чтобы люди приняли свои фантазии полностью, чем больше они рациональны и интеллектуальны, тем их фантазии будут более иррациональными и удивительными. Но как только они отказываются от своих рациональных предрассудков, то фантазии иногда становятся потоком, прорывающим плотину, и люди становятся настолько очаровательными, что начинают чувствовать себя старой курицей смотрящей за своими утятами, прирастившимся к воде. Существует также определенная опасность с такими людьми, даже если они вполне в состоянии остановить поток фантазий.

Кроме того, они слишком склонны думать, что, как только они научились отпускать фантазии, они уже практикуют Активное воображение, они видят цель лишь в создании потока. Из-за нашего западного предубеждения, что мысль иллюзорна, они не понимают, насколько вредным может оказаться, уход в фантазии. Мы все знаем, крайние случаи: например как фантазии о чем-то особенном, могут отнять у людей всю свою жизнь.

Легко признать крайние случаи, но в целом люди не понимают, что тот же механизм действует и в небольших, а иногда и почти незначительных случаях, когда кто-либо, считающийся нормальным, пускается в фантазии, в частности, в то, что мы можем назвать желаемыми фантазиями.

Я знала одну немку, с постоянной фантазией о браке. Она была богатой, красивой и привлекательной, но воспитывалась матерью с мыслью, что брак это единственная жизнь для женщины. Она не выходила замуж, так как превращала каждого подходящего для брака мужчину, в героя своих фантазий, и эти фантазии были совершенно бесчеловечными, потому что она была одержима этой мыслью, и естественно, все всегда шло не так. У нее не было сложностей с мужчинами не брачного возраста. Когда ей было за тридцать, она, наконец, взяла дело в свои руки и, пройдя анализ, вскоре увидела, что это одержимость. Она смогла вовремя, примириться и пожертвовать этим условием и даже принять мысль о незамужней жизни в качестве возможной судьбы. Вскоре после этого, когда ей было за сорок, она вышла замуж за очень хорошего человека, которого знала в течение двадцати лет. У него, наконец, появилась возможность подойти к ней, потому что она больше не была одержима желанием выйти замуж.

Это свидетельствует о большой опасности, уходя в фантазии, мы можем стать одержимыми ими, что плохо сказывается на нас самих и окружающих людях. Одержимость, или можно также выразиться: околдованность, как кто-то точно подметил в случае с Гитлером, приход, к власти которого начался с его фантазий. Как отмечал доктор Юнг:

Один человек, явно одержимый, заразил всех людей так, что все пришло в движение и, более того, взяло опасный курс.¹⁴

Таковыми будут результаты, если предаться пассивной или желаемой фантазии, но это, совершенно отличается от нашего активного входа в игру. Доктор Юнг рассказал нам случай одного вечера, когда девушка привела ему фантазию льва в пустыне, который затем превратился в корабль на море, автомобиль на

---

¹⁴ «Вотан» К.Г.Юнг

дороге, и так далее. Она представила это как Активное воображение, но он, конечно, вскоре сказал, что это всего лишь наблюдение кино. Она должна была поставить под сомнение первый образ, в данном случае льва в пустыне. Что это передает ей и что она передает этому? Где *она* находилась? Как только люди приступают к Активному воображению часто полезно проверить, действительно ли они понимают и принимают бессознательное как реальность, с которой они должны взаимодействовать, или они думают, что это настолько нереально, что они могут позволить себе ничего не делать, или же считают чем-то таким, что можно было бы запросто положить в свой карман.

Если можно действительно добиться успеха в обучении людей быть активными в фантазии и взять на себя ответственность за ситуации, которые возникают, нужно практически не бояться причинить вред. Но это легче сказать, чем сделать, и у некоторых людей есть реальный блок. Чаще всего блок преодолеваем, но не всегда. Очень сильное сопротивление нужно всегда уважать. На самом деле можно было бы здесь вспомнить, что доктор Юнг говорит в «Психологии переноса»: «Добрый совет» часто сомнительное средство, но в целом не опасен, поскольку имеет небольшой эффект»¹⁵.

То же самое относится, как правило, к консультации, касающейся Активного воображения, потому что некоторые люди любят заменить трудности жизни на фантазии, и тогда оно становится потакающим и вредным.

Я помню, когда пожаловалась доктору Юнгу на то, что мне нужно читать лекции преподавателям, тогда как мне необходимо время для подготовки семинара. Он бодро ответил: «Ну, вы могли бы использовать, по крайней мере, половину времени (или наполнить

---

¹⁵ The Practice of Psychotherapy, CW 16, par. 359n.

эту тему) перечисляя все скверные отговорки людей избегающих Активного воображения». Я должна признаться, что и у меня до сих пор есть «скверные отговорки» не делать что-то, даже когда я знаю, что должна.

Одна из «скверных отговорок», что нет времени, но когда вы примените этот метод, то поймете, что не так уж и много времени он занимает. Очень часто оправданием является то, что люди говорят вам, что они уверены, что они просто выдумывают и обманывают сами себя. Конечно, всегда можно обманывать себя, но обычно идея о том, что они выдумывают, совершенно не обоснована. Часто они получают шоковые переживания. Например, человек, который экспериментировал довольно вяло с Активным воображением, вдруг в голубом небе увидел топор. Он задался вопросом о бессмысленности пришедшего, но не придал этому никаких дальнейших размышлений. Две недели спустя, однако, он потерял работу, для подобного есть выражение из разговорного английского «being axed»¹⁶. Теперь он знал, дело было в сокращении персонала, но признался, что не считал возможным, что компания откажется от его услуг! Случившееся произвело на него огромное впечатление, однако когда он получил лучшую работу, он забыл все настолько сильно, что, когда я, некоторое время спустя, спросила про топор, он с величайшим трудом вспомнил инцидент!

Но, как правило, великим обманщиком в Активном воображении выступает Анима или Анимус. Когда однажды действительно понимаешь, что Активное воображение приводит к концу их власти в качестве автономных демонов и, хотя сами они также освобождаются, когда работа завершается, по свойственному их природе принципу, они делают все возможное, чтобы сохранить реальную власть за собой. Доктор Юнг однажды даже зашел так далеко, чтобы сказать, что Активное воображение является

---

¹⁶ Прим.пер. «быть уволенным» игра слов «ахе» значит топор.

пробным камнем, по которому можно сказать, является ли кто-то по-настоящему нацеленным на психологическую независимость или нет! Если они *хотят* оставаться в зависимости от их аналитиков или кого-то другого, таким образом, тайно и бессознательно завися от Анимуса или Анимы, они никогда действительно не посвятят себя задаче Активного воображения.

2) Чтобы уменьшить количество снов, когда их слишком много.

Здесь приведу пример из моего собственного опыта. Однажды, когда у меня случился поздний отпуск одним летом, я отправилась в горы одна, чувствуя, что заработала полноценный отдых! Но мне сразу же стали сниться сны в таком количестве, сколько не снилось с самого раннего анализа. Пришлось бы потратить целый день, чтобы записать их! Тогда я сделала единственное, что знала, чтобы остановить их: отказалась от «полного расслабления» и начала Активное воображение. Это дало желаемый эффект немедленно, так что мне практически не снилось ничего всю оставшуюся часть отпуска.

Так как я уже была знакома с этим методом и использовала его в течение многих лет, он в данном случае, конечно, оказался для меня сравнительно легким в использовании. Но человеку, тонущему в снах и не имеющему понятия, что делать, будет гораздо сложнее. Поток снов не определяет того, что фантазии будут легкодоступны. Одной из сложностей обучения человека является задача определения точки отсчета, с которой следует начать. И здесь, на мой взгляд, прежде всего, необходимо знать самим аналитикам о том, каким образом это делается на собственном опыте и иметь значительный опыт этих практик, в конечном счете, никто не сможет провести пациента дальше того рубежа, до которого он дошел сам.

В случае излишка снов, я обнаружила, что иногда лучше всего работает, способ при котором осторожно берется один сон, тот, в

котором анализируемый заинтересован больше всего, и задаются вопросы. Сон, который оканчивается знаком вопроса особенно полезен для этой цели. Чем наивнее и проще вопросы, тем больше шансов, что они дадут желаемый результат. Можно также задавать самому себе такие вопросы, если нет аналитика. Следует понимать, что ситуация сна все еще присутствует где-то при условии, что это недавний сон, так как давние, как вы знаете, обычно тонут в подсознании, и зачастую очень трудно достигаются, а затем мы должны снова обратиться к ситуации так реалистично, как это было бы аналогично внешней ситуации. На данной стадии необходим аналитик, если это делается при анализе, или еще кто-то, если делается самостоятельно, чтобы найти средства выражения, подходящие лучше всего, а затем использовать их в качестве отправной точки, такой же, как и ситуация во сне.

Я упомянула случай со снами в качестве возможной отправной точки для Активного воображения, потому что мы говорим о ситуации, когда целесообразно уменьшить избыток снов. Если есть гипнагогические видения, они обычно обеспечивают более удовлетворительные отправные точки. Видения, возникающие в бодрствующем состоянии, как правило, ближе к сознанию, чем сны, которые могут исходить от очень недоступных уровней бессознательного.

3) Третья причина для использования Активного воображения, когда слишком мало снов.

Если сновидения отсутствовали некоторое время, вероятно, не будет готовой отправной точки для активного воображения, однако затем возникает еще более сложная ситуация, в которой может оказаться необходимым *создать* отправную точку. В работе доктора Юнга «Трансцендентная функция», написанной в 1916 году, когда он был еще на ранних стадиях экспериментирования с Активным воображением, он сказал, что,

когда нет отправной точки, или при отсутствии методического подхода, мы можем довольствоваться только тем, что есть. Обычно есть некоторые эмоциональные нарушения, такие как отчаяние, гнев, депрессия или даже безысходность. Мы можем тогда, вместо того чтобы бороться с плохим настроением, например, сосредоточиться на нем, погрузиться в него без критики, придать ему выразительность и сделать все, чтобы выразить его так полно, как это возможно.¹⁷

Я могу вам сказать, что эта процедура, которой научила меня Эмма Юнг еще в 1930, всегда имела очень большую ценность для меня лично. Может быть, это моя шотландская кровь, но я люблю, превращать что-то настолько очевидно бесполезное и даже разрушительное, как плохое настроение, запальчивость или яростное сопротивление, во что-то имеющее значение посредством Активного воображения. Я помню, как однажды, когда я думала, что со мной обошлись очень несправедливо, и была близка к тому, чтобы совпасть с моими негативными эмоциями, мне удалось объективировать это в достаточной степени, чтобы быть в состоянии услышать это и сказать:

«Если только вы сможете понять меня, вечная вода должна течь». Я могу только сказать, что эта несправедливость ко мне, в конце концов, дала мне больше, чем любая доброта.

Когда же нет даже эмоционального расстройства, то ситуация становится ещё сложнее, и нам следует принять во внимание то, что имеется. Возможно, имеется глупое чувство дискомфорта, сопротивления, недомогания, тошноты, скуки или даже нечто совершенно неопределимое. Тогда, как предлагает доктор Юнг в ранней работе, требуется специальная интроверсия либидо при поддержке остального тела. Любой совершенно бессмысленный фрагмент фантазии, имеющий место быть, должен быть сохранен

---

¹⁷ [See *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 706.Ed.]

и медленно, очень медленно, часто крошечной отправной точкой, может быть выловлен из глубины.

4) Если кто-то чувствует, или, кажется, под неопределенным влиянием, под, своего рода, чарами, или чувствует, или, кажется, за своего рода стеклянным экраном.

Эта потеря связи с реальностью, как я уверена, что вы все знаете, одно из самых неприятных явлений, с которым сталкивается человек, как в себе так и в других людях, потому что это так нематериально и непонятно. Это большой соблазн использовать здесь лозунги: «О, я (или он или она) пойман Анимусом или Анимой», или «Это должно быть инфляция», или чувство неполноценности, или нет.

Я потратила много времени, когда впервые стала по-настоящему осознавать Анимуса как бесспорную реальность, обвиняя его абсолютно во всем, когда я почувствовала отрезанной себя от реальности или отделенной своего рода стеклянным экраном, была уверена, что это его рук дело. Я помню, как много лет тому назад получила ужасное потрясение по этому поводу, когда неделями усердно работала над Анимусом, а затем, повстречавшись с доктором Юнгом еще раз после праздников, он обнаружил, что я сделала только хуже, а не лучше. На этот раз, Анимус был вполне безупречным и, естественно, стало очень больно, и, в конце концов, антагонистичными (как и все во внешнем мире) были мои негативные предположения о нем. Не существует ничего более разрушительного, чем делать негативные прогнозы. Доктор Юнг даже однажды сказал мне, что он думает, что сущность любви, чтобы давать людям веру. Если кто-то настолько наивен, чтобы дать это там, где ненужно, по его словам, это окажется веревкой, на которой они себя подвешивают, но, как правило, это помогает людям больше, чем все остальное, что можно сделать для них. Реальной проблемой по этому поводу было то, что что-то причинило мне боль во внешнем мире, и

вместо того, чтобы признать это и выстрадать, я попыталась подняться выше, понять человека, который мне сделал больно, и так далее. Мои непрожитые и нереализованные эмоции затем образовали своего рода стеклянный экран между мной и внешним миром, а я обвиняла Анимуса в отрезании себя от реальности. Конечно, это отсечение, безусловно, является характерным для Анимуса, и он часто бывает в сердцевине такого состояния, но я говорю об этом инциденте, чтобы показать, как неразумно делать такие поспешные и необоснованные выводы.

Этот неопределимый экран — место, где Активное воображение может оказаться на вес золота. Никогда не следует считать, что вы знаете, откуда исходит «неопределимое влияние», «разновидность чар» или «стеклянный экран» сами ли по себе или от других людей, но необходимо принять само состояние как то: отрицательные эмоции, плохое настроение, и так далее, о чем мы говорили раньше, и попытаться сказать, что это такое. Правда, эта задача не из легких, такие вещи часто очень невняты и здесь потребуется бесконечное терпение и выносливость. Но, по моему опыту, по крайней мере, если достаточно довериться раздражающему экрану и избежать негативных предположений о нем, со временем он предоставит свое содержание, хотя зачастую в самых непонятных образах.

Во всяком случае, я хочу подчеркнуть здесь то, что Активное воображение (там, где оно может быть использовано) является прямым путем в деле с этим расплывчатым и неопределимым влиянием, потому что это единственный способ, неизбежно ведущий нас, в конце концов, к истине. Конечно, иногда нам может повезти, если приснится сон, проясняющий этот вопрос, но лично я не верю подобным ожиданиям. Наши сны зависят также, в некоторой степени, от отношения к бессознательному и, если нас занесло не в ту сторону, мы можем ждать искупительный сон вечно, но неправильным будет и часто возникающая мысль держаться от них подальше.

5) При нарушении адаптации к жизни.

Как вы знаете, подобная ситуация является наиболее распространенной причиной обращения людей, приезжающих на анализ и в своей легкой форме не обязательно требует применения Активного воображения. Часто достаточно снов и обычной процедуры анализа, чтобы исправить нарушения. Но когда травма оказывается тяжелой и не поддающейся лечению, это может явиться одним из условий, для того, чтобы Активное воображение оказалось действенным.

Например, возьмем случай адаптации интроверта, жизнь которого была нарушена требованиями экстравертной реальности, с которой он не в состоянии справиться. Мой собственный опыт показывает, что он будет только все больше и больше отчаиваться из-за неудач, если он попытается преодолеть трудности непосредственно во внешнем мире. Но если он сможет преодолеть трудности во внутреннем мире фантазий, где он не подвергается, как правило, чувству паники, которая побеждает его во внешнем мире, он будет постепенно становиться более уверенным в себе.

В отличие от сна, где мы часто делаем вещи, на которые мы совершенно не способны в бодрствующем состоянии, в подлинном Активном воображении мы обычно сохраняем скованность. То есть, если мы будем пытаться встретить ситуацию в фантазии, с которой сталкиваемся во внешнем мире, мы почувствуем себя беспомощными и там и там. Род фантазий, в которых мы ведем себя, как герои, и совершенно не похожи на нас обычных – подозрительны. Они очень часто *phantasia non homo*, как называет их Петроний, голубой мечтой, без подлинного содержания и цели, желая убежать от того, что мы действительно находимся в довольно мнимом образе нас.

Подлинное Активное воображение, с другой стороны, направлено на полное принятие наших ограниченных возможностей и недостатков, и с другой на расширение личности, за счет выяснения, многих вещей, которые мы не знаем. Кроме того, оно может выявить архетипическую основу, частью которой мы являемся, но с которой мы никогда не должны идентифицироваться. Если, например, мы увлечемся фантазией героя только потому, что мы особенно трусливы в реальной жизни, мы просто отождествимся с архетипом героя, и тогда наша фантазия станет *нечеловеческой*, точно так, как выражается Петроний. Но если мы будем играть свою роль в воображении, придерживаясь человеческих мер, у нас есть реальная возможность проработать вещи в бессознательном, способом, который также поможет нам в нашей повседневной жизни. Здесь, возможно, нам понадобятся конкретные примеры, чтобы показать, как внешней ситуации может быть оказана помощь такой внутренней процедурой, как Активное воображение.

Молодой человек страдает от фобии, касающиеся полиции (символ социальной адаптации), которая искалечила жизнь, а также мешала ему спать, потому что он, находясь в темноте, слишком пугался, чтобы заснуть. Он всегда старался преодолеть эту фобию, никогда не уступая своему страху и одной ночью, когда он был в другой стране, с недостаточной суммой денег, то он даже позаимствовал палатку и попытался спать в поле. Однако, в середине ночи паника пересилила его, и он закончил ночь в отеле. Когда он вернулся домой, ему снилось, что боксер (вроде типичного сильного человека на ярмарке) уходит с этого поля в глубоком унынии.

Молодой человек, который был среднего телосложения и кроме того чувствительным и слегка женоподобным художником, очевидно, имел сильную тень, которая не боялась спать в темноте и вполне способна справиться с полицией. Пытаясь игнорировать страх, он явно пытался идентифицировать себя с этой тенью, но,

естественно, это не сработало, ибо он не может просто превратиться в свою противоположность. Если бы он мог продолжить этот сон в Активном воображении, подружиться с человеком грубым, но отнюдь не злым, он открыл бы возможность расширения своей личности и в конечном итоге интеграции этой тени. Но, даже раньше, через Активное воображение, он смог бы превратить эту фигуру в защитника, а не мнимого нападавшего. Например, в темноте, если бы он был в дружеских отношениях с тенью, он мог бы спросить: «Ты здесь? Ты поможешь мне, если что-нибудь произойдет?» Медленно, через такие, по-видимому, детские способы, он мог бы преодолеть свой внутренний страх, постепенно освобождаясь от чувства неполноценности и адаптируясь к внешнему миру.

Этот человек был интровертом. В качестве примера экстравертного типа, я вспоминаю случай с женщиной, которая всегда, сравнительно легко адаптировалась к внешним ситуациям. Когда ей было за сорок эта адаптация вдруг подвела ее, все стало трудно, и она в скором времени впала в крайне невротическое состояние. Она применила анализ, но сначала без особого эффекта, даже стало гораздо хуже. Только тогда, когда она начала использовать Активное воображение, которое приняло форму длинных и чрезвычайно интересных серий картинок очень архетипического характера, в которых она постепенно научилась играть роль себя — ситуация начала улучшаться. Она всегда адаптировалась на довольно поверхностном уровне и, вся ее энергия тайно текла в подсознательное, поэтому ее внешняя жизнь стала настолько стерильной, что она больше не могла справляться с этим.

Ей было действительно скучно с родными и близкими, хотя она предпочла бы умереть, чем признаться в этом. Когда она нашла новый смысл жизни в увлекательных внутренних образах, ее ранее экстравертная сила справляться с внешними ситуациями вернулась к ней, но на менее поверхностном уровне. Она не пыталась

бороться с внешней ситуацией в уме, как часто волей-неволей делают интроверты, но она последовала за недостающей ей энергией, пока не нашла удовлетворяющие образы, давшие смысл жизни и косвенно позволившие ей использовать свои природные способности к экстраверсии снова во внешнем мире. Это исцелило ее нарушение адаптации.

б) Когда кто-то попадает в ту же яму, снова и снова.

Здесь доктор Юнг привел пример из своей практики. Женщина жаловалась, что она попадает в ту же яму, снова, как делает всю свою жизнь, и он сказал ей, что она, наконец, должна спросить себя: почему? Она должна спросить бессознательное, а затем терпеливо ждать все, что придет. Наконец, примерно через три недели, она сообщила, что увидела стену. Она стояла перед этой стеной и не могла ничего сделать, чтобы продвинуться. Он спросил ее: «Ну, что вы собираетесь с этим делать?» В конце концов, она пришла к мысли, что там может быть дверь. Потом она посмотрела вверх и вниз стены, но ее не было. Доктор Юнг спрашивал, каждый раз, когда он видел ее: «Ну, что со стеной, ты собираешься делать что-нибудь с этим?» Он добавил: «Я даже обзывал ее, глупой коровой». Это продолжалось в течение трех недель, а затем она обнаружила, что можно было бы взять молоток и зубило и сделать отверстие в стене. Ей потребовалось три недели, чтобы прорваться и выйти на другую сторону, когда она, наконец, смогла увидеть, что все это было возможно.

Это дает нам некоторое представление о терпении, требующемся в такого рода случаях. Когда кто-то действительно уверен в необходимости Активного воображения, то никогда не должен сдаваться. Этого, как правило, избегают, поскольку предполагается ответственность за Активное воображение, делая это так, как это должно быть сделано, вы не сможете избежать ответственности. Вы должны принимать свои собственные решения, и скоро узнаете, что это не безвредная игра. То, что человек делает в

Активном воображении, влияет на весь его характер и последующую жизнь.

Если бы эта женщина не нашла способ, пробиться через эту стену в себе, не было бы никаких шансов на разрушение чар, что влекли ее в ту же яму снова и снова.

[illegible]

Дать полное описание Активного воображения в одной лекции — невыполнимая задача, поэтому пришлось сделать упущение некоторых моментов и фрагментов. Тем не менее, я попыталась дать вам представление о том, что Активное воображение влечет за собой и какие далеко идущие последствия оно может иметь. Это, несомненно, очень сложная идея для наших западных предрассудков, склонных считать мысли и фантазии как нечто интересное и даже увлекательное, но не имеющее материального существования или не оказывающее прямого воздействия на внешнюю жизнь. Доктор Юнг однажды заметил, когда пытался прояснить данный момент, что нет ничего в этой комнате или доме, которое не было первой мыслью в чьем-то уме.

Когда мы действительно осознаем, что мы начинаем понимать глубину нашей ответственности за наши собственные мысли и фантазии. Собственное чувство ответственности у доктора Юнга было настолько сильным, что во время его одиссеи в бессознательное, он оставил свою должность преподавателя в университете, и как он говорил:

«Меня угнетала беспомощность перед тем материалом, которым я в тот момент располагал... Было бы опасно продолжать учить студентов, обрушивая на них собственные сомнения и тем самым дезориентируя их».¹⁸

¹⁸ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения и размышления / Пер. В. Поликарпов. — Мн.: Харвест, 2003.

Это находило «место и цель» в действительной жизни вещей, которые доктор Юнг обнаружил в Активном воображении, которое непреклонно привело его в очень активную жизнь, столь отличающуюся от того изученного досуга, что он жаждал. Он оказался завален пациентами со всего мира, увеличились обязанности и обязательства чтения лекций и проведения семинаров. Он сам говорит, что «этот пламенный поток, эта страсть захватили меня, преобразив и переплавив в своем огне всю мою жизнь.»¹⁹ Работа над образами из бессознательного стала «переломным событием в моей жизни и лишь спустя двадцать лет после долгой и упорной работы я начал что-то понимать в содержании моих видений.»²⁰

И более:

«Мне понадобилось сорок пять лет, чтобы облечь в строгие научные формы все, что я тогда пережил и записал... Вся моя дальнейшая деятельность была посвящена последовательной разработке того, что в те годы прорвалось из бессознательного. Это стало первоосновой моей работы и моей жизни.»²¹

Знаем мы это или нет, наши собственные фантазии и Активное воображение *prima materia* наших жизней и будут определять их в лучшую или худшую сторону. Хорошо, если на нашем собственном пути мы очистим их в сосуде нашей работы и сделаем все возможное, чтобы найти их «место и назначение» в собственной действительной жизни. Но, безусловно, плохо, если мы не примем эту ответственность на себя, вместо этого позволив им обладать собой. Тогда, в большей или меньшей степени, рано или поздно, мы примем судьбу одержимого властью, классическим примером

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

чего является Гитлер, но он лишь один из множества, которые, к сожалению, мы сегодня наблюдаем.

Перевод Анна Варина

Глава 3. Эго и Тень

Эта и две последующие лекции были первоначально опубликованы Обществом пастырской психологии в Лондоне, Англия. Нам известны только даты, но не обстоятельства прочтения этих лекций. Они являются прекрасными иллюстрациями глубины и широты взглядов Барбары Ханны на некоторые основные идеи Юнга.

Март 1955 г.

Хотя кто-то может и считает юнгианскую концепцию Эго простой для понимания, я же считаю напротив – сложной. Несомненно, это принадлежит области сознания, в отличие от таких понятий как анима, анимус или архетип, но именно по этой причине, кто-то обнаруживает себя в положении барона Мюнхгаузена, вытаскивающего самого себя за собственную косу! Нужно стараться не давать Эго формального описания, ведь основной его характеристикой является индивидуальность. Любое Эго отлично, даже уникально, поэтому давать общие черты – очень грубо. Какое либо настояние на конкретике было бы насилием над индивидуальным характером.

Для начала мы кратко изложим описание Эго в Эоне Юнга. Эго, как содержание сознания, представляет собой комплекс сложных факторов. С одной стороны, он основан на физических ощущениях, которые воспринимаются психически изнутри, а, с другой, совокупностью бессознательных психических содержаний. Эти два поля являются основой эго и эго точка их связи. Эго предположительно возникает в результате столкновения тела с окружающей средой, и как только присутствует субъект, продолжает развиваться при столкновении с внешним миром и

внутренним миром. Это есть индивидуальная уникальность и центр поля сознания. Как таковой, он является предметом наших усилий, направленных на адаптацию. С другой стороны, это *не* центр нашей личности, хотя мы часто заблуждаемся на этот счет.

Общее предположение, рассматривающее это как не только центр нашей личности, но все, что мы есть, было поставлено под сомнение задолго до Фрейда или Юнга. Но эта идея, умирает последней, и даже сегодня большой шок для среднего обывателя, когда он понимает, что не хозяин в собственном доме, что он должен считаться с волей других, а не того, что он отождествлял со своей областью поведения.

Когда мы изучаем себя объективно, то должны понять, что это является только одним из многих комплексов, которые существуют в нашей личности¹, хотя и действительно является ядром нашего поля сознания. Оно имеет очень высокую степень преэминентности и самобытности, которая обычно увеличивается в ходе жизни, но также склонно становиться все более односторонним.

Как показал Юнг особенно ясно в своем эссе «О природе психэ», нет ничего, что мы можем действительно назвать сознанием на животном или примитивном уровне, но только разновидность света.² Большинство из нас, вероятно, могут вспомнить время собственного детства, когда сознание было на подобном уровне,

---

¹ Для определения термина "комплекс" кратко, можно сказать, что это бессознательное или полубессознательное состояние кластера представлений нагруженные эмоциями. Комплекс состоит из ядра и окружающего поля ассоциаций. Комплекс может быть приобретён наличного опыта, или его ядра могут быть образованы архетипический характер. Комплекс это принадлежит к последней категории, то есть, она основана на архетипической расположения которая по определению не известной психической факт. Мы называем это сложной, поскольку она показывает все структурные характеристики других комплексов.

² The Structure and Dynamics of the Psyche, CW 8, par. 387.

когда мы не спрашивали ни себя, ни окружающих, но просто принимали все как есть, как животное. Если мы оглянемся назад, в те дни, мы можем также вспомнить, эмоциональные моменты и случаи, которые пробудили нас к реализации нашего отдельного существования.

Во-первых, мы приобретаем опыт обычно болезненным путем, подобно как отделять искры света в море общего сознания. Медленно появляются соединения, например сходства между знаниями, и постепенно эти отдельные искры собираются вместе и образуют своего рода остров, который мы называем эго комплекс. Комплекс эго, конечно, совпадает с полем сознания, который больше, чем функция или активность, которая поддерживает отношение эго с другим психическим содержимым. Все, что не связано с эго, для этого конкретного человека, бессознательно. Сознание способно бессрочно развиваться, в то время как эго комплекс является более или менее связан законами пространства и времени. Чтобы использовать относительно доступную иллюстрацию, мы могли бы сравнить эго с оператором на телефонной станции, и сознание – связь телефонных проводов во всем мире.

Очевидно, что этот оператор может быть связан с одним или двумя проводами одновременно, и комплекс эго во многом в таком же положении.

Конечно, такое сравнение не может охватить до смерти, телефонный оператор знает, куда проходят провода, в то время как очень многие из проводов, которые достигают эго приходят, порой, из неизвестного источника, который, конечно, значительно увеличивает путаницу. Но это может служить для иллюстрации различий между эго и полем сознания.

Хотя, если бы мы спросили, что мы подразумеваем, когда говорим «я», мы обычно указывают на наше тело, тело отнюдь не

совпадает с эго-комплексом. Мы могли бы даже сказать, что тело это еще одна сфера люминозности, которая часто связана с эго-комплексом, но и которая также часто отделена от него. Интуитивный тип, например, как хорошо известно, часто совершенно не воспринимает тело. Это как если бы комплекс эго, сидел на телефонной станции и никогда не использовал провода к телу или даже как-будто провода никогда не были связаны между собой. Основная задача анализа установить эту связь.

В том же эссе "О природе Психэ" Юнг говорит, что можно было бы думать о психических процессах как шкале, вдоль которой сознание "скользит":

В один момент оно находится в зоне инстинктов и убывает под их влиянием; в другой момент оно скользит к другому концу, где преобладает дух и даже происходит ассимиляция инстинктивных процессов, наиболее противоположных последнему.³

Простой пример каждого конца этой шкалы: монах, например, познает архетип союза противоположностей в идее *Unio Mystica*, в духовном конце шкалы, тогда как человек, который на физическом конце, познает тот же архетип в сексуальности. Оба опыта той же тайны жизни, но только один в духе, а другой только в организме. Как правило, наше сознание находится где-то между ними и, следовательно, два опыта смешиваются в различной степени.

Когда сознание сосредоточено на одном конце или другом такого масштаба, то, конечно, особенно склонны к обладанию того, что принадлежит к другому концу. В этом можно убедиться, например, на примере Св. Антония и других монахов аскетов, которые иногда живут в пустыне в течение многих лет концентрируясь на духе, полностью игнорируя их тело. Как известно, они были постоянно мучимы видениями голых женщин

---

³ Ibid., par. 408.

и так далее, на самом деле одержимы их игнорировавшими и истязаемыми телами. Таким же образом, «учения» процветают сегодня в основном за счет современной материалистической точки зрения, которая игнорирует силу идеи.

Эго комплекс был слабым можно даже сказать несуществующим у примитивного человека. Он требовал обряда, чтобы разбудить его эмоции, перед принятием любого большого усилия. Это всегда нам кажется лишним потому, что в течение веков у нас стало больше свободной воли, бесконечно больше, чем у первобытных.

Развитие сознания и тот факт, что человечество пробудило Эго из примитивного состояния дремоты, пожалуй, величайшее достижение человечества. Это, несомненно, большая ошибка недооценивать либо эго или сознание. Тем не менее, мы должны признать, что мы живем в эпоху, которая слишком переоценила свои силы. В девятнадцатом веке, еще можно было поверить, что они были еще достаточно сильны, чтобы привести к утопии на земле. Но XX век, несомненно, принес нам достаточные доказательства того, что это была досадная ошибка. Таким образом, конечно, разумнее внимательно изучить слабые места нашего сознания, чем слепо доверять ему..

На семинаре, в Цюрихе в 1935 году, Юнг живо описал потрясения испытываемые эго, во время открытия что оно не король своего королевства, а всего лишь один из многих жителей в обширной, в основном не исследованной земле, где правит "неведомая великая сила"⁴. Как мы знаем из психологии Юнга эту силу представляет Самость.

Ясно, что эго отнюдь не освобождается от ответственности за свой собственный небольшой угол психэ из-за существования этой "неведомой великой силы ", а также, что эго действительно в

---

⁴ See Nietzsche's Zarathustra: Notes of the Seminar Given in 1934-1939, vol. 1, pp. 390f

гораздо более слабом положении, пока оно не знает об этой силе, чем когда оно принимает его правила и пытается прийти к соглашению с ней.

Очевидно также, что маленький остров Эго испытывает трудности в поддержании себя в великом море бессознательного, и поэтому следует ожидать, что каждый эго-комплекс имеют врожденную тенденцию строить бастиины, так сказать, в качестве защиты от вторжения извне и изнутри. На внутренней стороне, эта защита естественное явление, и сформирована Анимусом и Анимой. Анима это юнгианский термин для женской души мужчины, и Анимус мужественный дух женщины. Эти комплексы имеют индивидуальный характер, так что когда мы исследуем их, мы оказываемся в праве говорить "мой" Анимус или "ваша" Анима. Но, с другой стороны, они являются фигурами коллективного бессознательного и, следовательно, образуют своего рода естественный барьер между индивидуальной и коллективной территорий.

Хотя реальная функция Анимуса и Анимы является защита Эго и привнесение неинтегрированных содержаний бессознательного до его сведения, обе эти фигуры в частности, прежде чем мы признаем их и придем к соглашению с ними, склонны влиять на эго самым неприятным способом. Анима порождает тревожный настрой в мужчине и Анимус твердые убеждения в женщине. В общем, они выступают в качестве своего рода защиты от волн бессознательного, но настроения и убеждения являются большими трудностями, когда мы пытаемся заглянуть за них и Аниму и Анимуса, чтобы найти их место в нашей психике в качестве посредников между сознательным и бессознательным. Тем не менее, даже в их негативном аспекте у них есть свои положительные стороны и, несомненно, они часто защищают слишком слабое сознание от волн неведомого, которое может подавить его.

Персона

Обращенный к внешнему миру, вал образует так называемую персону, которая является латинским словом для маски актера. Ее первоначальная функция обозначала роль актера, и, следовательно, само слово содержит определенное указание на "разыгрывание действия", или "работа на публику", то есть, появляется как нечто такое, чем мы на самом деле не являемся.

Было бы большой ошибкой думать о персоне как сознательном обмане. Это то, что формируется вполне естественно с детства, и людям часто бывает почти так же трудно осознать их персону, как и свою тень, анимус или аниму. Персона обычно начинает образовываться в результате конфликта с внешней средой. Естественность ребенка, например, склонна неловкостью для окружающих его взрослых, и большинство детей учатся довольно рано защищать себя, скрывая их спонтанные реакции. Они часто видят, например, чтокакой-то ребенок в их окружении преуспевает в этом и тогда они чтобы не попадать впросак перенимают что-то у данного ребенка. Или они восхищаются кем-то кого они знают и, сознательно или бессознательно, начинают им подражать. Или они понимают, что некоторые их естественные характеристики производят впечатление, и они начинают использовать их намеренно, а не спонтанно, и так далее.

Тому, что персона является результатом контакта с окружающей средой свидетельствует тот факт, что, если люди одиноки в течение длительного времени, они теряют свои персоны. Я помню фотографию мужчины, отправившегося в Арктику для наблюдений.

Он попал в лавину и был полностью погребен снегом, который даже скрыл высокий шест сделанный в качестве ориентира, поэтому спасательная экспедиция не нашла его. Он был погребен на несколько месяцев и пробыл без света в течение шести недель.

Все следы мужской персоны исчезли, и он выглядел, как женщина. Без сомнения, когда он вернулся к цивилизации, его персона снова восстановилась, но какое-то время не было никаких следов этого. Подобное изменение было замечено другими людьми, которые встречали своих друзей после длительных периодов изоляции.

Развитие личности является важной частью в области образования. Вы можете увидеть это особенно ярко в английской общественной школе, где, во всяком случае, было в моем поколении гораздо важнее, стать "джентльменом", чем сдать экзамены с честью. Мальчик, который не желающий примерить на себя идеал "старой школы", или же есть или был, в той или иной степени изгоем с самого начала. Я видела это ясно на примере своих собственных трех братьев. Два младших без труда приняли на себя персону общеобразовательной школы и, таким образом легко вписались в окружающую обстановку. Но мой старший брат просто не мог принять это.

Следовательно, он был несчастен в своей школе, и всегда производил впечатление сверхчувствительного, как улитка, затворившаяся в раковине. Спустя несколько лет, будучи преподавателем, он приобрел своеобразную неподходящую, профессорскую персону, надевая ее в самый неуместный момент. Он вдруг обращался со всеми на званом обеде, например, как если бы это был класс маленьких мальчиков. Ему было далеко за пятьдесят, прежде чем он преодолел недостатки своего раннего опыта.

Естественно, когда мы взрослеем и должны адаптироваться и даже зарабатывать средства на жизнь, жизненно важен способ которым мы подстраиваем себя под окружающий мир, наращивает подходящую персону, но, проходит точно такое же укрепление, как в детстве. Она состоит действительно из

крошечных фрагментов, которые медленно сливаются, образуя своего рода наросты между эго комплексом и внешним миром. По большей части, эти фрагменты – часть общих коллективных ценностей, поведения, которое является приемлемым для широкой общественности и адаптировано к социальным ценностям нашего времени. Индивидуальный характер в основном можно найти в выбранном конкретном элементе, так что можно сказать, что персона отчасти эффект того, чем наша окружающая среда обязывает нас быть, то есть, совершенно безличными, и отчасти самими собой. Эта структура напоминает внутреннего двойника, Аниму или Анимуса, который также имеет индивидуальные и коллективные аспекты.

Очевидно, что Персона является неотъемлемой частью личности. Люди с несовершенной персоной действительно в очень невыгодном положении во внешней жизни. У них нет щита против проекций других и они находятся в постоянной опасности обратного падения в исходное состояние мистического соучастия с окружающей средой.

Эти опасности, однако, в равной степени очевидны. Как мы увидели, эта маска, роль, редко истинная сущность нашей личности, и мы всегдав опасности дентификации с ней. В первой половине жизни, мы действительно должны идентифицировать себя с ней существенным образом иначе мы не добьемся успеха в удовлетворении потребностей, профессии или жизни. Но во второй половине жизни, она представляет собой лишь небольшую часть того, что мы есть на самом деле, отождествление с ней становится серьезным препятствием, особенно если мы использовали ее, как это слишком часто бывает, в качестве маски по отношению к себе, а также по отношению к другим. Все знают примеры людей, которые безоговорочно верят, что они представляют и становятся пустыми мелкими. Я помню, как однажды, когда посетила старого римского театр в Карфагене, где мы видели довольно жалкое французское исполнение греческой

пьесы. Я видела одного из актеров, который был не в силах отказаться от своей роли, и повторял все снова самостоятельно. Я не могу сказать вам, что он выглядел смешно, и тем не менее я часто невольно вспоминаю о нем, когда вижу пожилых людей, которые остались идентичными с их персоной.

Конечно, будет чрезвычайно опрометчиво и неразумно выбросить нашу персону, когда мы становимся старше. Это как выбросить нашу одежду и появляться голым в общественном месте. Существует рассказ Шелли, который иллюстрирует этот момент достаточно хорошо. У его отца было поместье в Суссексе, где был достаточно большой пруд для купания. Шелли очень любил воду и проводил много времени там. Однажды он вдруг вспомнил, что наступило время обеда и, забыв обо всем кроме своего живот, поспешил в столовую, представ перед всеми совершенно голый. Когда он увидел, что их лица в ужасе, то, все еще не понимая реальной ситуации и удивленно сказал: "Что случилось, это же только я!". Хотя это может быть не столь очевидно, "только я" имеет очень беспокойный эффект как в психическом, так и в физическом смысле.

У нас должна быть персона, так же как и одежда, и мы должны постепенно научиться использовать это, так же, как мы используем нашу одежду. Это отнюдь нетак просто, как это звучит, ибо во многих случаях персона так сказать врастает внаше тело, и больше не является съемной. Существует, таким образом, только одна вещь, которую мы можем сделать: понять, что каждый твердый объект, на этой земле отбрасывает тень и повернуться к этому факту. Если мы будем честны в этой попытке, мы скоро поймем, что есть много вещей, которые, несомненно, являются частью нас самих, но которые не вписываются в идею нас самих или нашей персоны. Реализация этих факторов даст нам все материалы, необходимые для того, чтобы отделить себя от идентификации с персоной.

Тень

Когда мы пытаемся приспособиться к внешнему миру и начинаем формировать персону, мы, как правило, подавляем те качества, которые мешают нам в решении этой задачи, или которые портят идеальную картину нас, которую мы тайно лелеем. Эти качества вытесняемые в темноту, часто сопряжены с сильными эмоциями, но они продолжают существовать и, как правило, намного более видимы для наших соседей, чем для нас самих.

Бесспорно это страшная затея, и тот, которую необходимо решать снова и снова, чтобы отвернуться от знакомой иллюзии относительно нашего собственного характера и столкнуться с неизвестной темнотой позади. Это поистине, как однажды сказал Юнг, почти сверхчеловеческая задача. Но прилагая искренние усилия в этом направлении, пусть и небольшие, станут задачей, которая никогда не разочарует.

Основа, которую мы можем вернуть из тени является твердой и плодородной почвой, позволяющей нам начать строительство дома с каменным фундаментом. Напротив, все построенное только на светлой стороне эго-комплекса или персоны, неизменно, оказывается основанным на песке.

Банальность отмечать, что все в этом мире состоит из равных частей черного и белого, света и тьмы, и все же, когда дело доходит до себя, мы легко упустить из виду этот факт, очевидный и простой, как он есть. Более того, мы обнаруживаем что невозможно увидеть наши темные стороны, не теряя уверенности в наших светлых качествах. Но это необходимо, для того факта, что у нас также есть качества тени ни в коей мере не отменяющие наши хорошие качества.

На самом деле, нет такой необходимости, держать их в уме, когда мы становимся перед фактом, что подавили многое, являющиеся их прямой противоположностью.⁵

Хотя болезненное и унижительное столкновение с нашими наименее замечательными качествами, было бы сравнительно легким, если бы не тот факт, что все, что попадает в бессознательное становится загрязненным другим содержанием. Приведу один пример: личная тень становится загрязненной коллективной тенью. Слово "коллективное", используется в юнгианской психологии, распространяя на все психическое содержания, не свойственные одному человеку, но в то же время общие для многих, то есть, к обществу, людям или человечеству в целом. Личного бессознательное, следовательно, состоит из содержания, принадлежащего одному человеку, а коллективное бессознательное — содержание являющееся общим для многих или даже всех. В этой степени мы осознаем нашу личную тень, прикрепленную к нашему эго, как реальную тень нашего тела. Но, постольку, поскольку мы не знаем об этом, то это попадает в бессознательное и становится неотличимым от других содержаний бессознательного, в частности от коллективной тени. Тогда люди могут даже ошибаться в отношении их личной тени, принимая за самого дьявола. Это, пожалуй, самый трудный аспект проблемы тени, но я надеюсь прояснить это несколько позже, с помощью сна.

Вторая большая трудность в признании тени в связи с тем, что все то, что мы упускаем из виду в себе имеет тенденцию быть спроецировано на нашу внешнюю среду. Конечно, мы никогда сознательно не делаем прогнозы, но есть некоторые факторы бессознательного в нас, кажущиеся, дьявольской привычкой

---

⁵ Как писал Шекспир: Ткань нашей жизни сделана из смешанной пряжи — плохой и хорошей вместе. Наши добродетели возгордились бы, если бы их и бичевали наши пороки, а пороки наши отчаялись бы, если бы их и защищали наши добродетели. (All's Well That Ends Well, act 4, scene 3)

передачи этих репрессированных кусков нашей собственной личности в чужую. (Естественно, есть некоторое сходство, или не было бы никакого крюка для проекции.) Напомню читателю, например, что многие люди, лелеют черного зверя. Этот черный зверь обычно несет проекция того, что мы больше всего ненавидим в себе, и это также проецируется на другого искажая нашу картину данного лица, что делает его или ее совершенно неприемлемыми.

Это очень трудная задача, отделить такой фактор проекции от носителя проекции. Возможно, одним из самых надежных показателей проекции является наличие эмоций. Если чужие слабости или плохие качества заставляют нас безосновательно сердиться, мы можем быть уверены, есть некоторая проекция, потому что на самом деле нас не возмущают слабости других, они могут даже давать нам приятное ощущение превосходства. *Слабость или плохие качества, на которые мы негодуем всегда наши собственные.* Существует, конечно, всегда опасность интроекции таких качеств, если эта точка зрения преувеличена, то есть, принимая во себе черты, которые не принадлежат нам. Но у нас есть определенные инстинктивное признание того, что не принадлежат нам, инстинкт, подводящий нас, только если мы не хотим, увидеть себя, какие мы на самом деле. Этот инстинкт как бы "щелкает", когда что-то возвращается, что на самом деле от нас, и говорит «нет», когда мы подвергаемся интроекции. Есть ли "щелчок" или нет на самом деле наш окончательный критерий.

Другим способом мы можем обнаружить нашу тень по влиянию на людей вокруг, у нас есть определенное влияние на других людей, которое мы не можем ни предсказать, ни адекватно объяснить. Например: когда я была ребенком, у нас была прачкой, который всегда ссорился со всеми. Когда её упрекали за это, она с оскорбленной невинности, отвечала: "Что я могу поделать? Я никогда не понимала подобных характеров у людей!" Конечно, в таком случае не сложно, хотя, несомненно, больно видеть, наш

собственный нрав. Но становится гораздо более трудно, когда эффект наступает от чего-то гораздо более неясным, чем плохое настроение. Механизм, однако, всегдатот же самый и, когда у нас постоянно один эффект на разных людей, то это место, где мы, скорее всего, сделаем ценное открытие о нашей тени, анимусе или аниме.

Возможно, это нужно еще просто упомянуть, что, естественно, непознанная тень не только заражается в бессознательном коллективной тени, но и другими доминантами, в особенности Анимой и Анимусом. Это часто приводит к союзу между тенью и Анимусом или Анимой, что особенно имеет катастрофические последствия для эго, ибо тогда оно оказывается в невыгодном положении к бессознательному, будучи в меньшинстве.

В Семинаре 1935 упомянутого ранее, Юнг дал описание принятия тени, которое навсегда осталось в моей голове.⁶ Вкратце: он использует сравнение нашего сознания с кораблем или шаром, плавающим на поверхности бессознательного. Каждая часть тени, которую мы обнаруживаем, имеет вес, и наше сознание опускается до такой степени, когда мы принимаем его в нашу лодку.

Таким образом, можно сказать, что основным искусством дела с Тенью состоит в правильной загрузке нашей лодки: если мы берем слишком мало, то сразу уплываем от реальности и становимся таким же, как пушистые белые облака в небе. Если мы берем слишком много, мы можем потопить лодку. Мы все равно должны задать себе вопрос, что же снижения сознания означает на практике? Очень трудно ответить теоретически, так как это действительно вопрос опыта. Сознание в основном связано с нашей главной функцией, где мы способны очень ясно, хотя односторонне, сознательно воспринимать. Но, когда мы

---

⁶ Nietzsche's Zarathustra, vol. 1, pp. 478f.

принимая что-то из бессознательного, которое требует более широкой реакции и заставляет нас расширить нашу точку зрения, вступая в реакцию с нашей неразвитой функцией и инстинктивной стороной. Таким образом, мы сталкиваемся с задачей согласования реакции нашего сознания с тем, что появляется из темноты, или, в лучшем случае, от инстинктивной стороны. Это, естественно понижает сознания, но в то же время, делая его более существенным, трехмерные вместо двумерного.

Существует еще один важный аспект тени, который мы должны упомянуть. Многие люди живут отрицательной стороной, а тень может быть гораздо более достойной и иметь больше положительных качеств, чем сознательное эго. Вы все знаете, таких люди, которые живут своей тенью — они всегда пытаются произвести неверное впечатление, а иногда даже, кажется, потворствуют такому поведению. Если вы спросите таких людей об их тени, они скажут вам, что это ужасный, ожесточенный убийца, и так далее, из-за общей иллюзии, что тень должна быть отрицательной. Но если убрать эту иллюзорную оболочку, часто обнаруживается, весьма приличный человек за ней. Юнг даже как-то сказал на одном семинаре, что тень содержит восемьдесят процентов золота.

Большая сложность обнаружить тень или возможно осознать просто компоненты, из которых она состоит. Естественно приятнее найти золото, чем разлагающийся труп, например, предпочтительнее обнаружить, что мы более достойны, чем думали, а не наоборот. Но, как ни странно, люди с чистым золотом в их тени, проявляют наибольшее сопротивление копать его. Это, как правило, потому что у них было тайное намерение, возможно, неизвестное и для самих себя, похоронить золото или подавить их положительные качества. Хорошие качества выполнять обязательства и, возможно, они не хотели брать на себя ответственность, которая всегда присутствует, когда мы живем чем-то положительным. Такие люди, как человек в притче Христа,

который предпочел зарыть свой талант, другими словами, они живут за чертой их реального уровня для того, чтобы снять с себя ответственность.

Подводя итог отношений эго и личной тени, можно сказать, что один всегда обратная сторона другого, и поэтому, обнаружение тени первая необходимая работа. Точные элементы, из которых она состоит, различны в каждом конкретном случае и общие правила скорее вводят в заблуждение, нежели бывают полезными.

Сон Роберта Луиса Стивенсона

Для иллюстрации вышесказанного, я выбрала сон Стивенсона, который стал основой его знаменитой истории, о докторе Джекиле и мистере Хайде. Проблема эго и тени чрезвычайно часта в книгах Стивенсона, но у нас есть время только, чтобы рассмотреть этот фрагмент.

Бессознательное сыграло огромную роль в работах Стивенсона. Он сам говорит, что его домовые "выполняют одну половину всей моей работы для меня, пока я сплю, и все человечество, делает все остальное для меня, когда бодрствую, и наивно думает, что я делаю все сам."⁷ Он представляет много доказательств в книге «Через равнины» "глава о снах".

В этой главе он говорит нам, что уже давно пытается найти механизм для "двойственного бытия человека, должный время от времени приходят и сокрушить сознание каждого мыслящего,"⁸ когда он видит сон, ставший основой для «доктор Джекил и мистер Хайд».

---

⁷ Across the Plains, p. 225.

⁸ Ibid., p. 227.

Во сне была "сцена у окна" и если ее сократить то звучит следующим образом:

Г-н Аттерсон, адвокат, который является наблюдателем в книге и собирает материал, предпринимает свою обычную воскресную прогулку со своим родственником, г-н Ричардом Энфилдом, известным человеком в городе. Они заходят во двор дома доктора Джекила и видят, что последний сидит у окна и выглядя очень грустным. Он отказался присоединиться к их прогулке, но согласился немного поболтать через окно. Он едва смог говорить, как только перестал улыбаться, на его лице появилась гримаса ужаса и отчаянья, леденящая кровь. Доктор Джекил мгновенно закрыл окно, и двое побледневших и напуганных мужчин, покинули двор, г-н Аттерсон пробормотал довольно удивительные слова: "Бог простит нас, Бог простит нам", на что мистер Энфилд очень серьезно согласился.

Сон Стивенсона продолжил другую сцену, в которой мистер Хайд, преследуемый за некое преступление, взял порошок и изменился (в доктора Джекила) в присутствии своих преследователей. Сцена у окна была взята в книгу, как есть, хотя, вероятно, имена были сознательными придуманы. Вторая сцена, с другой стороны, не стала вписываться как задумывалось, но стала темой всей истории.

У нас нет возможности в данный момент обратиться к истории, написанной Стивенсоном. Она очень хорошо известна, но я лишь напомним читателю, что дело происходит с весьма достойным и доброжелательным доктором Джекилом. Он изобретает порошок позволяющий ему превратиться в свою противоположность, и, таким образом, наслаждаться удовольствиями, которые он не может позволить себе перед обществом.⁹ Сначала его удовольствий были просто мирские, но мистер Хайд становился все более и более озлобленным и в конечном итоге пошел даже

---

⁹ Dr. Jekyll and Mr. Hyde, p. 78.

на убийство. Изменения, которые сначала были полностью добровольными, стали неуправляемыми. В конце концов, личность доктора Джекила становится полностью поглощена мистером Хайдом.

Когда Стивенсон был студентом, он был очень серьезно напуган своими страшными снами примеры которых можно найти в разделе "Глава о снах", но врач был в состоянии прекратить их на некоторое время. Позже, сам Стивенсон нашел способ использования их в своей литературной работы. Его, так называемые домовые помогали ему в этой работе, и он смог направить свое сознание в творчество. Знаете, творчество, действительно, может иметь отличный терапевтический эффект, и для Стивенсона стало единственным решением, не говоря уже о том, какой интерес, представляют его некоторые его рассказы с психологической точки зрения. Если я обсуждаю его сон, как и в анализе пациента, необходимо понимать, что я имею в виду не критику Стивенсона.

На мой взгляд, самая поразительная черта во сне кроме драматических изменений от Хайда в Джекила и потрясающим эмоциональным содержанием в страдании доктора Джекила за окном, и двух его зрителей отражает тот факт, что в совокупности существует четыре мужские фигуры и ни одной женщины. В книге, кроме того, нет никакой значимой фигуры анимы. (Она только появляется в негативном аспекте, как злая хозяйка г-н Хайда.) Стивенсон был единственным ребенком с сильным комплексом матери который он никогда не перерос. Он, конечно, женился на женщине гораздо старше его и с двумя детьми от первого брака. В своей последующей жизни в различных местах по всему миру, Стивенсон всегда казался старшим сыном нежели мужем. Понятно поэтому, что его проблема была более вероятно связана с тенью, то есть с поиском собственной маскулинности, чем Анимы.

Поэтому, если мы рассматриваем этот сон Стивенсона с точки зрения психологии, я думаю, мы можем предположить, что фигур амистер Аттерсона, адвоката и зрителя в драме, представляет эго. Появляется впечатление, что он рассказчик этой истории, хотя книга на самом деле не написана от первого лица. Смертельного исхода можно было бы избежать, если бы г-ну Аттерсону было известно о фактах до конца драмы, во сне Аттерсон знал тайну. Мистер Энфилд, эдакий повеса, будет более или менее представлять личную тень, смирской точки зрения, стороны которой Стивенсон жил очень мало.

Две другие фигуры, возникающие во сне, Доктор Джекил и мистер Хайд, носят более коллективный характер. Тот факт, что можно обратиться в другого с помощью порошка отмечает их не человечность, такая метаморфоза за пределами человеческого потенциала. Эта гипотеза также намекнул во сне на то, что доктор Джекил разговаривает только с двумя мужчинами из окна верхнего этажа. Более того, это подтверждается в книге, ни для Джекила, ни Хайда действительно не являются людьми, последний в особенности. Он представляет принцип зла как таковой и является гораздо более архетипической фигурой принадлежащей коллективному бессознательному, чем что-либо подобное личной тени. Если, таким образом, мы столкнулись с этим сном в современной личности, первое и самое важное, что нужно сделать было бы отделить личное от сверхличностного, или коллективных элементов, и настаивать на том, что Аттерсон и Энфилд являются первой заботой сновидца, потому что они более или менее представляют человеческие сферы, где сновидец может что-то сделать.

Странные слова г-на Аттерсона, когда он уходит с г-ном Энфилдом "прости господи, прости господи," бросить интересный свет на проблему. Видимо мучения доктора Джекила не по вине Аттерсона или Энфилда. Но мы не должны забывать, что сон продолжается с преобразованием сцены, так что Стивенсон, когда

он проснулся, знал, что мучило Джекила. Поэтому, мы не можем прийти к заключению, что сон Стивенсона представляет человеческую пару в некотором роде виноватых в страдании доктора Джекила и преступление мистера Хайда, так зачем Аттерсону просить Бога простить их, с полного согласия мистера Энфилда?

Мы знаем, что в то время, когда Стивенсону приснился этот сон, он был глубоко обеспокоен сильным чувством двойного бытия человека, и расценивая это как "жесткий закон жизни, который лежит в основе религии и является одним из наиболее сильных пружин бедствия."¹⁰ Единственное место, где Стивенсон мог встретить это двойное бытие изображено во сне двумя мужчинами, которые более или менее представляют, что мы называем эго и тенью. Но когда эго пытается объясниться с тенью, это неизбежно приводит к огромным страданиям. Человек распят, между противоположными тенденциями в себе, между добродетелью и пороками. И просто двое мужчин хотели избежать именно это страдание: один, Аттерсон, оставался в стороне от жизни, был зрителем, а другой, Энфилд, будучи "прожигателем жизни" заглушал все серьезные соображения выбирая социальную диверсию.

Эта тема ухода от страдания подчеркивается в книге Стивенсона. Целью преобразования порошка является освобождение честных и неправедных близнецов в человеческой природе друг от друга, так что один наделялся добродетелью, а другой жестокостью. Неограниченный другим, одной больше не подвергаются опале, а другой может свой путь зла без препятствий со стороны его добродетельного брата.

Мы можем увидеть тот же процесс при анализе жизни Стивенсона. Он происходил из семьи зрителей маяка и должен

---

¹⁰ Ibid., p. 79.

был продолжить дело. Его дед, знаменитый Роберт Стивенсон, завоевал опасный BellRock в Шотландии к ярости шотландских контрабандистов. Мать нашего автора была дочерью министра и, была силой и светом семьи, это и не удивительно, что Луис, как и его собственный доктор Джекил не мог выносить недостатки в собственном характере. Он был типичный «вечный юноша», парящий высоко над реальностью и вечно убегающий от обстоятельств, которые бы заставили его столкнуться с самим собой. С того времени как он покинул дом своих родителей в Эдинбурге в начале двадцатых годов, он был всегда в движении, пока не построил свой дом на Самоа, в очень экзотических условиях, за три года до своей смерти в возрасте сорока трех лет. Единственным исключением было два с половиной года проведенных в доме в Борнмуте, подаренном отцом жены. Здесь он написал доктора Джекила и мистера Хайда.

Тут я хочу заметить, что когда человек осознает дуальность своей природы, как Стивенсон, безоговорочно констеллирует проблему добра и зла. У него появляется выбор сознательной работы с личной тенью, либо же ее подавлением. В последнем случае, это все равно будет занимать место в бессознательном, полностью зависит от его контроля, изредка видя лишь во сне.

Стивенсон изображает этот психологический факт очень ясно в этой истории. В начале, единственная ошибка доктора Джекила нетерпеливая веселость, и его удовольствий всего лишь недостойные. Но когда он избавляется от этих недостатков в его достойным человеком и выпивает порошок, чтобы избежать страданий, другими словами, когда он отвергает личную тень мистер Хайд становится чистым злом, убийцей и монстром, от которого бегут все люди. Другими словами, отвергнутая личная тень становится загрязненным принципом зла и практически делается самим дьяволом. Возможно, теперь мы можем понять, почему во сне Стивенсона, мистер Аттерсон просит Бога простить его и г-на Энфилда за перенесенные страдания доктора Джекила.

Посмотрим поверхностно, они не несут ответственности, но все же, если проблема двойной природе человека встречается на человеческом уровне, и никогда бы не была вытеснена в бессознательное, где оно может иметь место только в виде архетипических драм, таких как история Джекила и Хайда.

Двойственная фигура во сне сначала появляется как доктор Джекил. В следующей сцене, похоже, как мистер Хайд, преследуемый за преступления, затем глотающий порошок превращающийся в Джекила в присутствии своих преследователей. Наиболее ярким моментом здесь, для современного сновидца, была бы то, что эти две сверхличностные фигуры одна прототип филантропии и правдивости и другая преступления являются одними тем же. Те, кто читал "Ответ Иову" Юнга или «Сатана в Ветхом Завете» доктора Ривки Шарфа, уже приспособились к мысли, что даже Бог — единство противоположностей, содержит добро и зло в равной мере. Такое же явление во многих архетипических фигурах, как они появляются в мифах и сказках.

Сон Стивенсона одно из доказательств, которое указывает в том же направлении.

Интересно, что преобразование в сон от Хайда к Джекилу, в то время как в книге акцентирован переход от Джекила в Хайда. Это не только Джекил, который делает порошок изменяется в айда, но в конце, Джекил превращается в Хайда — невольно и когда порошок исчерпан уже не может вернуться в Джекила вообще. Кроме того, во сне происходят изменения на глазах публики, мотив, который был взят только в книгах очень измененной форме, изменение всегда происходит втайне, за исключением одного раза, когда Хайд-Джекил превращается перед доктором Лэньоном.

Во сне, однако, секрет раскрывается на глазах преследователей Хайда в попытке спасти себя от результатов его преступления. Это

происходит на сверхличностном уровне, но вдумчивого современного сновидца должны были бы спросить, нет ли чего-то очень злогоукрывшегося за лицом респектабельной персоны, что было бы целесообразнее провести расследование. Если сновидец может прислушаться к предупреждению в таком сне, может быть он все еще решит на личном уровне. Если предупреждение было вытеснено, личной тени, способной на преступление, удастся бежать в бессознательное, где она станет загрязненной коллективным злом и в конечном итоге поспособствует катастрофе, которая будет видна всем.

Глава 4. Религиозная функция анимуса в книге Товита

(7 октября, 1960)

Уже после того, как название моей лекции было заявлено, я осознала, что оно может внушить людям неверное представление о том, какого рода материал я намереваюсь здесь подать. Книга Товита — очень древний документ (около третьего столетия до н.э.) и она, несомненно, опирается на еще более древние источники (египетские или персидские)¹

Все книги такого рода, прошедшие через многие и многие руки, следует воспринимать так же, как мы воспринимаем мифы и сказки, иными словами их нужно рассматривать, как с маскулинной, так и с фемининной стороны. Поэтому и данную историю мы вполне можем (и возможно даже это будет лучше) рассматривать, как текст, отображающий маскулинную психологию, где Сарру следует воспринимать, как одержимую демоном аниму, а не одержимую анимусом девушку.

Причина, почему я использую этот сюжет на семинарах именно по фемининной психологии, состоит в том, что здесь мы наблюдаем херстоматийный случай одержимости демоном. Эту книгу часто цитируют в средневековых текстах, всегда в связи со случаями

---

¹ [Книга Товита — одна из апокрифических книг Ветхого Завета. В большинстве протестантских или иудейских Библий вы ее не найдете, но она часто присутствует в католических Библиях, например в англоязычных изданиях *The New Jerusalem Bible* и *Revised Standard Version*. Источник, на который ориентировалась Ханах в данной лекции, издателю не известен, но он не слишком отличается от издания *Oxford University Press*, упомянутого в библиографии. *Примечание канадского издателя.*]

одержимости у девушек, и, как мы вскоре убедимся, такой взгляд имеет под собой некоторые основания.

Поскольку здесь мне придется сжать материал четырнадцатичасового семинара в один час, я успею сосредоточиться лишь на ключевых моментах, упуская при этом многие важные и интересные детали. Например, что касается истории написания книги Товита, то я могу лишь порекомендовать вам замечательное предисловие к оксфордскому изданию *The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament* (1913, том 1). Симпсон, редактор данного издания, предлагает убедительные доказательства того, что книга Товита была написана евреем, находившемся в изгнании в Египте, хотя многие исследователи с ним не согласны и настаивают, что текст был создан в персидской или зороастрийской культурной среде.

Однако я должна с самого начала четко обозначить, что одержимость Сарры Асмодеем ни в коей мере не является одержимостью индивидуальным анимусом. Мы вообще не можем рассматривать эту историю с точки зрения индивидуальной психологии. Скорее, эта одержимость обладает признаками общей парадигмы, прототипа или модели — некое предвосхищение намного более поздних путей развития анимуса в фемининной психологии и развития анимы в маскулинной психологии. Здесь нам открываются архетипические предпосылки этих процессов — та основа, на которую опирается каждый индивидуальный случай такого типа. Это история девушки, одержимой демоном мужского пола, и ее освобождения от этого демона. Данный сюжет, несомненно, существовал задолго до написания книги Товита, и мы встречаем его в мифах и сказках всего мира. Речь идет об одержимости внешним демоном, Асмодеем. В энциклопедии *Британика* читаем, что Асмодей это «злой демон, который в поздней иудейской традиции выступает как «царь демонов»». Таким образом, он является аналогом христианского дьявола, и в обсуждаемом тексте выступает в качестве субъекта явно

гиперболизированного случая одержимости анимусом. Но именно в этом гиперболизированном варианте мы можем особенно отчетливо пронаблюдать соответствующий механизм, что помогает нам распознавать данный феномен в менее ярко выраженных индивидуальных случаях.

Следует сразу отметить, что эта история, прежде всего, повествует об обновлении сознания, которое в своем исходном состоянии является, с одной стороны, слишком узким в силу давления традиции, а с другой стороны, слишком широким в силу того, что бессознательная личность чрезвычайно раздута, иными словами, одержима архетипической фигурой.

Книга начинается с двух параллельных сюжетов — история Товита и его сына Товии, а также история Сарры и ее отца Рагуила. Являясь очень близкими родственниками, они в начале книги полностью разделены: никакого обычного внешнего общения между двумя домами нет. Тем не менее, имеет место свехобычная синхронистичность, которая вначале проявляется в переживаниях старого Товита и молодой Сарры.

Товит здесь символизирует традицию. В его прошлой истории мы находим изгнание, тайные визиты в Иерусалим, решимость хоронить всех представителей своего народа (а он был евреем), которые были убиты или умерли своей смертью на чужбине. В Ниневию его постоянно преследовали за эту деятельность, и ему даже пришлось бежать из своего дома и скрываться, спасая свою жизнь, в результате чего он потерял все имущество — но все равно он продолжал делать то же самое.

Здесь мы видим яркий пример традиционалистского сознания, которое стало слишком узким. Товит заботится лишь о погребении мертвых. Ему незнакома вневременная истина, выраженная в

более позднем высказывании Христа: «Иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов»².

Но, поскольку никакие притеснения не отвратили Товита от его поглощенности прошлым, в игру вступила сама природа. Однажды, утомленный после очередной опасной похоронной экспедиции, он прилег отдохнуть у себя во двореке, ему на глаза упали испражнения сидевших на стене воробьев, отчего Товит полностью ослеп.

Любопытно, что воробьи на Ближнем Востоке являются птицами Афродиты и других богинь любви. У Афродиты есть небесный аспект, символизируемый образом голубки, и земной аспект, символ которого — воробей. Нам следует обратить особое внимание на этот факт: птицы богини не только ослепили Товита, но и вынудили его к прекращению своей внешней бесплодной деятельности.

Сам Товит был не готов что-то делать с новым материалом, который дали ему воробьи. Не в состоянии продолжать свою привычную деятельность, он серьезно поссорился со своей женой, Анной, несправедливо обвинив ее в краже козленка. В ответ она, отринув покорность, предписанную жене традицией, сказала ему: «Где же милостыни твои и праведные дела? Вот как все они обнаружались на тебе!»

Все это переполнило чашу терпения Товита, и он стал молиться о смерти: «ибо мне лучше умереть, нежели жить, так как я слышу лживые упреки и глубока скорбь во мне!» А ведь это чистейшей воды проекция: он ложно обвиняет свою жену и тут же жалуется на «лживые упреки» с ее стороны. Здесь мы отчетливо видим, что тот тип сознания, который обозначен в образе Товита, остро нуждается в обновлении.

---

² Мат. 8:22.

Ровно в тот же день его невестка Сарра, находящаяся далеко в Медии, переживала по сути те же проблемы. Сарра последовательно заключала брак с семерыми мужчинами, и каждый из них был умерщвлен демоном Асмодеем еще до фактического вступления в супружеские отношения, пребывавшим в ее теле. Подобно тому, как обыкновенные маленькие воробушки положили конец похоронной деятельности Товита, так теперь одна из служанок отца Сарры положила конец ее карьере мужеубийцы. Служанка упрекнула Сарру, откровенно заявив ей: «ты задушила мужей твоих», — и добавила, что ее поведение это «проклятие» для всей семьи. Сарра не признавала правомерность этих упреков (равно, как и Товит не принял упреков своей жены), но они возымели свое действие. Она ушла в комнату отца и решилась «лишить себя жизни». Но все же, после некоторых раздумий девица отказалась от этого шага, потому что люди стали бы порицать ее отца. «Я сведу старость его с печалью в преисподнюю», — подумалось ей. Итак, одновременно с Товитом она молилась о смерти, чтобы «не слышать больше укоризны».

Связь между этими двоими очень примечательна, независимо от того, рассматриваем ли мы Сарру как образец одержимой анимусом девушки, а Товита как носителя упрямого традиционалистского сознания, либо же, мы исследуем одного Товита, как пример мужчины, чья глупость и узость мышления, довела его собственную аниму до состояния одержимости Дьяволом. История показательна в обоих направлениях:

- 1) Если логос в мужчине не в порядке (крайними примерами тут может служить нацистская или коммунистическая ментальность), эрос в женщине приходит в расстройство или даже разрушается.
- 2) Если эрос в женщине пребывает в беспорядке (крайним примером, здесь служит история Сарры, убившей семь своих

мужей), логос в мужчине приходит в расстройство или даже разрушается.

3) Эрос анимы в мужчине разрушает женский логос.

4) Логос анимуса в женщине разрушает мужской эрос.

Ни мужчина, ни женщина не могут подвергнуться разрушению (или саморазрушению), без разрушения другого. Это касается, как внутренней психической структуры одного человека (анимуса и анимы), так и любых достаточно глубоких взаимоотношений между полами. И в этом смысле времена, описанные через состояние Товита и Сары, очень сходны с нашим временем, когда перед нами тоже встала альтернатива: либо обретение совершенно нового сознания, либо опасность полного разрушения.

Тот факт, что ни Товит, ни Сарра не могут спокойно относиться к упрекам, отчасти связан с временем, когда они жили, а отчасти, возможно, указывает на египетское влияние. Вспомните об отрицательной исповеди в «Книге мертвых», когда умерший упоминает все мыслимые грехи, утверждая, что он их не совершал. Чем более примитивен народ, тем больше ужаса внушает его представителю перспектива признаться в том, что он преступил закон. И недавние события не внушают нам особой надежды на то, что мы стали менее примитивны в этом отношении.

Очевидно, что и старик Товит, и юная Сарра достигли своего предела терпения, ибо далее в тексте мы читаем: «И услышана была молитва обоих пред славою великого Бога». Бог решил помочь им и послал архангела Рафаила исцелить обоих — Товита от слепоты, чтобы он мог «видеть свет Божий», а Сарру от одержимости «Асмодеем, злым духом». Этого злого духа нужно было высвободить из нее, чтобы женщина могла стать женой Товии, который приходился Товиту сыном.

Услышав молитвы Товита, Бог передал дело в руки возвышенного существа. Однако и Асмодей тоже — весьма возвышенный демон, если можно так выразиться. Мне сейчас некогда приводить доказательства, но вы можете найти соответствующий материал все в том же предисловии Симпсона к книге Товита. Таким образом, как только Бог, осознал ситуацию, Он направил на землю максимально позитивного персонажа, который был, по меньшей мере, равен негативному предмету одержания. Мне представляется чрезвычайно интересным, что представитель темной стороны — Асмодей — сам является полностью одержимым в начале данной истории. И это согласуется с нашим собственным опытом анимуса: обычно мы знакомимся с ним именно в его негативном аспекте, своевольного и деструктивного демона. Лишь после того, как женщина осознает это (Сарру к такому осознанию подтолкнула служанка) и поймет, какие страдания приносит этот демон ей самой и другим, может возникнуть то, что я называю религиозной функцией анимуса. Доведенная до отчаяния, Сарра обратилась с молитвой к Богу. Говоря психологическим языком, она обратилась к своей Самости, ко всей целостности своего существа, и тем самым признала, что эго не может найти выход из ситуации. Бог ее услышал, и в игру вступила божественная часть психики, в ее наиболее позитивном аспекте. Тут также интересно, что и в случае Товита, и в случае Сарры позитивная сторона констеллировалась лишь тогда, когда они достигли своего предела терпения.

Далее Сарре надлежало освободиться от одержимости, а Товиту «увидеть свет Божий». Лишь совершенно новое сознание, обозначенное в данном тексте, как «свет Божий», может излечить Товита от его слепой глупости. С одной стороны, нужно высвободить эрос, с другой стороны логос — чтобы создать возможность для совершенно нового единства, символически обозначенного в обсуждаемом тексте через брак между Товией и Саррой.

Подобно тому, как Товит и Сарра молились точно в одно и то же время, и были услышаны одновременно, далее мы узнаем, что сразу же после молитвы, оба изменили свое физическое местоположение. Он вошел в дом из двора — иными словами, после того, как воробыи воспрепятствовали его регрессивной внешней деятельности, Товит обратился внутрь себя. А Сарра покинула комнату отца и сошла на нижний этаж — иными словами, начала выходить из комплекса Электры, который всегда заставляет женщину ставить себя слишком высоко, превращаясь в принцессу в башне из слоновой кости, и спустилась на первый этаж, в реальность.

Это движение было совершенно необходимо для обоих. Ведь у них уже констелировалась божественная сторона их существа. Рафаил начал свой путь, а с таким посланцем можно встретиться лишь там, где наше истинное место, там, где нам надлежит быть.

Это обращение Товита внутрь себя немедленно принесло плоды. Мужчина осознал, что, молясь о смерти, он, вероятно, привлек к себе соответствующие последствия, а поэтому стал готовиться к смерти и призвал к себе своего сына Товию, чтобы передать ему все дела. Хотя Товит прежде потерял все свое имущество, но в этот трудный час он вспомнил о серебре, которое отдал на сохранение Гаваилу в Рагах Мидийских, и решил послать своего сына Товию, чтобы тот забрал эти деньги.

Поскольку содержание книги Товита достаточно широко известно, я значительно сокращаю всю эту историю и лишь напомним вам, что после многочисленных наставлений Товит велел Товии идти к Гаваилу, предварительно найдя себе «надежного человека» в качестве провожатого. Идти с Товией вызвался архангел Рафаил, не раскрыв, однако, своей божественной природы. Более того, в ответ на настойчивые расспросы Товита архангел даже заявил, что является ему родственником — сыном Анании великого. Таким

образом, теперь ничего не препятствовало походу, и, несмотря на причитания Жены Товита Анны, два молодых человека отправились в путь.

И тут есть один очаровательный штрих: нам сообщают, что вместе с ними пошла собака молодого человека. Насколько я могу судить из указателя к Библии Курдена³, собака Товии играет в тексте уникальную роль, как для Ветхого Завета, так и для его Апокрифов. Если собаки и упоминаются в Библии, то всегда с негативными коннотациями. Однако здесь собака выполняет роль спутника и упоминается как при описании путешествия прочь от дома, так и при описании возвращения. На психологическом уровне это означает, что Товия (в противоположность отцу, который в своей жизни руководствовался лишь законом) вполне дружит с собственным инстинктом и берет его с собой в дорогу, и это, предположительно, должно способствовать успешному завершению его миссии. В конце концов, книга Товита в том виде, в каком она дошла до нас, написана всего за два или три столетия до Иисуса, который в одном из апокрифических евангелий говорит, что именно птицы и рыбы «влекут нас к царству небесному»⁴. Очевидно, новая разновидность «света Божьего» подразумевает более интуитивный подход, чем старая. Более того, лишь у мужчины, который умеет полагаться на свои инстинкты, есть шанс тягаться с одержимой анимусом девушкой, такой, как Сарра.

В первый же вечер совместного путешествия, именно молодой человек, а не ангел играл активную роль во всех событиях, хотя Бог послал в помощь Товиту и Сарре как раз Рафаила. Так далеко не всегда бывает в подобного рода историях о путешествии человека и его божественного спутника. Например, согласно Корану, именно Хидр во время совместных путешествий с Моисеем

---

³ "Круден" (конкорданция, симфония) указатель к Библии, впервые изданный в 1737. Назван по имени первого составителя А. Крудена. *Прим. перев.*

⁴ M.R. James, trans., *The Apocrypha of the New Testament*, p. 26.

предпринимал все активные действия. Подобная же ситуация описана во многих мифах и сказках: героические действия совершает тот из спутников, который обладает божественными или магическими качествами. В нашей же истории божественные силы оказываются намного ближе к человеку, или же, можно сказать, что человек берет на себя больше ответственности.

Если рассмотреть этот сюжет с маскулинной стороны, Товия символизирует *архетипическую основу всех сознательных эго* в том виде, в каком данный архетип определен доктором фон Францем. Но если рассмотреть его же с фемининной стороны, то Товия символизирует архетипическую основу не эго, а трансформированного и интегрированного фемининного ума.

Тот факт, что Товия здесь предпринимает активные действия, согласуется с алхимической идеей, что человек должен совершать работу сам, а успешной она будет лишь в случае, если на то есть *Deo concedente* — Божье согласие, Божья воля. Это божественное благоволение символически отражено в фигуре Рафаила и в тех советах, которые он дает Товии.

Время не позволяет мне подробнее обсудить богатое символическое содержание образа рыбы, хотя оно очень важно для нашей истории. К счастью, книга Юнга *Aion* сейчас уже переведена на английский язык, и там об этом говорится очень подробно⁵. Я упомяну лишь о том аспекте рыбы, который связан с богинями Малой Азии. Сирийскую богиню Атаргатис, которую также называют Деркетой, часто изображают как богиню-рыбу. Атаргатис ассоциируется с греческой Афродитой. Фактически, эта известнейшая богиня тесно связана с вавилонскими богинями любви, а значит и с рыбой. Мы уже встречались с птицами Афродиты — воробьями — которые ослепили увязшего в традиции Товита и тем самым лишили его способности к

---

⁵ CW 9ii, абз. 162ff. [А книга Товита упомянута в 174 абзаце. *Примечание канадского издателя.*]

действию. А теперь мы видим, что та же самая богиня любви также связана и с рыбой, которая в данной истории является носителем ипостаси искупительной и целительной субстанции. Таким образом, у нас возникает ощущение, что в этом случае из-за кулис начинает работать подавленный эрос (фемининное начало), не имевший никаких шансов ни под пятой ограниченной маскулинной догмы Товита, ни в жизни одержимой анимусом Сарры. Эрос берет свое и восстанавливает равновесие между двумя ключевыми противоположностями — маскулинным и фемининным началами.

И здесь опять наша история имеет непосредственное отношение к сегодняшнему дню. За две тысячи лет преобладания маскулинной религии мы тоже сильно нарушили свое психическое равновесие. И хотя внешние симптомы у нас оказались совсем другими, нам временами удастся распознать в некоторых катастрофических событиях современности борьбу эроса, пытающегося отстоять свои права.

Противоположности в нашей истории полностью разделены, но, это более очевидно на примере действия темного и светлого начал, чем маскулиного и фемининного — причем, в наше время дела обстоят точно так же. Рафаил представляет светлую сторону Малаха Яхве, ибо он является существом духовным, ангелом благодати, носителем чистого позитива, тогда как Асмодей видится как абсолютно негативное, темное, злое и разрушительное начало, плененное в теле хтонического порождение материи. Если бы Рафаил вступил в битву с Асмодеем напрямую, мы бы наблюдали противостояние равных противоположностей, и результат был бы весьма непредсказуем. Но, взяв из царства Асмодея нечто материальное (рыбу), он значительно повысил свои шансы ибо, как известно, *similia similibus curantur* (подобное исцеляется подобным).

На самом деле для процесса исцеления потребовалась даже не вся рыба, но лишь ее сущность. Чтобы изгнать Асмодея, Рафаил выбрал сердце и печень, а чтобы исцелить Товита от слепоты — желчь. Печень можно почти отождествить с самой жизнью, а сердце — главная пружина нашего тела. Оба эти органа тесно связаны с эмоциями и, таким образом, несут в себе необходимую силу и тепло, чтобы выгнать из Сарры инкуба нечеловеческой природы. Но нам еще нужно задаться вопросом, почему Рафаил сказал Товии, что для обращения в бегство архидемона требуются не сами органы, но дым, от их воскурения.

Сама идея о том, чтобы превратить некие материальные вещи в дым или пар, всегда связана с одухотворением, но здесь у нас присутствует еще один специфический нюанс. В своем эссе «О природе психэ». Юнг сравнивает инстинкт с инфракрасным концом светового спектра, а дух — с ультрафиолетовым⁶. И он отмечает, что сползание в инфракрасную сферу ведет нас к бессознательности и панике, но никак не к сознательному постижению инстинкта и его ассимиляции. Последнее возможно лишь на духовном конце спектра (ультрафиолет), где архетип (как образ инстинкта) дает нам возможность уберечь свое сознание от кипящей бездны страстей и инстинктов.

Это дает нам некоторое понимание, почему сердце и печень рыбы нужно сжечь и тем самым одухотворить, ибо лишь на этом конце спектра сознание может быть обновлено и укреплено. Сарра находится под чарами старой и своевольной разновидности анимуса, который заражен, коллективным архи-дьяволом Асмодеем — более того, олицетворен им. Ей требуется колоссальной силы осознание, чтобы заставить его сдать свои позиции внутри нее и дать ей свободу принять нового трансформированного анимуса, олицетворенного в фигуре Товии.

---

⁶ The Structure and Dynamics of the Psyche, CW 8, pars. 414ff.

После приключения с рыбой путешествие продолжилось и, когда путники приблизились к своей первой цели — дому Рагуила, отца Сарры — Рафаил поведал Товии о его родственной связи с этой семьей (ранее Товия об этом не ведал). Он сказал юноше, что тот должен жениться на Сарре, охарактеризовав ее как «девицу прекрасную и умную». И еще он отметил, что Рагуил просто обязан отдать ее Товии, ибо они принадлежат к одному роду.

Поначалу нас очень удивляет, что одержимая демоном девица получает столь завидную характеристику. Но превосходные качества являются, практически, необходимым условием для того, чтобы человек мог обратиться лицом к тьме внутри себя. Недавно Юнг отметил, что никогда у нас не было большей потребности в христианских добродетелях, чем сейчас, когда перед нами разверзлась темная ночь души, и мы наблюдаем беспрецедентное развитие негативного начала в человеке.

В ходе психоанализа очень часто случается, что, когда человеку впервые удастся познать свою темную сторону, он начинает полностью отождествлять себя со своими нежелательными качествами и теряет из виду собственные добродетели. Это очень неразумно, ибо, чем ярче добродетели, тем темнее тень, и одно никогда не перечеркивает второе. Так и тут: в тот самый момент, когда нашим героям предстоит встретиться лицом к лицу со злым демоном, обитающим в Сарре, Рафаил обращает внимание юноши на ее светлую сторону, чтобы Товия знал, что она — целостная женщина, обладающая чрезвычайно развитой светлой стороной, уравновешивающей очень темного Асмодея.

Хотя Товия, похоже, очень мало знает о своих родичах, но ему доводилось слышать о демоне Сарры и о судьбе ее семерых мужей. Поэтому он просто сказал: «я боюсь, как бы мне не умереть». (прим переводчика: Так в русском тексте. У Ханна: «Что касается меня, то я боюсь»)

Это сугубо инстинктивная реакция, простая и непосредственная (как у собаки, которую он взял с собой), и у нас возникает ощущение, что семерым его предшественникам как раз такого инстинкта и недоставало. У первого и даже у второго есть оправдание, но далее было просто глупо не испытывать осознанного страха. Лишь мужчина с развитым инстинктом может иметь дело с одержимой анимусом женщиной, и страх Товии здесь подобен страху перед Богом, который, как считается, есть начало мудрости.

Рафаил же в ответ напомнил Товии, что отец заповедовал ему взять жену из рода своего и, повторив свои инструкции относительно необходимости сделать воскурение из сердца и печени рыбы, дабы изгнать Асмодея, заверил юношу, что демон не причинит ему никакого вреда, после чего добавил: «Не бойся; ибо она предназначена тебе от века, и ты спасешь ее, и она пойдет с тобою».

Довольно неожиданно увидеть тут столь явную отсылку к более позднему учению о предопределении. Если рассматривать это учение с психологической точки зрения и не брать крайние его проявления, можно с полной определенностью сказать, что учение это играет существенную роль в процессе индивидуации. Отойти от своей изначально заложенной психической структуры столь же невозможно, как невозможно яблоку превратиться в грушу или тигру — в невинного ягненка. С этой точки зрения освобожденная Сарра станет анимой в структуре Товии, а Товия — трансформированным анимусом в структуре Сарры. Это также объясняет подбор слов, которыми заканчивается шестая глава: «Выслушав эти слова Рафаила и узнав, что Сарра — его сестра из семени дома отцовского, он крепко полюбил ее, и душа его прилепилась к ней».

Но ведь Товия пока еще не видел Сарру, поэтому, нам очень трудно объяснить, почему это вдруг он полюбил ее, если только не

предположить, что она изначально принадлежит ему как часть его существа (его анима) либо же, он является ее анимусом, или бессознательным умом, которому для воплощения в этом мире требуется только Сарра и никто иной. Здесь нам вспоминаются знаменитые слова Гете: «Не была ль ты в прошлой жизни мне сестрой или невестой?» — которые часто цитировал Юнг в качестве примера того, как чувствует себя мужчина, когда встречает собственную аниму, спроецированную на реальную женщину.

Затем Рафаил и Товия прибыли в дом Рагуила, и хозяин сразу же узнал Товию по его сходству с отцом, Товитом. Гостям оказали радушный прием, закололи овна и приготовили богатый ужин. Но Товия отказался есть прежде, чем договорится о браке с Саррой. Рагуил согласился отдать за него свою дочь человека и чистосердечно рассказал о том, что случилось с прошлыми мужьями. Очевидно, он не сомневался, что Товию постигнет та же участь, и даже ночью тайно вырыл для молодого человека могилу.

Здесь Рагуил, подобно старому Товиту, обнаруживает склонность хоронить мертвецов, охваченный пессимистической уверенностью, что все завершится так же плохо, как уже бывало прежде — тенденция, которую мы часто наблюдаем в анимусе у женщин, особенно если у них сильно развит комплекс Электры. Очевидно, Рагуил в душе своей не сомневался в силе Асмодея. На самом деле, у нас даже возникает подозрение, нет ли между ними тайной связи, ибо Сарра была его единственным ребенком, а отцам нередко весьма тяжело дается расставание с дочерью. Сам же Асмодей очень живо напоминает нам анимус в его роли ревнивого любовника или мужа, ибо он никогда не причинял вреда самой Сарре, а только убивал своих соперников.

Товия не поддался влиянию пессимистических настроений Рагуила и отказался принимать пищу до тех пор, пока Сарра не будет отдана ему «по закону Моисееву». Здесь молодой человек

демонстрирует глубокую мудрость, ибо, несмотря на то, что он выступает в роли обновителя сознания, он отдает дань уважения и древней традиционной реальности, настаивая на том, чтобы его новое положение было легитимировано.

Что же касается положения самой Сарры, то нам сейчас нужно рассмотреть некоторые другие аспекты ее анимуса. Вплоть до нынешнего момента ее единственной любовью в людском мире был отец. Девушка продемонстрировала свое искреннее чувство к нему, когда даже в состоянии крайнего отчаяния, она ради него отказалась от идеи о самоубийстве. Однако мы видим, что за образом ее отца скрывается архетипическая фигура архи-демона. Тем не менее, когда, доведенная до отчаяния, она обратилась с молитвой к Богу, Тот послал ей Рафаила, который вошел в ее сознание только сейчас, но, вне всяких сомнений, начал свою работу по обузданию Асмодея намного раньше, ибо после Сарриной молитвы убийств больше не было. Всех этих троих сейчас объединяет ключевой четвертый: Товия. Он олицетворяет трансформированный ум Сарры, который прежде был полностью бессознательным, но с недавнего времени начал развиваться и активизировался, когда она приняла решение жить дальше и сносить все страдания, причиняемые ей Асмодеем. И вот теперь ей надлежало рискнуть всем, ибо если бы демону удалось умертвить Товию, можно считать, что Сарра пропала окончательно.

Когда брачный договор был подписан, все сели за стол, чтобы отведать овна. Овен здесь играет весьма интересную символическую роль, ибо, являясь весенним знаком, он представляет мужественность и маскулинную силу, которую вначале надлежало принести в жертву, а затем Товия должен был ее интегрировать (съесть), прежде чем он будет готов к суровому испытанию — к встрече с Асмодеем.

После трапезы новобрачные отправились в свои покои. Товия в точности исполнил наставления Рафаила, и Асмодей сбежал, испугавшись дыма из курильницы «в верхние страны Египта», где Рафаил связал его. Тот факт, что Асмодей был связан у верховий Нила, указывает на то, что его снова подавили и загнали в глубины подсознательного — процедура, абсолютно необходимая в те времена. Даже несколько столетий спустя, когда была написана книга Откровения, Сатана, как вы помните, был связан на тысячу лет. Такое связывание анимуса бывает в некоторых случаях необходимым и в наше время, например, когда имеет место контаминация коллективным демоном или психотический припадок... однако сейчас у нас нет времени углубляться в эту тему.

Любопытно, что Рафаил, которого с психологической точки зрения можно было бы воспринимать как силу, равную и противоположную Асмодею, теперь сумел победить, и связать последнего. Можно предположить, что это ему удалось, благодаря выдающемуся величию людей, которые не только использовали символ богини любви, как их научили, но и полностью ее приняли, раскрыв свои сердца для любви. Такой творческий подход усилил позитивную сторону их существа и помог преодолеть разрушительные тенденции — как минимум, на время.

Когда демон сбежал, Товия и Сарра закрыли дверь своей спальни и — опять-таки следуя инструкциям Рафаила — помолились, прежде чем заключить друг друга в объятия. Эта молитва была абсолютно необходима, ибо победа состоялась, благодаря прямому вмешательству Бога, а если бы они приписали эту заслугу себе, ими овладела бы гордыня, и тогда своевольный демон старик Асмодей вернулся бы обратно, такой же сильный, как и прежде.

В частности, Товия говорит в своей молитве: «я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине *как жену*».

«Поистине» означает ультрафиолетовый (духовный) конец спектра, где рождается новое понимание и новое сознание. Лишь могучее усилие на достижение этой цели, символизируемое здесь совместной молитвой к Богу, может быть достаточным, чтобы обрести истину, которая одна может уберечь это новое сознание от того, чтобы снова быть поглощенным темным эмоциональным инстинктивным бессознательным.

Рагуил и его жена Една очень обрадовались (по меньшей мере, на сознательном уровне), обнаружив утром, что Товия жив и здоров. Рагуил закатил пышный и продолжительный свадебный пир, чтобы молодые, как можно дольше оставались в его доме. Но Товия хотел поскорее попасть домой, чтобы представить свою невесту старику Товиту и исцелить его от слепоты. Рафаил помог Товии получить долг с Гаваила, после чего (вопреки горячим возражениям Рагуила) Рафаил, Товия, Сарра и собака отправились в дом Товита, взяв с собой половину немалого имения Рагуила в качестве приданого Сарры, а также деньги, полученные от Гаваила. По настоянию ангела Товия и Рафаил пошли вперед каравана с имуществом, и применили целительные свойства рыбы во второй раз: восстановили зрение Товию.

Напрашивается предположение, что Товии надлежало в первую очередь позаботиться от зажжения нового света сознания (что символизируется исцелением Сарры и заключением нового союза), и лишь после того, как этот свет разгорелся ярко и устойчиво, он мог быть увиден даже глазами старого традиционалиста Товита, как то и было задумано Богом, ибо Рафаил послан на Землю не только для того, чтобы исцелить Сарру, но и для того, чтобы Товит мог узреть «свет Божий» — свет нового сознания. Сам Товит ассоциирует этот свет со своим сыном и его достижениями, о чем ясно свидетельствуют первые слова, которые он произнес после того, как бельма спали с его глаз: «Я вижу тебя, дитя, свет очей моих».

Товит, который снова стал зажиточным человеком, тоже закатил свадебный пир в ознаменование женитьбы сына. Затем на семейном совете было решено в благодарность за помощь отдать Рафаилу половину имущества, которое он помог доставить домой. Лишь тогда Рафаил открыл, что является не родственником их, а посланным от Бога архангелом. По-видимому, ангел даже немного удивлен, что они не замечали того, что он не ел и не пил, и несколько раз повторяет им, что является всего лишь «видением, которое представляется вашему взору».

И даже теперь мы читаем, что они «встревожились», и «пали ниц» и «устрашились. Таким образом, мы видим, почему им с самого начала не открылась божественная природа Рафаила. Вначале нужно было привести все дела в порядок, и стабилизировать новое сознание посредством брака Товии с Саррой и восстановления зрения Товита, и только после этого люди были готовы перенести такое потрясение. Даже если бы с самого начала путешествия Товия сумел бы справиться со своим страхом перед небожителем, тем не менее само по себе знание о том, что он путешествует с архангелом, могло бы побудить его вести себя по-детски незрело, полностью полагаясь на божественного спутника. У него было бы намного меньше шансов повзрослеть, научиться брать инициативу в свои руки и даже порой отстаивать позицию своего сознания перед лицом бессознательного, как это, в частности, было, когда он заявил Рафаилу: «я боюсь, как бы мне не умереть». Более того, это характерно для большинства трудных ситуаций (наподобие той, которая описана в данной истории), что божественный замысел становится виден лишь задним числом; а в то время, когда разворачиваются события нам надлежит страдать более или менее вслепую.

До этого момента, хоть и происходило немало удивительного, все оставалось в границах нормального. Товит обнищал, но это удалось исправить, благодаря тому, что с ним расплатился должник, и у него появилась богатая невестка. Сарра избавилась

от демона, но это могло стать прямым результатом воскрешения рыбьего сердца и печени — иными словами, обычных врачебных процедур. То же самое касается и бальма Товита, снятых при помощи рыбьей желчи. Однако все эти счастливые события все накапливались и накапливались, подготавливая участников к подлинному откровению, которое состоит в том сверхъестественном факте, что в основе всего происходящего лежит божественное вмешательство. Они имели дело с Божьим посланцем, и вот он теперь раскрыл перед ними секретный небесный план, в реализации которого они все приняли участие.

С психологической точки зрения все это означает, что лишь в самом конце любой из них был готов к самому сложному осознанию во всем процессе индивидуации — осознанию божественной, совершенно неизведанной составляющей человеческого существа. Юнг даже говорил, что признание тени и всех принадлежащих эго вещей, которые мы подавили — просто детская игра по сравнению с усилиями, требуемыми для проникновения в эту неизведанную страну. Эта скрытая божественная часть человеческого существа получила в обсуждаемой нами истории очень красивое символическое отображение: ежедневный близкий контакт с замаскированным ангелом.

А теперь пора разобраться, может ли нам эта история принести практическую пользу для понимания религиозной функции анимуса в психике современной женщины. Но вначале нам нужно определиться, какой смысл мы вкладываем в сам термин «религиозная функция». Я использую его в противопоставление старому своевольному анимусу, который изначально присутствует почти в каждой женщине. Вам ведь известно, что, подобно тому как мужчины страдают от порожденных анимой настроений, так и женщины страдают от целого комплекса порожденных анимусом мнений, которые в значительной мере состоят из того, чему учили их в юные годы отцы или другие авторитетные мужчины (или же

они бессознательно переняли их из мировоззрения этих мужчин). Такие мнения носят сугубо эмоциональный характер. Мы вообще не подвергаем их сомнению — ибо слишком глубоко они в нас укоренены. Женщина просто в них верит и оперирует ими как неоспоримыми фактами.

Религиозная функция анимуса начинается с того, что женщина набирается отваги, чтобы поставить под сомнение абсолютную истинность собственных мнений. Это намного сложнее, чем может показаться, ибо свойственная анимусу уверенность представляет собой надежную поддержку, на которую бессознательно полагаются многие женщины — точно так, как традиционная жена полагается на мужа. Более того, анимус может дать нам обманчивое но очень соблазнительное чувство неизменной правоты. Уверенность всегда имеет лишь одну сторону, и стоит нам только предположить, что и противоположное мнение тоже имеет право на жизнь, как нас начинают одолевать сомнения. Но, в то же время, на месте уверенности, которую прежде давал нам анимус, у нас возникает смутное ощущение, что за всеми этими сомнениями, страданиями и неуверенностью есть какая-то цель, возможно даже цель божественная, и все это не зря.

Юнг как-то сказал на одном из семинаров, что мужчина осуществляет преодоление, убивая дракона (маскулинная деятельность), а женщина может осуществить преодоление лишь более пассивным способом — через принятие своего страдания. Если она способна принять страдание, связанное с необходимостью поменять свою старую уверенность на сомнения, ее анимус начинает изменяться сам по себе. Он перестает снабжать ее ложными и неуместными мнениями, но сам начинает свой поиск среди тьмы и сомнений — он ищет намеки, маленькие подсказки, указывающие путь к божественной модели процесса индивидуации. Вместо того чтобы оставаться субъектом одержимости эго и его тираном, анимус начинает служить Самости, превращаясь в религиозную функцию, способную помочь

эго в его пожизненной задаче, состоящей в том, чтобы открывать Самость — эту божественную часть нашего существа.

А теперь вернемся к нашей истории и посмотрим, каким образом она соотносится с этими теоретическими замечаниями о религиозной функции анимуса.

Состояние дел, описанное в самом начале книги, пусть в крайней и несколько драматизированной форме, во многом совпадает с состоянием анимуса почти каждой женщины до того, как она ставит перед собой задачу по его проработке. Две фигуры отца (Товит и Рагуил), обе оказались в плену у традиции и у прошлого. Товит всецело озабочен мертвецами, а Рагуил твердо убежден, что ничего не может измениться, но все должно продолжаться по-старому — в негативной и деструктивной манере. Имея такую основу для формирования мнений своего анимуса, Сарра была изначально предрасположена к одержимости. Будучи архидемоном, Асмодей предположительно был более мощной и деструктивной фигурой, чем те, которые обычно овладевают обычными женщинами. Но все же разница только в степени проявления — более умеренная одержимость демонами, практически всегда становится результатом точно такого же родительского влияния.

Поворотный момент наступает тогда, когда Сарра после упреков служанки (из которых становится ясно, как к нашей героине относится обычная, сориентированная на инстинкты женщина) принимает решение все же не накладывать на себя руки, но принять почти нестерпимое страдание. Она сама делает шаг в сторону религиозной позиции, когда обращается с молитвой к Богу. Если Он не даст ей смерти, то обязан выслушать ее упреки. Такое отчаянное воззвание вкупе с жертвенным решением продолжать свою постылую жизнь редко остается без ответа, и теперь за дело берется божественная часть ее психики. Говоря на

языке психологии, здесь мы видим, что эго приносит себя в жертву и просит Самость, чтобы та взяла ситуацию в свои руки.

И Самость делает это достаточно эффективно: посылает на помощь Рафаила. Этот божественный фактор остается неузнанным до самого конца истории — как это обычно и бывает в нашей жизни. Но реакция поступает не только со стороны архетипических сил. Одновременно Товит побуждает к действию своего сына, Товию. А поскольку, согласно сюжету, он является человеком, мы можем считать, что он символизирует индивидуальный анимус Сарры.

И Товия действительно перебирает на себя религиозную функцию анимуса. Отец напрямую доверил ему задачу забрать у Гаваила деньги, иными словами, некий пакет энергии, лежащий невостребованным и неиспользуемым в бессознательном. И тогда он стал искать подсказки, которые направили его на путь успешного выполнения этого задания. Именно он нашел Рафаила и привел того к отцу. А затем, в ходе совместного путешествия он принимал наставления архангела даже тогда, когда это означало для него преодоление совершенно оправданных страхов.

Многое из всего этого произошло в бессознательном Сарры — что очень часто случается и у современных женщин. Если ей удастся однажды полностью перестроить свой разум на совершенно новое отношение к жизни и к собственному анимусу, последний часто изменяется даже без ее ведома. Я неоднократно наблюдала приятное удивление у женщин (как это было с Саррой), когда в их сознание прорывался Товия.

Сарра приняла Товию сразу же, и, если рассматривать ситуацию через призму ее психологии, с этого самого момента дальнейшие действия нашей героини были осознанными. Они вместе следовали рекомендациям Рафаила и тем самым «поистине» вступили в связь, что на психологическом языке означает «увидеть свет Божий» — обрести новое сознание.

В завершение нам, вероятно, следовало бы рассмотреть образы Самости в этой истории с точки зрения психологии Сарры. Как вы знаете, образы Самости в снах обычно бывают одного пола со сновидцем, хотя это правило ни в коей мере не является непреложным. У нас здесь есть некоторые указания на фемининную божественную фигуру, действующую из-за кулис — речь о воробьях Афродиты и о богине-рыбе из Малой Азии. Но это лишь слабые намеки, полностью заслоненные внушительной фигурой Рафаила. В ангелах есть что-то бесполое, и Самость, будучи соединением противоположностей, в основе своей тоже является гермафродитом. Поэтому я полагаю, что Рафаил (не забывая и о его тени, Асмодее) в этой истории является образом Самости, независимо от того, рассматриваем ли мы ее с маскулинной или с фемининной стороны.

Однако нам не следует забывать, что изначально молитвы Товита и Сарры были «услышаны перед славой великого Бога», и это именно Он послал им в помощь своего архангела. Но больше мы о Нем ничего не слышим — все делает Рафаил. С психологической точки зрения все это в точности соответствует архетипу как таковому, который, как не раз говорил Юнг, находится полностью вне нашего понимания. Мы можем понять и пережить его лишь через те или иные образы — так в нашей истории все персонажи (в первую очередь, Товия) тесно общаются именно с Рафаилом.

Таким образом, на мой взгляд, Товия тут в равной мере символизирует, как архетипическую основу мужского эго-сознания, которое должно активно сражаться с драконом (Асмодеем), так и религиозную функцию анимуса в женщине, который будет активно помогать ей, если она только примет страдание и научится ценить свое собственное фемининное начало. Итак, Товия в первую очередь символизирует дух, обладающий наивысшей подлинной целостностью.

Глава 5. Проблема контакта с анимусом

(16 февраля 1951)

Часто приходится слышать жалобы — даже от людей, которые изучают юнгианскую психологию не первый год — что мы слишком много обсуждаем теорию и очень мало говорим о том, каким образом эта теория работает в повседневной жизни. И мне кажется, что эта точка зрения обрела особый вес в наши дни, ибо сегодня, как никогда прежде, людям становится очевидно, что в нашей жизни активно работают незримые силы, совершенно неподконтрольные человеческому разуму. Единственное место, где мы способны как-то работать с этими силами — внутри индивидуума. Поэтому для меня так важно в данной работе уделить максимальное внимание практической стороне вопроса. Но каждому читателю, который сам когда-либо предпринимал подобного рода попытки, хорошо известно, какие огромные трудности предполагает это предприятие. Мы можем разглядеть лишь участок поверхности огромного клубка проблем, которые подразумевает наша тема.

Под термином анимус я понимаю маскулинный дух, или бессознательный ум женщины. Эмма Юнг недавно отметила, что нам нужно очень четко и тонко различать аниму и анимуса. Как известно, *анима* это термин, употребляемый Юнгом для обозначения фемининной души у мужчины. Но если мы говорим об анимусе как об маскулиной душе у женщины, то получаем внутритерминологическое противоречие (а ведь такое сплошь и рядом происходило в ранние дни юнгианства и нередко случается даже сейчас). Слово анимус означает «дух», и именно контрастное

сопоставление души (анимы) и духа (анимуса) дает нам ценные подсказки относительно различий между этими двумя фигурами.

Можно сказать, что, когда мужчина прорабатывает проблему своей анимы, он пытается найти «врожденный коллективный образ женщины», который присутствует в его бессознательном, и образ этот помогает ему постичь природу женщины — так это формулирует Юнг¹. Одновременно он обнаруживает свою собственную функцию взаимоотношения, связи. Таким образом, при поиске анимы основная задача мужчины, по сути, состоит в том, чтобы обнаружить эту функцию, которую он всегда проецирует на женщину. А цель женщины в том, чтобы найти врожденный коллективный образ духа, или ума, который она всегда проецирует на мужчину. Ум женщины, таким образом, в невероятной степени бессознателен, автономен и спроецирован вовне, хотя обычно она и не осознает этот факт.

Проблема современной женщины в этом смысле наиболее вразумительно описана в эссе Юнга «Женщина в Европе» (*Woman in Europe*), вместе со всеми симптомами, встречающимися нам на каждом шагу, которые подтверждают, что мы уже больше не можем отвергать маскулинную сторону женщины. В этом эссе Юнг пишет:

«Маскулинность означает знание того, что человек хочет, и действие, направленное на достижение желаемого. После того, как это знание обретено, оно становится настолько очевидным, что его уже невозможно забыть, не претерпев значительного психологического ущерба².

Таким образом, если мы хотим избежать этого ущерба, мы просто обязаны рано или поздно обратиться к проблеме анимуса.

---

¹ "Anima and Animus," Two Essays on Analytical Psychology, CW 7, par. 301.

² Civilization in Transition. CW 10, par. 260.

Основное внимание в этой статье, естественно, направлено на анимус, а не на аниму, ибо лишь о первом я могу говорить на основании личного опыта — ведь только опыт может служить сколько-нибудь твердой основой, когда речь заходит о практической стороне вопроса. Тем не менее, значительная доля сказанного относится также и к аниме, особенно, что касается методик и техник настройки на эти фигуры. Прочитанный выше отрывок, например, взят из фрагмента эссе, где Юнг рассуждает преимущественно об аниме. Главное различие, которое нам нужно всегда помнить, состоит в том, что, там где женщина реагирует раздражающе неуместными косными мнениями, мужчина склонен реагировать капризами или судорогами предельно ранимого самолюбия. Иными словами, бессознательные реакции женщины напоминают поведение несколько незрелого мужчины и наоборот.

Весь материал по юнгианской психологии в этой книге, естественно, взят у самого Юнга — вылянчен, позаимствован или украден! Что пытаюсь сделать я — поскольку читателю, вне всяких сомнений, намного лучше знакомиться с психологическим учением Юнга через его собственные книги — так это представить вам свой скромный отчет о том, как, на мой взгляд, работают идеи Юнга, когда женщина пытается применить их при работе с собственной психикой. Конечно, когда женщина пишет об анимусе, ей всегда приходится учитывать тот факт, что у самого анимуса может быть собственный взгляд на вопрос. Юнг на одном из своих семинаров отметил, что, хотя в литературе есть немало прекрасных портретов анимы, хорошие портреты анимуса — редкость. Он предположил, что причина этого в том, что к написанию книг о женщинах в значительной мере причастен сам анимус, и он предпочитает не выдавать себя. (Анима же, по-видимому, позирует для своих портретов с большим удовольствием!). Поэтому, я никогда не бываю до конца уверена, насколько успешно удастся анимусу — хитрому старому лису — замести хвостом свои следы.

Преобладание бессознательного в личности

Первое, что нам нужно сделать, прежде чем углубиться в тему, это принять тот факт, что наша психика распространяется далеко за пределы наших сознательных знаний. Нам очень сложно расставаться с мыслью о том, что мы являемся хозяевами в собственном доме — сложно расставаться с пагубным убеждением, что все находится под нашим контролем. Я обращаю на это столько внимания потому, что еще долго после того, как человек признает существование, как индивидуального, так и коллективного бессознательного, и осознает, что у него есть тень и анимус (или анима), он еще долго ведет себя точно так же, как если бы он ничего этого не знал и не понимал. Не так-то легко отмахнуться от рациональных идей девятнадцатого века, на которых взращены наши деды и прадеды, и которые до сих пор буйным цветом цветут вокруг нас.

Стоит осознать, что психика распространяется далеко за пределы эго и его осознанных знаний, как мы сталкиваемся с фактом, что мы живем в неведомой незримой стране. На самом деле существует много сравнительного материала, откуда мы можем черпать информацию об этих новых для нас пространствах. Например, представители первобытных племен в большинстве своем стоят одной ногой во внешней реальности, а другой — в незримом мире. То, что они называют землей духов, является для них более значимой реальностью из двух, и знакомство с их способами взаимодействия с духами в чем-то подобно чтению путеводителя по стране, прежде чем отправиться в путешествие. Существует и немало других источников сравнительного материала. Тут можно вспомнить великие религии, как востока, так и запада, гностические системы, алхимию и, на более низком уровне, колдовство и магию.

Однако необходимо сразу оговориться, что все отчеты из вторых рук о том, что Юнг называет коллективным сознанием, имеют лишь относительную ценность. Да, они абсолютно неоценимы для накопления и сравнения информации. Но, все же, наиболее важным и необходимым условием для любого настоящего знакомства с бессознательным является именно реальный опыт. Нам нужно всегда помнить, что психология — эмпирическая наука. Любопытно, что юнгианскую психологию часто ошибочно принимают за философию и даже за религию — но к этому склонны лишь люди, которые сами на опыте не познакомились с изучаемыми нами явлениями и поэтому отчеты об опыте других людей кажутся им настолько странными, что они принимают их за отвлеченные философские или мистические построения. В некотором смысле можно сказать, что они находятся в положении людей, которые слушают отчет исследователя о каком-то странном племени, чьи обычаи настолько сильно отличаются от наших, что слушатель может подумать: «Ну здесь он явно преувеличивает!» — или: «Врет, как рыбак!» Некоторые люди идут еще дальше и отрицают даже свой собственный опыт: когда какой-то материал из бессознательного завладевает ими и подталкивает к тем или иным переживаниям, они приходят к выводу, что это был просто бессистемный бред, либо же ведут себя в точности так, как тот человек, который, впервые увидев верблюда, заявил: «Не может быть такой зверь!»

Нет нужды даже далеко ходить за подтверждениями того, что нами движут внутренние факторы, отличные от нашей сознательной личности. Разве редко, сделав что-то, мы спрашиваем сами себя: «И что это на меня нашло?» Либо же мы сердимся на себя из-за того, что сделали нечто обратное тому, что намеревались. Тем не менее, нам очень тяжело совершить простой логический шаг, и принять тот факт, что внутри нас присутствуют силы, действующие независимо от нашей воли и принуждающие нас к воплощению их собственных намерений —

нам даже проще усомниться в свидетельствах собственных чувств. Эти внутренние силы мы называем комплексами.

Следующий случай может служить иллюстрацией того, насколько сложно нам бывает признавать необычные факты. Однажды зимней ночью шторм оторвал от причала плавучую баню на озере Цюрих и отогнал практически через все озеро, собственно, к городу Цюриху, где его впоследствии обнаружили и отбуксировали на место. Тем же вечером в одной компании кто-то рассказал об этом случае, и некая девушка воскликнула с облегчением: «А ведь я сегодня утром видела эту баню из окна. Она дрейфовала неподалеку от берега. Но, естественно, никому об этом не рассказала, потому что знала: ее там быть не может!» Девушка не могла поверить собственным глазам до тех пор, пока не получила рациональное объяснение увиденного. И все мы постоянно игнорируем самые очевидные физические факты в силу подобных же предрассудков.

На своем семинаре, посвященном книге Ницше «Так говорил Заратустра», Юнг однажды говорил о моменте, когда к нам приходит понимание, что мы состоим не только из сознания, но и из бессознательного, причем движения сознания постоянно оказываются перечеркнуты импульсами бессознательной воли внутри нас. Он сказал:

«Это, как если бы ты правил страной, которая и тебе самому известна лишь отчасти. Властелин королевства с неведомым числом жителей. Ты не знаешь, кто они, каковы условия их жизни: до твоего сведения снова и снова доходят вести о том, что в твоих землях есть подчиненные, о чьем существовании ты не имел ни малейшего представления. Поэтому ты не можешь брать на себя ответственность, тебе остается только заявить: «Я оказался правителем державы, не зная ни ее границ, ни жителей, и не до конца понимая существующие в ней условия». И тогда ты сразу же выходишь из состояния субъективности и оказываешься перед

лицом ситуации, в которой являешься своего рода пленником — ты сталкиваешься с совершенно неизвестным набором вероятностей, ибо на каждое твое действие или решение в каждый момент влияет слишком много неуправляемых факторов. Так что твое владычество в этой стране выглядит довольно комично — король, который на деле королем не является, ибо зависит от такого огромного числа неведомых ему факторов и условий, что слишком часто ему просто не удастся реализовать собственные намерения. Поэтому лучше вообще никому не рассказывать о том, что ты тут король, а быть просто одним из обитателей этой территории, который на деле управляет лишь небольшим участком земли. И чем больше опыта ты приобретаешь, тем более ясно видишь, что твой уголок бесконечно мал по сравнению с бескрайними неизведанными просторами тебя окружающими»³.

Как только человек осознает, что не является ни королем собственной психики, ни даже хозяином своего дома, его позиции, как это ни парадоксально, заметно усиливаются. Он выходит из состояния субъективности, иными словами, обретает крохотный клочок объективного мира — земли, на которой можно встать и оглядеться вокруг. Очень многие явления, принадлежащие нашему внутреннему миру, всегда служили материалом для проекции: то, что мы не видим внутри себя, автоматически проецируется на окружающий мир. Мы не осуществляем проекции сознательно, но просто обнаруживаем кусочки себя — те части, которые мы не признавали — спроецированными на внешний мир. Разве не у многих из нас есть свой любимый предмет отвращения, безропотно несущий на себе все те качества, которые мы не хотим признавать своими? Вот уже почти семь столетий прошло с тех пор, как Майстер Экхарт воскликнул: «Ищи внутри, а не снаружи, ибо всё пребывает внутри». Но как же мало людей на сегодняшний день поняли, что он имел в виду!

---

³ Nietzsche's Zarathustra, vol. 1, p. 390.

Тень

Когда мы на опыте постигаем тот факт, что наше сознательное эго — лишь один из жителей маленькой территории посреди колоссальных пространств, у нас, естественно, появляется желание узнать что-то и о других жителях. До Юнга бессознательное, в той мере, в какой его вообще признавали, преимущественно виделось как подавленный материал, который можно тоже вывести на уровень сознания. И это вполне верно — как минимум, в теории — в отношении того, что Юнг называет индивидуальным бессознательным. Тень в ее индивидуальном аспекте обитает именно в этом слое психики. В некоторых пассажах своих работ Юнг даже устанавливает тождество между этими двумя явлениями (тенью и индивидуальным бессознательным) и, таким образом, тень можно назвать нашим ближайшим соседом в обширном пространстве неизведанных территорий, которые нас окружают. Очевидно, что нам в первую очередь требуется приобрести значительные знания о тени, и лишь затем мы сможем начать проработку своих проблем с более отдаленными фигурами, включая и анимус.

Тень — одна из младших фигур в составе личности, являющаяся точной противоположностью осознанной личности. Обычно ее воспринимают как нечто низшее, и в своей самой распространенной форме она состоит из всех негативных качеств, которые человек не хочет в себе видеть. Но, если человек в жизни не реализует свой позитивный потенциал, то тень может включать в себя и явно положительные качества — Юнг неустанно подчеркивает это.

В ее индивидуальном аспекте тень распознать не так уж сложно, хотя это долгое, утомительно и нередко очень болезненное предприятие. Основная сложность состоит в том, что личная тень

подвергается контаминации со стороны фигур коллективного бессознательного, которые лежат в ее основе. И это очень затрудняет работу. Например, человек с чувствительной совестью, впервые увидев свою тень, может потерять голову и сделать себя ответственным за деяния самого дьявола! Поэтому исключительно важно научиться разделять сферу индивидуального бессознательного и фундаментальные фигуры коллективного бессознательного.

Самая близкая фигура к эго и тени — это анима или анимус. Юнг часто говорит о своего рода браке между анимусом и тенью — слишком мощный союз, чтобы ему могло противостоять слабое эго. Во время одного семинара в 1932 году он очень подробно обсудил это явление, указав на то, что, для того, чтобы вообще иметь возможность наладить связь с собственным анимусом, женщине нужно владеть своей тенью — иными словами осознавать низшую часть своего существа. Люди же, которые считают себя слишком безупречными и тем самым полностью отрицают свою тень, по словам Юнга буквально «одержимы дьяволом»:

«Их пожирает собственный анимус — и жиреет от этого. Эта отменная пища дает ему силы — он становится, настолько могуч, что может овладеть сознанием, полностью подчинив его своей власти. Таким образом, анимус не следует связывать с тенью, такую связь надлежит разрывать, несмотря на тот факт, что к анимусу вы приходите через тень. И невозможно прийти к анимусу, пока вы не увидите свою тень — не увидите свои низшие стороны. Когда вы увидите свою тень, то сможете отстраниться от анимы или анимуса. Но до тех пор, пока вы ее не видите, у вас нет ни малейшего шанса»⁴.

---

⁴ The Visions Seminars, p. 211 (modified).

Проще говоря, у вас нет ни малейшего шанса, пока анимус и тень находятся в браке, ибо тогда осознанное эго всегда терпит поражение в этой игре, оставаясь в меньшинстве — одно против двоих. Несколько позднее мы подробно рассмотрим, что означает с психологической точки зрения «одержимость демонами», а также вернемся к вопросу о том, какую роль играет тень в контексте нашей проблемы контакта с анимусом.

Знакомство с анимусом

Широко известно — и далеко не только одним психологам — что душа (анима) мужчины часто находит олицетворение в фемининной фигуре. Достаточно упомянуть такие фигуры, как «Беатриче» Данте, «Лаура» Петрарки или «Она» Райдера Хаггарда. В то же время тот факт, что дух женщины находит олицетворение в маскулинной фигуре, известен намного меньше. Я не знаю вообще формулировал ли кто-то этот тезис четко до того, как Юнг распознал аналог анимы в бессознательном женщины? Сейчас, когда мы еще не осознали эмпирическое существование этой фигуры, этого спонтанного продукта бессознательного, мы все же можем обнаружить следы его присутствия во многих источниках, хотя чаще всего в негативной форме. Например, демоны, которыми бывали одержимы девушки, чаще всего являются маскулинными фигурами. В качестве примера можно привести Асмодея, злого духа из книги Товита (ветхозаветный апокриф), которым была одержима девица Сарра. Этот демон убил семерых ее мужей, и остановить его смог только некий Товия, который при содействии ангела Рафаила изгнал демона при помощи сердца и печени рыбы. Кроме того, «малый магистр» ведьм и «Великий магистр» ковенных тоже почти всегда маскулинен.

Возможно, в силу факта, что христианский Бог — в особенности Бог протестантский — является исключительно маскулининой фигурой, женщине бывает сложнее распознать свой индивидуальный дух,

чем мужчине, ибо дух ее всегда спроецирован вовне. Не исключено, что это — одна из причин, почему женщина осознала существование своего мужского двойника на много столетий позже мужчины. Но мы не станем углубляться в данный вопрос, ибо это увело бы нас слишком далеко от основного предмета нашего разговора.

Здесь следует упомянуть, что в более ранние и более спокойные времена, когда бессознательное более гармонично сочеталось с преобладающей религией, большинство людей могли найти ответы на все эти вопросы даже в том случае, если вопрос формулировался сугубо в контексте догматов их веры. И в наше время есть счастливики, чье бессознательное все же вписывается в структурные рамки какой-либо официальной религии, и тревожить таких людей не стоит ни в коем случае, ибо в наши беспокойные дни, любая подлинная укорененность в незримом мире имеет наивысшую ценность, не только для них самих, но и для окружающих.

Я очень отчетливо ощутила это прошлой осенью, когда ездила на выходные в одну католическую деревню в Швейцарии. Там есть необычно большое количество домов престарелых для католиков, преимущественно для монахов и монахинь. Я сразу же ощутила особую атмосферу умиротворения, царящую в этой деревне. Поначалу я подумала, что причина тому — стада коров, пасущиеся на окрестных лугах, величественные горы повсюду, желтеющие листья и ласковое осеннее солнце. Но незадолго до этого я ездила отдыхать в место, где было в точности все то же самое, тем не менее, там у меня не было этого чувства внутренней безмятежности и защищенности. Сопровождавшая меня в той поездке приятельница весьма негативно настроена по отношению к церкви, и она постоянно бурчала по поводу того, как много священников и монахов встречается нам на каждом шагу. И поэтому я немало удивилась, когда она вдруг заявила:

— Я знаю, почему здесь царит такое умиротворение. Бессознательное этих людей по-настоящему находится во власти их религии. У них нет такого внутреннего раскола, как у нас.

Но сколь бы ни казалось нам привлекательным такое состояние, в наши дни оно является скорее исключением, чем правилом. Особенно это касается людей, которые приходят в психологию — обычно они страдают от некоего ощущения внутренней дисгармонии. И на самом деле в большинстве случаев эта дисгармония проецируется на внешний мир, и осознанная их проблема состоит в том, что тем или иным образом они пребывают в разладе со своим окружением.

Помню, как лет пятнадцать назад, когда доктор Юнг еще активно занимался терапевтической практикой, он отметил, что почти все клиенты обращаются к нему не по этому поводу. В большинстве случаев они довольствуются помощью в преодолении внешних проблем — например, психоаналитик пробуждает в человеке новое отношение к самому себе, либо же указывает на какие-то вещи, которых он прежде не замечал. И еще, Юнг подчеркивает в своих работах, что лишь незначительному меньшинству людей суждено вступить на сложный внутренний путь работы с коллективным бессознательным — на этот «длиннейший из путей», как говорят алхимики. Именно на это меньшинство ориентируюсь и я, когда говорю здесь о проблеме контакта с анимусом.

Стоит нам четко осознать, что у нас есть тень, и прекратить осуществлять негативную проекцию всех своих отрицательных качеств на наших нечестных близких, а также понять, что наше сознание это лишь бесконечно малая точка на фоне огромных неизведанных пространств внутри нас — и мы тотчас обретаем участок твердой почвы под ногами, откуда можем начать путь к знакомству с собственной анимой или анимусом. С одной стороны у этих фигур есть индивидуальные черты — так что мы можем

говорить о «моей аниме» или «моем анимусе» — но с другой стороны они также являются обитателями коллективного бессознательного, а поэтому, как не раз отмечал Юнг, нередко намного более корректно бывает говорить просто об «анимусе» или «аниме»⁵. Например, если две женщины, споря между собой, в какой-то момент пытаются выяснить, кто из них виноват в сложившейся ситуации, это почти безнадежно запутывает дело. Если же они перед этим изучали психологию, и каждая готова признать, что ответственность лежит на анимусе *оппонентки*, ситуация, как правило, лишь усугубляется! Но со временем, когда им удастся увидеть, что весь спор был спровоцирован анимусом *как таковым*, и каждая из них в большей или меньшей степени была здесь жертвой, им часто удается встать на некие объективные позиции, откуда становится возможным реальное понимание происходящего.

Весной 1938 года, Юнг подробно осветил этот вопрос, во время семинара о Заратустре. Он говорил о проекции темной стороны и о том, как мы видим дьявола, спроецированного на какого-то другого человека. Юнг подчеркнул, что в ходе анализа нам постепенно удастся убедить пациента, что он «не может считать, что мистер Такой-то является воплощенным архи-дьяволом», который способен серьезно повлиять на его душу. Но часто первым результатом осознания такой проекции становится интроекция: клиент постепенно приходит к убеждению, что он сам и есть сущий дьявол. Пользы от этого никакой, ибо, естественно, клиент вовсе не является дьяволом, поэтому последний просто «возвращается в бульон и растворяется в нем». Поэтому тут психоаналитику надлежит сказать: «А теперь обратите внимание, что, хотя вы и считаете, что никакого дьявола не существует, однако существует психологический факт, который мы можем назвать дьяволом». Далее психоаналитик может предложить

---

⁵ "The Psychology of the Transference," The Practice of Psychotherapy, CW 16, par. 469.

клиенту сконструировать образ дьявола, чтобы получить форму или сосуд, куда можно поймать возвращающуюся проекцию⁶.

Практически во всех человеческих сообществах, какую бы форму они ни принимали, всегда присутствовала общая вера в некое олицетворение чистого зла. И мы неизбежно либо проецируем эти коллективные образы на своих соседей, либо осуществляем интроекцию на самих себя — если только не признаем фигуры коллективного бессознательного за объективную реальность. Поэтому мне представляется критически важным никогда не забывать, что анимус, независимо от того, насколько личную форму он для нас принимает, является также и фигурой коллективного бессознательного.

На другом семинаре Юнг отметил, что, как только женщина начинает контролировать свой анимус или мужчина — свою аниму, они тем самым восстают против стадного инстинкта в человеке. Изначальное природное состояние человека — полная неосознанность, и этот фактор упорно продолжает действовать в нас и ныне. Как только мы пытаемся освободить себя от одержимости анимой или анимусом, мы переходим к другому порядку вещей — а это означает усомниться в старом порядке и бросить ему вызов. Если одна овца вдруг начинает идти сама по себе впереди сего стада, все остальные видят в ней волка и готовы нападать. Более того, не успеваете вы избавиться от одного демона, как против вас ополчаются все остальные черти:

---

⁶ Nietzsche's Zarathustra: Notes of the Seminar Given in 1934-1939, vol. 2, pp. 1320f. Не следует упускать из виду, что Юнг здесь говорит о ницшеанском Заратустре и указывает на то, что, подобно тому, как Ницше сконструировал фигуру Заратустры, являющегося светлым аспектом Самости, так мы можем сконструировать и фигуру для тени, в противном случае последняя может действительно (как это часто и случается) вернуться обратно в «бульон» нашей собственной психики. В общем, когда мы вырываем пассаж из контекста, опасность искажения есть всегда.

«Если мужчина предпринимает умеренные попытки управлять своей анимой, он немедленно попадает в ситуацию проверки на вшивость. Все черти мира попытаются войти в его аниму, чтобы вернуть его в лоно матери-природы ... то же самое касается и женщины: каждый демон, ошивающийся в радиусе ста миль, станет морочить ее анимусу голову»⁷.

Полагаю, правдивость этих слов совершенно очевидна любой женщине, которая предпринимала серьезные попытки наладить взаимоотношения с собственным анимусом. С одной стороны, окружающие восхищаются тем, что она смогла взглянуть на происходящее в ее жизни с новой, более высокой точки зрения, но, с другой стороны, бессознательное тех же людей (в особенности, их анимус) раздражено тем фактом, что она делает что-то вразрез с природой вещей. Поэтому ей то и дело приходится дело с неожиданными атаками со стороны других людей — преимущественно, крайне иррациональными.

В то же время, когда мы впервые сталкиваемся с фактом, что мы осознаем лишь маленький уголок нашей психики, и нам нужно считаться с иной волей или иными волями внутри себя, обычно эта множественность вызывает у нас протест и растерянность — крайнюю растерянность. И самая большая помощь в этом состоянии растерянности обычно приходит нам из снов. А еще чрезвычайно полезно обратиться к опыту других людей, чтобы выяснить, что они уже успели узнать об этом темном неведомом царстве, где наше сознание — всего лишь маленькая свечка.

Очевидно, что анимус, обладая, как индивидуальными, так и коллективными характеристиками, лучше всего приспособлен, чтобы служить своего рода связным между сознанием и бессознательным. Но в действительности, когда мы знакомимся с ним впервые, возникает впечатление, что он не особо склонен к

---

⁷ The Visions Seminars, pp. 243f. (modified). *Примечание канадского издателя.*

выполнению этой полезной роли. Тут многое зависит от индивидуальных обстоятельств: например, если женщина имеет позитивные отношения со своим отцом, у нее есть некая субъективная готовность, некая структурная психическая настроенность на позитивные отношения, как с мужчинами, так и с собственным анимусом. Но это обстоятельство нередко компенсируется в дальнейшей жизни особо мощным дьявольским анимусом, чьего существования она поначалу не замечала — и наоборот. Имея дело с анимусом, мы никогда не должны забывать, что он двойственен: у него всегда есть негативный и позитивный аспекты. (Естественно, то же самое касается и анимы.)

Много лет назад я познакомилась с женщиной, у которой был очень благосклонный анимус — она называла его Арчибальдом. Эта женщина никогда ничего не делала, не посоветовавшись со своим анимусом, и поначалу, это давало весьма завидные результаты. Он всегда находил верный путь из самых отчаянных ситуаций, и, когда я однажды услышала длинный список его подвигов, я была весьма и весьма впечатлена. Тем не менее, уже тогда возникало ощущение, что она слишком зависит от этой фигуры, и некоторые люди даже пытались предостеречь ее — советовали все же поставить под вопрос всемогущество Арчибальда. Однако на тот момент он уже влиял на нее гораздо больше, чем кто-либо из людей, и женщина всецело доверила себя его советам.

Со временем, как и следовало ожидать, ее одержимость анимусом росла. И, если прежде эта фигура оказывала на нее положительное воздействие, то теперь стала оказывать все более отрицательное. Если бы эта женщина смогла занять более критичную позицию по отношению к себе, что позволило бы ей распознать двойственную природу данной фигуры, она могла бы и не попасть в эту ловушку.

Читателю может показаться странным, что женщина в здравом уме может до такой степени олицетворить фигуру своего бессознательного или своего духа, что она станет советоваться с ним по поводу повседневных дел и даже называть Арчибальдом. Как мы скоро убедимся, тут и вправду уместен вопрос, насколько разумно с ее стороны было так сильно вовлекать его в свою внешнюю жизнь. Между тем, Юнг совершенно четко показывает, что эти фигуры действительно проявляют себя таким образом, что человеку легче всего распознавать их реальность, воспринимая их как автономные личности, живущие собственной жизнью и обладающие собственной волей. Он говорит, что воспринимая их на глубоко личном уровне, нам проще разглядеть их индивидуальность, в результате чего мы получаем возможность наладить с ними взаимоотношения⁸.

Как я уже отмечала ранее, опыта других людей обычно бывает недостаточно, чтобы убедить нас в том, что у нас есть индивидуальный бессознательный ум, или дух, который влияет на нас без нашего ведома. Поэтому нам нужно вкратце рассмотреть, каким образом мы можем распознать действие анимуса внутри нас, чтобы познакомиться с ним на собственном опыте.

Возможно, самый распространенный и наименее неприятный способ знакомства с анимусом — через наши сны, где он обычно обретает персонифицированную форму. Именно во снах мы учимся относиться к нему, как к личности. Многочисленные формы, которые он может приобретать, хорошо известны — негативные и позитивные, человеческие, демонические, животные и божественные. Нередко он принимает облик авторитетной фигуры: священник, монах, учитель или правитель. Он с удовольствием указывает, что нам надлежит делать, а также старается заместить наши инстинкты некой системой мнений. Порой во снах он принимает облик реальных мужчин, которых мы

---

⁸ Two Essays on Jungian Psychology, CW 7, pars. 321ff.

знаем или знали — отца (либо первого, кто замещал нам отца), брата, мужа, любовника и так далее.

Также анимус может являться в виде множества персонажей. Юнг не раз на своих семинарах упоминал роман Г. Уэллса «Отец Кристины Альберты» в качестве примера того, каким образом анимус может действовать в женщине⁹. Главная героиня в течение дня делает массу самых разнообразных глупостей, а вечером предстает перед своеобразным «судом совести», указывающим ей, какие действия были бы правильными в каждой ситуации. Эти совершенно неумолимые мысли, от которых она не может отмахнуться — прекрасная иллюстрация автономной работы бессознательного у женщины. Подобную же роль играет и попугай по имени Старина Ник в книге Элизабет Гадж «Страна зеленого дельфина». Попугай постоянно рушит иллюзии и фантазии Марианны о самой себе, то и дело вставляя какое-нибудь убийственное замечание, после чего она искренне желает ему смерти от землетрясения, войны либо пожара.

Одна из техник, рекомендованных Юнгом для знакомства с анимусом, состоит в том, чтобы пристально следить за своей речью и постоянно ставить под вопрос свои мысли, когда они всплывают в сознании: «Действительно ли я об этом подумала? Откуда пришла эта мысль? Кому принадлежит эта мысль?» Техника весьма неприятная, поэтому мы всегда находим веские оправдания, чтобы ее не выполнять — например, убеждаем себя, что у нас нет на это времени и так далее. Но если нам все же удастся заставить себя практиковать ее, да еще и вести записи (ибо мы забываем подобного рода мысли едва ли не прежде, чем успеваем их подумать) — результаты оказываются весьма и весьма поучительными.

---

⁹ E.g., *ibid.*, par. 332.

Больше всего анимус нас огорчает тогда, когда он вмешивается в наши взаимоотношения. Как мы уже упоминали выше, основным принципом в женщине и в аниме является эрос, а основным принципом в мужчине — логос. Тогда как эрос стремится соединять и объединять, логос стремится различать и для этого разделять. Таким образом, анимус способен оказывать сильнейшее разъединяющее воздействие. Если взаимоотношения с мужем, с психоаналитиком или с кем-то еще для нас достаточно важны, мы в этом смысле очень уязвимы. Но, эти же обстоятельства формируют для нас неоценимый стимул для распознавания и исследования анимуса. На самом деле нередко именно так мы убеждаемся в реальности этой фигуры, которую до того мы признавали лишь теоретически. Когда вдруг оказывается, что мнения, прежде всегда принимавшиеся нами за истину в последней инстанции, отделяют нас от человека, без которого мы не мыслим своей жизни, мы, возможно впервые, проявляем готовность поставить под вопрос их состоятельность — тогда как никакие аргументы логики не могли бы сподвигнуть нас к этому¹⁰.

Кроме того, именно в своих наиболее важных взаимоотношениях с представителями противоположного пола мы обычно впервые наблюдаем проекцию собственного анимуса. Пока проекция более-менее соответствует объекту, мы, естественно, не осознаем ее существования. Но рано или поздно, если взаимоотношения для нас достаточно важны, сложности возникают неизбежно. Этот аспект нашей проблемы непревзойденно описан Эммой Юнг в ее великолепной статье «О проблеме анимуса»¹¹.

Хотя здесь бывают и исключения, большинство женщин, после того, как они отчетливо и реально познают на опыте анимус, испытывают в отношении него крайне негативные чувства. Он

---

¹⁰ There is a good deal about this in "The Psychology of the Transference," The Practice of Psychotherapy, CW 16, and also in chapter 3 of Aion, CW 9ii.

¹¹ Позднее она опубликована как первое эссе в сборнике Эммы Юнг «Анимус и Анима» (Animus and Anima).

безнадёжно срывает наши планы, разрушает взаимоотношения, подменяет здоровые инстинкты и чувства набором мнений и не даёт нам никакой возможности естественно жить своей жизнью женщины. Это касается только анимуса в его негативном аспекте. И, если мы реализуем в жизни лишь эту его сторону, то рано или поздно мы обязаны задаться вопросами: «Почему я так мало знаю о моем уме? Почему у меня такие плохие отношения с моим анимусом? Какие мои действия побуждают его постоянно срывать мои планы?» Что я делаю не так — почему он постоянно сует мне палки в колеса?» Очевидно, огромную роль здесь играет ранний опыт взаимодействия со спроецированным анимусом (например, негативный комплекс Электры), и его нужно всегда принимать во внимание¹². Но, как сказал Юнг в своей работе «Психология и алхимия»:

«Сколь бы много грехов ни совершали против ребенка его родители и дедушки с бабушками, по-настоящему взрослый зрелый человек воспринимает эти грехи как свое собственное состояние, с которым необходимо считаться. Только дурак заинтересован в том, чтобы винить в чем-либо других — поскольку чужие поступки нам не изменить. Мудрец извлекает уроки, принимая вину на себя. Он спрашивает себя: «Что есть такого внутри меня, что привлекает все эти невзгоды?» — И в поисках ответа на этот судьбоносный вопрос вглядывается в собственное сердце»¹³.

Итак, если мы решаем повзрослеть — стать зрелыми в том смысле, в каком говорит здесь Юнг — и готовы задаться этим «судьбоносным вопросом», ответ на который нужно искать в «собственном сердце», нам не удастся ответить на него до тех пор, пока мы не наладим взаимоотношения с собственным анимусом.

---

¹² Я в этой работе не уделяю особого внимания комплексу Электры, потому что его воздействие сравнительно хорошо известно. Но, поскольку воздействие это является чрезвычайно сильным, недооценивать его было бы большой ошибкой.

¹³ CW 12, par. 152.

Вспомните о том, что у анимуса есть негативный и позитивный аспекты. Если мы постоянно сталкиваемся только с негативной стороной, мы можем прийти к выводу — как это обычно бывает и наших межчеловеческих взаимоотношениях — что нам просто не удается понять его точку зрения.

Переговоры с анимусом

Здесь мы вплотную подошли к методу налаживания отношений с анимусом, наподобие того, который Юнг рекомендовал мужчинам для налаживания отношений с их внутренней женщиной:

«[У мужчины] есть все основания относиться к аниме как к автономной личности и задавать ей личные вопросы.

... Соответствующее искусство сводится к тому, чтобы всего лишь позволять нашей невидимой партнерше быть услышанной, мгновенно отдавать в ее распоряжение механизмы самовыражения, не позволяя себе попасть ни под власть отвращения, которое естественным образом испытывает человек, играя в такую очевидно нелепую игру с самим собой, ни под власть сомнений в подлинности голоса своего внутреннего собеседника»¹⁴.

«Техника налаживания отношений с анимусом, в принципе, такая же, как и при работе с анимой. Но здесь женщине нужно научиться мыслить критически и отстраняться от собственных мнений, но не для того, чтобы их подавить, но для того, чтобы через исследование их источника, глубже понять их среду зарождения, где затем она сможет обнаружить важные первозданные образы

---

¹⁴ Two Essays on Analytical Psychology, CW 7, pars. 322f.

— подобно тому, как все это делает мужчина, работая со своей анимой»¹⁵.

Эти беседы с анимой или анимусом представляют собой одну из форм активного воображения — незаменимая техника, позволяющая создать нейтральную полосу, где могут соединиться сознание и бессознательное. Между тем эта техника годится не всем, и к ней не стоит относиться легкомысленно, ибо у нее есть последствия, которые предвидеть невозможно. На самом деле это относится к любой медитации. Хорошо известно, например, что духовные упражнения святого Игнатия Лойолы настолько утомительны, что некоторых людей даже освобождали от них или давали им упражнения в упрощенной форме¹⁶. Еще один аспект той же проблемы особенно ярко проявляется в жизни сестер Бронте, которые очень много сил отдавали внутреннему миру и, соответственно, чахли во внешнем¹⁷.

Нужно признать, что современная женщина, обращающая взор в собственное бессознательное, ибо в ее жизни слишком много проблем из-за слабого знакомства с собственным анимусом, находится совсем в ином положении, чем Бронте. Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что к технике активного воображения следует относиться очень и очень серьезно, а в противном случае лучше вообще ее не использовать. Более того, в ходе ее применения совершенно необходимо, чтобы вам ассистировал психоаналитик, либо с другой человек, способный понять происходящие с вами процессы и обеспечить вам якорь во внешнем мире. У большинства из нас есть сильнейшее сопротивление против использования этой техники, и, возможно,

---

¹⁵ Ibid., par. 336.

¹⁶ Однако ответы в этих упражнениях в большей или меньшей степени заранее определены догмой, тогда как в беседах с анимусом весь смысл в том, чтобы дать ему возможность отвечать без всяких ограничений.

¹⁷ [Смотри работу Барбары Ханах «Жертвы творческого духа» (Victims of the Creative Spirit) *примечание канадского издателя.*]

это к лучшему. Очень мало людей обращаются к ней, если их не вынуждают к этому обстоятельства.

Большинство людей думают, что они придумывают все это сами, либо же им с самого начала становится страшно. У других же работа с этой техникой, казалось бы, получается с потрясающей легкостью: они способны продуцировать фантазии десятками, но при этом, насколько можно видеть со стороны, весь процесс не оказывает на них никакого прямого воздействия. Вероятно, дело в том, что они напрямую не вовлекаются в него, а поэтому он не дает эффекта, ни в позитивном, ни в негативном смысле¹⁸.

Та форма активного воображения, которую описывает Юнг в процитированных выше пассажах, подразумевает общение с «невидимым партнером», и это требует серьезной практики. Например, нужно научиться активно задавать вопрос, а потом сохранять абсолютную пассивность до тех пор, пока не придет ответ. Через некоторое время ответы становятся настолько далекими от всего того, что данный человек склонен думать осознанно, что мысль о том, что мы сами продуцируем ответы, исчезает сама собой. Но тут опять-таки возникает опасность, что мы станем воспринимать эти ответы за истину в последней инстанции. Нам нужно всегда пытаться понять, кто с нами говорит, а когда беседа закончена, тщательно взвесить все сказанное, как мы это делаем при беседе с обычным человеком. Таким способом (и я это знаю из собственного опыта) можно узнать много ценного о своем анимусе, а также, конечно, и о других фигурах психики, если они вам явятся. Более того, это лучший известный мне метод налаживания связи со своим бессознательным¹⁹.

---

¹⁸ Примеры пассивного и активного отношения к фантазиям можно найти в книге Юнга «Два эссе», в главе «Техника различения между эго и фигурами бессознательного» ("The Technique of Differentiation Between the Ego and the Figures of the Unconscious," in Jung's Two Essays, CW 7, pars. 341ff).

¹⁹ Под словами «этот метод» я имею в виду активное воображение в общем. Обычная форма, когда женщина объективно наблюдает свой анимус и учится

Однажды, когда одна дама, довольно серьезно занимавшаяся активным воображением, общалась со своим анимусом, он к ее величайшему удивлению вдруг заметил: «Мы с тобой находимся в чрезвычайно сложном положении. Мы связаны, словно сиамиские близнецы и в то же время принадлежим совершенно разным реальностям. Знаешь ли, твоя реальность для меня столь же невидима и призрачна, как моя — для тебя». Женщина признала, что никогда прежде ее не посещали подобные мысли. Раньше она наивно полагала, что он в нашей реальности видит все точно так, как видим это и мы сами. На самом деле, некоторые его действия заставляли ее думать, что анимус видит все предельно ясно, и именно поэтому ему так часто удается перехитрить ее!

Тогда эта женщина спросила у него: «Но, если наша реальность видится тебе столь зыбкой, почему ты так часто вмешиваешься?» И он ответил: «Когда ты пренебрегаешь какими-то делами, я вынужден вмешаться. Но я прекрасно понимаю, что в условиях вашего мира моя помощь часто бывает неуместной».

Юнг отмечал, что, когда анимус вмешивается в нашу повседневную жизнь, обычно это случается в тех сферах, которым мы уделяли недостаточно осознанного внимания, особенно это касается сферы чувств. Но мне представляется, что реплика о двух реальностях очень многое проясняет. Например, она показывает, что анимус столь же нуждается в информации от нас о нашей реальности, как и мы нуждаемся в информации от него о его реальности. Более того, подобно тому, как он способен помочь нам в незримом мире коллективного бессознательного, так и мы в силах помочь ему разобраться с нашей реальностью. И еще мы начинаем понимать, какой опасности подвергала себя женщина,

---

активно взаимодействовать с ним, по меньшей мере, не менее эффективна. Некоторые женщины предпочитают работать с анимусом молча: просто ощущают его присутствие и все. Тут важно найти тот способ, который подходит лично вам.

которая называла своего анимуса Арчибальдом, когда она стала советоваться с ним по поводу всех вопросов повседневной жизни.

Ту же идею в несколько иной форме мы обнаруживаем в интереснейшей серии снов и фантазий, которые изложила и проинтерпретировала Эмма Юнг во второй части своей книги об анимусе.

В одном из описанных случаев анимус в первом сне появляется в облике монстра с телом, как мочевого пузыря, и головой птицы, но затем утрачивает свой опасный и деструктивный характер в другом сне, где он уже обитает на Луне, являясь призрачным любовником обычной земной девушки. Девушка должна приносить ему кровавые жертвы на каждое новолуние, хотя все остальное время она может жить самой обычной человеческой жизнью на Земле. А с наступлением новолуния призрачный любовник превращает ее в хищного зверя, и в облике этого животного она вынуждена приносить ему жертву. Однако через эту жертву и сам призрачный любовник превращается в жертвенный сосуд, который, подобно Уроборосу, пожирает и обновляет себя.

В более поздних фантазиях этот же анимус (любопытно, что его зовут Амандус — буквально «достойный любви») заманил девушку в свой дом, напоил вином и отправил в подвал, намереваясь убить.

Девушка же внезапно впадала в экстаз и заключила убийцу в любовные объятия, чем лишила его силы. В результате, дав обещание стать для нее духом помощником и заступником, он растворился в воздухе. Эмма Юнг обращает наше внимание на то, что призрачная сила лунного жениха разбивается при помощи кровавой жертвы (иными словами, при помощи дара либидо), а сила убийцы — при помощи любовного объятия.

Поскольку мы здесь стараемся максимально осветить практическую сторону вопросов, нам надлежит перевести все это на язык повседневной жизни. Что означает дать анимусу либидо и любовь? Миссис Юнг объясняет очень четко: это означает дать ему энергию, время и внимание, не только для того, чтобы с ним познакомиться, но и для того, чтобы предоставить ему шанс проявить через нас свою духовную и умственную природу. Когда мы даем ему либидо и любовь, то, тем самым, осознанно и намеренно передаем в его распоряжение собственные ресурсы, чтобы у него появилась возможность выразить ценности его реальности.

В первом примере девушка превращается в хищного зверя. Этот процесс мы можем наблюдать очень отчетливо, как в жизни, так и в психоанализе, как например, когда мы портим целый час психоаналитического сеанса, потому что входим в состояние анимуса и позволяем ему перекручивать и искажать содержание беседы с аналитиком, в результате чего изначальная тема бывает безнадежно похоронена, а сами мы начинаем обижаться, сердиться и тому подобное. И по возвращении домой анимус продолжает нас искушать: аналитик не должен был говорить того-то и того-то, он ничего не понимает, у него есть такая-то предвзятость, а поэтому он настроен против нас и так далее. Если мы пойдем на поводу у таких мыслей, то довольно скоро станем полностью отождествлять себя с собственными эмоциями, иными словами с нашей страстной тенью, которая, в свою очередь, идентична нашей животной натуре. Таким образом, мнения анимуса превращают нас в хищного зверя. Но если мы допустим и осознаем, что позволили анимусу захватить нас (в приведенном примере, нам нужно осознать, что мы потеряли час анализа и выставили себя несносной особой, или еще хуже того), то это заставляет нас страдать и досадовать, и это страдание представляет собой ту кровь, которая может трансформировать анимус.

Тут очень важно осознать, что сеанс испорчен именно анимусом и его мнениями — осознать это, несмотря на сопротивление нашего сознательного эго — иначе, данная ситуация не принесет нам никакой пользы. Правда, анимус всегда постарается очень ловко выкрутить ситуацию в свою пользу, и, если он потерпит неудачу в своих попытках заставить женщину свалить вину на психоаналитика, мужа или кого-либо еще, то непременно попытается заставить женщину корить себя саму. Если он в этом преуспеет, то женщина может погрязнуть в чувстве собственной неполноценности, что не менее деструктивно, чем душевное возбуждение и гнев. Это обвинение в адрес женщины за все, что он сам и делает — один из сильнейших козырей анимуса, ибо, таким образом, он делает ее пленницей своей реальности и консервирует то состояние, в котором ее действительно можно упрекнуть: неспособность познать собственный анимус. В его трансформированном состоянии мы всегда можем признать тот факт, что анимус пытается вернуть нас в объятия Матери-Природы и пресечь наше освобождение от старого порядка. Да мы и сами весьма неохотно отказываемся от ложного ощущения безопасности, которое тесно связано с бессознательным состоянием одержимости.

Мы много говорим о том, что любим свободу. И, это правда, но любовь эта обычно бывает весьма поверхностной — она чуть теплится. Мы не меньше любим уклоняться от ответственности — особенно от ответственности внутренней. Нам очень приятно испытывать убежденность в том, что мы знаем, что нужно делать, и никто не умеет обеспечивать нам эту убежденность лучше, чем анимус, и стоит нам отказаться от склонности безоговорочно принимать его подсказки и наставления, как мы оказываемся во власти постоянных сомнений. Сомнения очень подрывают силы молодых, но, как не раз отмечал Юнг, в более зрелом возрасте они являются истоком мудрости. Крайняя уверенность в анимусе в действительности всегда служит признаком, что констеллировалась только одна его сторона, ибо его подлинная

двойственная природа составляет самый болезненный из парадоксов. И вытерпеть этот парадокс — один из главных способов дать «кровь» для трансформации анимуса.

Опыт, подобный тому, что описан выше (когда анимус перекрутил все, что было сказано во время сеанса анализа, так что все это теряет всякий смысл), нередко становится отличной возможностью начать с ним беседу. Однако нам нужно сохранять свой ум предельно открытым, ибо его принцип логоса радикально противостоит отношениям, и его вмешательство, хотя с нашей точки зрения оно кажется совершенно неправильным, с его точки зрения может быть вполне логичным и даже верным. Поэтому такого рода беседы столь же сложны, как любые беседы во внешнем мире и требуют от нас полноценных усилий, ибо нам нужно одновременно и увидеть его точку зрения, и при этом твердо оставаться на своей собственной.

Анимус в человеческой жизни

Для того чтобы получить реальное представление о практической стороне действий анимуса, нам нужно пронаблюдать его в работе день за днем. В качестве материала для этого дела я подобрала очень странный документ, принадлежащий второй половине шестнадцатого столетия. Речь идет о деле одной монахини по имени Жанна Фери, которая в очень раннем возрасте стала одержимой, но затем демона удалось с успехом изгнать. Частично данный документ имеет форму автобиографических записок: девушка сама описывает переживания того времени, когда она была одержима. Весь остальной текст представляет собой внешнее описание дела, включая долгий и утомительный процесс экзорцизма, и текст этот заверен подписью юриста в присутствии архиепископа Камбре, различных исповедников, врачей и свидетелей, включая многих сестер монастыря, где монашествовала Жанна. К сожалению, мне пока не удалось

отыскать копию исходного документа, поэтому я опираюсь на пересказ Джозефа Горреса в книге *Die Christliche Mystik*²⁰. Конечно, это большой минус, но я сопоставила довольно много других пересказов Горреса, с оригиналами, опубликованными в *Acta Sanctorum*, и пришла к выводу, что, хотя его изложение бывает не безупречно, но в целом вполне заслуживает доверия²¹.

Горрес описывает ситуацию весьма подробно, но я здесь могу дать лишь общий обзор данного случая, а затем вкратце обозначить сходство между демонами Жанны и анимусом, как мы знаем его сегодня. Очевидно, этот случай был весьма известен в те дни. Отчет о нем выдержал два издания в Париже, в 1586 году, после чего был еще переведен на немецкий и опубликован в 1589.

Жанна Фери родилась около 1559 года в Соре на Самбре, и впоследствии стала монахиней ордена Черных Сестер в Монсене Энойском, что принадлежит епархии Камбре. Рассказ женщины начинается с заверения, что она знает, что это было проклятие ее отца, который однажды послал ее к дьяволу. (Очевидно, у нее с ним были весьма сложные взаимоотношения, в результате чего у девушки развился негативный комплекс Электры.) Далее Жанна рассказывает, что дьявол явился ей в четырехлетнем возрасте в образе симпатичного молодого человека, который предложил ей стать ее отцом. Поскольку он угостил ее белым хлебом и яблоками, девочка приняла это предложение и стала

---

²⁰ Vol. 5, pp. 177ff.

²¹ Незадолго до того, как рукопись данного эссе отправилась в печать, мне пришли фотокопии оригинального французского издания из парижской Национальной библиотеки (*Histoire Admirable et Veritable des Choses advenues a l'endroit d'une Relieuse professe du convent des Soeurs noires...* a Paris, chez Gilles Blaise, Libraire au mont S. Hilaire, a l'image Saint Catherine, M.D. LXXXVI). У меня хватило времени лишь на то, чтобы просмотреть их довольно поверхностно, но и этот просмотр подтвердил мое ощущение, что Горрес вполне адекватно пересказывает данный случай. Однако же оригинал намного объемистее, так что в пересказе упущены некоторые интереснейшие подробности. Так что есть смысл внимательно изучить этот исходный текст.

действительно относиться к нему, как к отцу. Таким образом, в детстве у нее были две отцовские фигуры, причем, второй «отец» всегда помогал ей не чувствовать боли, когда ее колотили. Так продолжалось до двенадцатилетнего возраста, когда, устав от жизни в монастыре, где она получала образование, девочка вернулась к своей матери, которая, однако же, очень скоро отправила ее в Монс, учиться на портниху.

Там Жанна, похоже, была предоставлена практически полностью сама себе, и вскоре ей снова явился тот же самый молодой человек. Он сказал, что, поскольку Жанна признала его в качестве отца, то теперь, когда она уже перестала быть ребенком, ей нужно отречься от крещения и от всех ритуалов христианской церкви, подтвердить их более раннее соглашение и пообещать жить по его воле. Он заверил девушку, что так живут все, только не признаются. Дьявол грозился, что в случае отказа ее ждут суровые наказания, а в случае согласия сулил золото и серебро, а также изысканную пищу. После непродолжительного сопротивления она согласилась на все, после чего комнату наполнил сонм демонов, заставивших ее подписать договор кровью. (Это ошеломило девушку, ибо она никогда не видела более двух или трех фигур такого рода одновременно.) Затем они запечатали договор в плод граната и заставили ее его съесть. И гранат этот был изумительно сладок вплоть до последнего кусочка, который оказался невыносимо горьким.

С тех пор она стала испытывать глубочайшую неприязнь к церкви. У дверей храма ее ноги так тяжелели, что она едва могла пересечь порог, хотя она все же пересиливала себя и входила. Демоны на этом не настаивали, но она передала им власть над своим языком, чтобы они могли управлять ее исповедями. Поэтому исповеди эти были, естественно, полностью сфальсифицированы. Любопытно при этом, что она, по-видимому, все же вынуждена была искренне исповедоваться перед одним из демонов, особенно относительно любых набожных действий или молитв, за кои на нее налагалась

суровая епитимья. Кроме того, ей было велено во время причастия тайком вынимать гостию изо рта и заворачивать в носовой платок. Впоследствии эта гостия куда-то исчезала, несмотря на все попытки девушки сохранить ее. Демоны учили ее ненавидеть все, что связано с христианством, и насмехаться над Богом, который не сумел спасти сам себя от креста. Она безоговорочно верила им, считала, что Христос был хуже тех воров, рядом с которыми его распяли, и искренне удивлялась, почему люди почитают такого Бога. Демоны убедили Жанну в том, что ей несказанно повезло, и она теперь самая счастливая из смертных.

Когда девушка поступила в монастырь, ей пришлось подписать новый контракт, согласно которому она навеки передавала демонам свое тело и душу, и это условие снова и снова эхом звучало в ее сознании в вечер дня, когда она давала свой монашеский обет. Также девушке надлежало отречься от Папы и от «зловредного архиепископа», перед которым она приносила обет. Демон, владевший языком девушки, сделал ее очень остроумной и сообразительной, поэтому, дабы не утратить этот дар, она отдала одному демону свою память, другому — рассудок, а третьему — волю. Согласно ее же признанию, таким образом, они вошли внутрь и обосновались в ней — каждый на своем месте. Кроме того, овладели они и ее телом — опять-таки, целый легион сущностей. Очень важную роль во время церемоний играл так называемый «демон крови», которого также порой зовут дьяволом или даже богом крови, и, как становится ясно позднее, по материалам описания процесса экзорцизма, каждой частью ее тела овладел отдельный дьявол, вследствие чего архиепископу пришлось и изгонять каждого особо.

Демоны заставляли ее участвовать в глумливых обрядах, проводящихся в их же честь, доставляли вкусную пищу в дни поста и заставляли поститься в дни церковных праздников. Один из этих демонов, которого Жанна особенно любила, видимо, все время находился при ней, но некоторые были жестоки по отношению к

ней, поэтому она постепенно стала поклоняться им менее рьяно, и даже стала порой думать во время церковных таинств, что, если ей явится какой-то знак, то она может даже поклониться Христу так же, как и иным своим богам. Рассердившись на это, демоны заставили ее взять кусочек гостии и проткнуть ее ножом. Жанна говорила, что при этом на хлебе выступила кровь, и гостия начала испускать яркое сияние, наполнившее всю комнату. Это событие очень напугало девушку, ибо все демоны с ужасными воплями разбежались, бросив ее одну, полуживую на полу.

Тогда Жанна впервые поняла, что ее обманули, а когда вспомнила о подписанном ею договоре, пришла в отчаяние. Когда демоны вернулись, они запели уже совсем другую песню: стали упрекать Жанну за ее пренебрежение к истинному Богу, которого они отныне стали почитать и за своего Бога, и твердили, что грехи ее никогда не будут прощены, так что ей стоило бы последовать примеру Иуды Искарота и повеситься на своем кожаном поясе. Тогда она передала пояс им в руки и предложила, чтобы они повесили ее сами, если желают. Но, хотя демоны и пытались убить ее самыми различными способами, им все время что-нибудь мешало это сделать. Сама она тоже не сумела убить себя, хотя многочисленные демоны и пытались помочь ей в этом.

Затем для Жанны началось время тяжких страданий. Демоны не позволяли ей признаться во всем священнику, но вместе с тем окружающие стали замечать, что она ведет себя не так, как подобает христианке и монахине. Известия об этом дошли до Луи де Берламонта, архиепископа и герцога Камбрийского, и он принял самое непосредственное участие в освобождении несчастной от демонов. В конце концов, Жанна сумела освободиться, благодаря переносу на него. Но она же рассказывает, что поначалу демоны ослепили ее глаза таким образом, что, хотя у нее сразу возникло побуждение искать у архиепископа защиты, но, в то же время, он казался ей слишком ужасным и свирепым. Кроме того, девушка поведала, что, хотя в

процессе освобождения демоны терзали ее самыми жестокими картинами ада, при ней все время была Мария Магдалина, очевидно выступающая в роли заступницы. Жанна заверяет нас, что все это происходило на самом деле, а отнюдь не было плодом ее фантазии или игрой воображения.

В другой части документа есть еще несколько фактов, на которые нужно обратить внимание. Мы узнаем, что, хотя процесс экзорцизма начался сразу, но полное освобождение наступило только через два года, и потребовало огромных усилий со стороны экзорцистов, в особенности со стороны самого архиепископа и некоторых сестер, помогавших ему в этом деле. Позиция же самой Жанны менялась: образ Марии Магдалины (что интересно, она впервые явилась ей тогда, когда девушка упала к ногам архиепископа) всякий раз укрепляла ее жажду освобождения, хотя демоны по-прежнему имели немалую власть над ней.

Чаще всего в процессе экзорцизма она демонстрировала огромную неуступчивость и неприятие. Демоны продолжали советовать ей покончить с собой, либо же, говоря языком того времени, «выброситься в окно». Девушка постоянно была бледна, с темными кругами у глаз — здоровье ее пошатнулось настолько, что доктора уже не верили, что она может оправиться. В иные моменты рассудок покидал ее, и тогда Жанна вела себя, фактически, как безумная. Ее возили по всем святым местам в округе, купали в святой воде и регулярно проводили обряды изгнания дьявола.

Со временем демоны не выдержали такого давления и один за другим удалились, все, кроме одного — изначальной фигуры отца. Он сказал Жанне, что не намерен ее покидать, и твердил, что сделал для девушки все возможное, сделал ее умной, сообразительной и так далее, а если он уйдет, то она снова опустится до уровня четырехлетнего ребенка — иными словами, до того возраста, когда у нее началась одержимость. Сама она

тоже очень не желала с ним расставаться и падала к ногам экзорцистов, моля их оставить ей хотя бы этого одного. Когда ей в этом было отказано, девушка разрыдалась: «О как же горько мне разлучаться с тобой!» Она была в полном отчаянии. Она чуть успокоилась лишь тогда, когда главный экзорцист пообещал, что он сам станет ей отцом, а архиепископ — дедушкой.

Когда этот последний демон ее покинул, она упала без сил — простое бесхитростное дитя, знающее лишь несколько слов: «Папа, дом и дева Мария». Епископу пришлось произнести немало благословений, чтобы освободить ее язык и другие члены тела, но и после этого девушку пришлось учить всему заново, как малое дитя. Затем ей был назначен год епитимьи, в продолжении которого ее демоны постоянно возвращались и старались заново овладеть ею. Мария Магдалина тоже возвращалась несколько раз, с каждым разом оказывая на девушку все большее влияние. Тем не менее, у Жанны постоянно случались рецидивы. Однажды духи так яростно атаковали архиепископа, что, согласно имеющемуся у нас отчету, он едва сумел защититься и обратился в бегство, спасая свою жизнь.

Последняя сцена особенно интересна с нашей точки зрения. Жанна попросила священников и сестер, которые ей помогали, собраться вокруг нее, а затем, в присутствии своей заступницы Марии Магдалины вступила в последнюю битву со своими демонами. Она провела с ними долгую беседу. (Это единственный известный мне случай, где одержимый проводит такого рода беседу самостоятельно. Эти беседы — дело распространенное, но обычно с демонами общается экзорцист.) Во время этой беседы, которая, к сожалению, не приведена в подробностях, девушка несколько раз кричала от боли, утверждая, что демоны нещадно ее терзают, а еще взывала к присутствующим о помощи. Они же неустанно молились за нее, и, наконец, совершенно обессиленная, она вышла из битвы с победой — исцеленная. Вскоре после этого

Мария Магдалина явилась ей снова и заверила, что демоны больше не вернутся.

<><><><><><><><><><><>

Возможно, читатель удивится присутствию такого своеобразного материала в эссе, которое посвящено нашему повседневному контакту с анимусом. Но у людей в шестнадцатом веке все еще было наивное отношение к этим явлениям, а поэтому они описывали свой опыт намного более живописно и просто, чем могут позволить наши современные рациональные предрассудки. Вне всяких сомнений, это крайний случай (или, говоря сегодняшним языком, пограничный случай), и, к тому же, он описан совсем с другой точки зрения, чем та, что принята в современной психологии. Тем не менее, основные факты, касающиеся природы анимуса, во всех существенных пунктах полностью согласуются с тем, что мы наблюдаем сегодня, когда рассматриваем психику с точки зрения юнгианского учения.

Поскольку многое из описанного граничит с так называемым сверхъестественным, я хочу процитировать небольшой пассаж из эссе Юнга «Психология и религия», где он дает четкое описание своего психологического подхода к такого рода материалу. Он говорит:

«Я здесь придерживаюсь сугубо феноменологической точки зрения — то есть, ориентируюсь на явления, события и опыт. Иными словами, на факты. Моей истиной является факт, а не суждение. Например, психологи обсуждают, в чем основная идея непорочного зачатия, речь идет лишь о том факте, что существует такая идея, и мы абсолютно не касаемся вопроса о том, является ли эта идея истинной или ложной в любом другом смысле. Поскольку данная идея существует, она является психологической истиной. При этом психологическая реальность является субъективной тогда, когда та или иная идея случается лишь у

одного индивидуума. И психологическая реальность объективна, если ее разделяет целое общество, и относительно нее существует всеобщее согласие»²².

Учитывая количество свидетелей, в чьем присутствии был подписан данный документ, у нас не остается никаких сомнений в том, что в отношении истории Жанны Фери существовало всеобщее согласие немалого круга людей. Более того, таких отчетов имеются сотни, если не тысячи. Таким образом, мы сейчас имеем дело с фактом, что очень большое количество людей были убеждены в реальности такого рода явлений, и вопрос о том, действительно ли происходили все эти сверхъестественные штуки, отходит на второй план.

Мне представляется, что общение Жанны с демонами дает нам необычайно ясную картину того, каким образом анимус может овладеть женщиной и отгородить ее от мира своего рода коконом, сотканным из фантазий и мнений. Но, поскольку анимус представляет бессознательное женщины, он может выставить ее очень умной и даже остроумной, так что она будет производить впечатление на окружающих, хотя сама она собственно, не имеет к этому никакого отношения. Никто не замечал, что с Жанной дело не ладно, до тех пор, пока знак с гостией не пробудил в ней непримиримый конфликт. Нам очень сложно осознать, до какой степени одержимо человечество в целом. Ведь такая девушка, как Жанна, смогла долго избегать изобличения именно потому, что она не слишком отличалась от многих других женщин!

Конечно, когда одержимость начинает оказывать достаточно сильное воздействие на окружающий мир, как это было, например, в случае Гитлера, оно становится очевидным каждому, кто стоит за пределами зачарованного круга. Как говорит Юнг в своем эссе «Вотан»:

---

²² Psychology and Religion, CW 11, par. 4.

«Один человек, явно страдающий «одержимостью», заразил своим состоянием целую нацию, причем заразил до такой степени, что вся страна пришла в движение и покатилась напрямиком к гибели»²³.

Эти слова написаны в 1936 году и были в полной мере подтверждены последовавшими за тем событиями. Но тот сам факт, что такие вещи были возможны «в цивилизованной стране, которая, по всеобщему убеждению, давно уже переросла средневековье»²⁴, является одной из симптоматичных характеристик нашего нынешнего состояния ума, и мы не можем позволить себе этого не замечать. Сваливать вину на других не просто бесполезно, но пагубно, ибо тем самым мы лишаем себя любых шансов сделать что-то самостоятельно и способствуем тому, чтобы вся наша проблема так и оставалась в состоянии проекции.

Многие женщины смогли бы найти параллели с детскими переживаниями Жанны, связанными с демонами, если бы внимательно взгляделись в свое прошлое. Когда внешний мир кажется холодным и черствым, дети нередко убегают в воображаемый мир, населенный подобиями демонов Жанны. Во многих случаях это бывает довольно безвредно и может даже принести прекрасные плоды в дальнейшей жизни, если женщина неустанно ведет творческую работу над своим внутренним миром, как это было в случае сестер Бронте. Но если человек потакает своим демонам слишком долго или использует внутренний мир лишь для бегства от ударов и разочарований внешней жизни, то такой человек с самого детства оказывается оторван от окружающего мира — он не выстраивает с ним взаимоотношений. В результате женщина привлекает к себе негативный анимус, наподобие демонов Жанны — как бы странно ни звучала такая

---

²³ Civilization in Transition, CW 10, par. 388.

²⁴ Ibid., par. 373.

формулировка с точки зрения нашего современного рационального мышления.

Возможно, мы приблизимся к пониманию этого явления, если вспомним, что анимус представляет собой бессознательный ум женщины, и многие его проявления имеют форму мнений. Мысли о мести, чувство недопонятости или недооцененности, исполненные ревности мысли, настрой типа «нужно только подождать, и мне еще представится возможность показать им всем» — все это проявления негативного аспекта вашего бессознательного ума, который и ныне поджидает нас в своей засаде, точно так же, как это было во времена Жанны Фрей.

И это верно, что Жанна, очевидно, имела необыкновенно мало корней во внешнем мире. Ее негативный комплекс Электры, по-видимому, не был компенсирован материнским влиянием, ибо единственное, что нам известно о ее матери, так это то, что она при первой возможности постаралась отослать дочь подальше от себя. Более того, она, очевидно, вовсе не тревожилась о том, как живет ее дочь, ибо, учась у портнихи, Жанна была предоставлена сама себе.

С самого начала мы получаем намек, почему анимус Жанны стал таким чудовищно дьявольским. Она приняла предложение молодого человека сделаться ее отцом, потому что тот дал ей белого хлеба и яблок. (В ее рассказе еще уделяется весьма значительное внимание, следовательно, она, вероятно, была очень жадной, что не удивительно, учитывая то, как мало любви она по-видимому получала в детстве.) Во время одной беседы в Асконе профессор Юнг обратил наше внимание на то, что сам по себе анимус ни хорош, ни плох, но является сугубо двойственной фигурой. Он обретает адские очертания лишь тогда, когда зацепляется за эгоистичные запросы внутри человека. Поэтому адская сторона анимуса констеллировалась поначалу вследствие жадности Жанны, а затем еще вследствие ее желания быть умной

и острой на язык, чтобы возвыситься над окружающими. А вторая фигура овладела ею потому, что девушка боялась страданий — ведь этот демон сделал так, что она не чувствовала боли, когда ее били, и именно это заставило Жанну впустить его.

Любопытно, что ее детские грешки не связали бы ее, если бы она не ратифицировала свой договор, когда подросла. Как я пыталась объяснить в своей статье «Проблема женских интриг и сомнительных предприятий» (*The Problem of Women's Plots in The Evil Vineyard*), в нашей жизни снова и снова наступают моменты, когда у нас есть шанс сменить курс — шанс увидеть, что в действительности делает анимус. Так вот, эти ритуалы ратификации отображают как раз такие моменты. Жанна, очевидно, уже понимала, что она делает что-то не то, ибо мы знаем, что она сопротивляется влиянию демонов. Однако ее старый голод и страх перед наказанием одержали верх, и поэтому она согласилась на все. Любопытно, что сразу после этого на нее началось нашествие целого сонма демонов («имя ему легион»). Иными словами, она ратифицировала соглашение и снова вернулась к своим эгоистичным уловкам, тем самым дав добро на дальнейшее процветание инфернального аспекта своего анимуса.

В меньшей степени мы можем наблюдать тот же процесс в себе, когда мы даем волю мнению анимуса, ибо вслед за одним сразу же следует целая цепь других мнений. Вспомните приведенный выше момент, когда мнения анимуса свели на нет целый час работы психоаналитика. Если нам не удастся взять себя в руки и понять, что же мы делаем, вслед за первым мнением сама собой возникнет целая цепь дальнейших возражений и мнений (сонм демонов) и, как мы видели выше, мы в мгновение ока отождествляем себя со своей животной тенью. Иными словами, мы становимся всецело одержимы анимусом и при этом не осознаем его — в точности, как Жанна.

Показательно, что для того, чтобы оставаться острой на язык, Жанне пришлось передать контроль над своей памятью, рассудком и волей — все разным демонам. Всякому, кто обладает практическим опытом в области психоанализа, этот механизм знаком.

В некоторых случаях действительно создается впечатление, что каждое наше слово полностью перекручивается по пути к сознанию пациента. Особенно этот механизм очевиден в отношении памяти. Порой кажется, что там и вправду неустанно трудится самый настоящий демоненок: изымает важные факты и заменяет их неуместными и бессмысленными мнениями. Причем, сам язык того времени кажется мне исключительно хорошо приспособленным для осуществления этого феномена.

Довольно интересно, что жадность Жанны стала не только причиной ее падения, но и толчком к освобождению. Она начинает раздумывать, что могла бы заполучить себе еще и Христа в качестве одного из многих богов и просит, чтобы ей был дан знак. Однако же знак приходит совсем от другого полюса, а поэтому повергает ее в невыносимый конфликт — она лицом к лицу сталкивается со всем тем, чего пыталась избегать. Демоны же повели себя способом, который характерен для анимуса: они отказались от всего, что говорили прежде, и стали упрекать девушку за то, что она отреклась от истинного Бога. Здесь мы наблюдаем, как виртуозно умеет изворачиваться анимус, обращая ситуацию в свою пользу, и каким образом он может заставить женщину чувствовать себя безнадежно ущербной. Такая безответственная склонность винить ее за все происходящее — особенно за то, что он сделал сам — в действительности является одной из типичных черт анимуса в его негативном аспекте.

Мне кажется, что наиболее показательным и, наверняка, наиболее обнадеживающим моментом во всем этом случае является вмешательство Марии Магдалины, великой грешницы и великой

любовницы²⁵. Жанне пришлось дойти до величайших глубин отчаяния, увидеть себя Иудой Искаротом и попытаться извлечь логические следствия из всего произошедшего — и лишь после этого проявилась эта фигура. На языке психологии, эта фигура является символом Самости. Обратите внимание, что в действительности мы не наблюдаем теневой фигуры в данном материале: Жанна сама проживала теневую сторону, поэтому в любом случае, подавлению подвергались именно ее лучшие качества. Более того, на ранних стадиях анализа фигуры тени и Самости весьма часто возникают как некое единство.

Мария Магдалина подходит для этой роли как нельзя лучше. Во-первых, она являет собой женщину, которая согрешила, но потом раскаялась, или, говоря на языке психологии, приняла на себя ответственность за собственную темную сторону. Таким образом, ее вмешательство указывает на то, что Жанне, возможно, не удастся легко выйти из своего состояния: она должна увидеть, что натворила, и принять любые последствия этого. Во-вторых, Мария Магдалина, как дарительница любви, символизирует самую лучшую защиту женщины от одержимости анимусом: принять в качестве своего руководящего начала собственное сердце и прислушиваться к своим истинным *чувствам*, вместо того чтобы ориентироваться на *мнения* в отношении того, как ей надлежит чувствовать. (Естественно, определенную роль здесь играет

---

²⁵ Горрес упустил одну любопытную деталь. Мария Магдалина впервые явилась к Жанне в видении как раз тогда, когда она бросилась к ногам архиепископа. Самой Жанне эта сцена напомнила о том моменте из евангелия (Лук. 7:38), когда Мария оmyвает ноги Христа своими слезами и мажет мирром. Это свидетельствует о том, что именно перенос Жанны на архиепископа впервые поспособствовал высвобождению позитивных и целительных сил в ее психике. Другой момент, опущенный Горресом, но представляющий большой интерес для нашей дискуссии, состоит в том, что по словам Жанны ее автобиографический отчет обо всем происходящем был надиктован ей самой Марией Магдалиной и записан в один присест — мы назвали бы этот процесс автоматическим письмом.

типология, но обсуждение этого аспекта выходит за рамки нашей статьи.)

После вмешательства Марии Магдалины Жанна уже больше не могла жить в обмане. Приближение любого образа Самости всегда разрывает в клочья пелену лицемерия и иллюзий, заставляя нас обратиться лицом к тому, кто мы есть на самом деле. Будучи католической монахиней, жившей несколько столетий назад, Жанна, естественно, находилась совсем в ином положении, чем наши современницы. Ведь нам такое решение, как экзорцизм — иными словами изъятие одной крайности, с тем чтобы полностью отдаться другой — может показаться абсолютно неприемлемым. Но в те времена это было единственное решение, и даже сегодня изредка встречаются случаи, когда люди, по-видимому, одержимы некими чуждыми духами из коллективного бессознательного (либо же чем-то еще), с которыми они не могут соотнести себя ни в малейшей степени. Мне доводилось слышать, как профессор Юнг говорил в некоторых случаях, что единственная возможность помочь пациентке состоит в том, чтобы полностью изолировать от нее тот или иной аспект анимуса.

И в наши дни практика экзорцизма в христианской церкви отошла в прошлое далеко не в такой степени, как склонны предполагать многие. Например, хорошо известна деятельность в этой сфере монахов-капуцинов, как минимум, в Швейцарии, и о их работе люди отзываются с уважением. Однако должна признаться, что я была приятно удивлена, когда, прочтя биографию Нажента Хикса, который служил епископом Линкольнленде, а до этого священником в Брайтоне, узнала, что он и сам не раз занимался экзорцизмом. Вне всякого сомнения, он воспринимал существование одержимости чрезвычайно серьезно, о чем свидетельствует тот факт, что он даже консультировался с экспертом по поводу того, что делать с демонами, после того, как

он выгнал их из человека²⁶. И эта же проблема снова и снова поднимается в средневековой литературе.

Когда у Жанны произошел перенос на архиепископа, это, несомненно, сыграло ключевую роль в ее выздоровлении. Интересно, что позитивный аспект анимуса проявился только в проекции. Нет никаких упоминаний — по меньшей мере, в изложении Горреса — о Христе или каком-либо святом мужского пола. Архиепископ оказался приблизительно в том же положении, что и современный психоаналитик, но, естественно, он воспринимал проблему в рамках парадигмы тогдашней христианской церкви, то есть, совсем не так, как мы воспринимаем сейчас. Интересно также, что в определенный момент демоны напали на него, и ему едва удалось от них отбиться — весьма обычное последствие такого рода работы, всегда внушавшее немалый страх экзорцистам²⁷. Несомненно, тут есть параллели и с современными реалиями, но я оставляю этот вопрос для более подробной проработки психоаналитикам мужчинам.

Тот факт, что сама Жанна сыграла такую активную роль в финальной сцене освобождения, в точности согласуется с нашим современным опытом. Ничего нельзя сделать, если на то нет воли исцеляемого — если он не готов принять активное участие. Более того, то обстоятельство, что Жанна теперь уже была в таких отношениях с окружающими, что могла просить их о содействии, указывает на то, насколько далеко она продвинулась от состояния острой на язык умной девчушки, которая, очевидно, только и заботилась о том, как бы произвести впечатление на людей. Теперь же она установила с окружающими достаточно тесные человеческие отношения, чтобы обнажить перед ними свои слабости, и обрела достаточно смирения, чтобы понять: люди,

---

²⁶ См. Книгу Maurice Headlam, Bishop and Friend, pp. 78ff. Этот епископ родился в 1872 и умер в 1942.

²⁷ Лишь изучив оригинальный документ, я осознала, каких огромных жертв потребовал весь этот процесс со стороны епископа.

которых она прежде презирала и мечтала превзойти во всем, на самом деле вполне способны оказать ей помощь.

И то, что именно Мария Магдалина снова является Жанне, чтобы объявить, что она, наконец, свободна, опять-таки согласуется с нашим опытом, свидетельствующим, что лишь с помощью Самости мы можем освободиться от анимуса в том его аспекте, который вызывает одержимость. Самость олицетворяет собой уникальный индивидуальный опыт, но, в то же время, у нее есть и коллективный аспект, выраженный в том, что она выходит далеко за пределы понимания или опыта любого отдельного человека²⁸. Анимус же, с другой стороны, хотя он и может олицетворять принцип индивидуации, характеризуется своей сугубо коллективной позицией. Юнг часто отмечал, что анимус думает как 11000 девственниц то есть, его мнение — это статистика и цифры. Возвращаясь к нашему материалу, мы можем наблюдать это тогда, когда при подписании первого контракта анимус говорит Жанне, что все вокруг живут точно так же, только не признаются в этом.

Как и любой материал из прошлых веков, история Жанны имеет, главным образом, компаративную ценность. Она показывает нам, каким образом та эпоха относилась к вечным явлениям, которые предстают перед нами опять и опять в новых одеждах. Возможно, наиболее разительное отличие — в отношении людей к противоположностям. Вероятно, психолог-юнгианец увидел бы ценность в том, последнем, демоне, осознал бы его двойственную натуру и понял бы, каким образом использовать этот дар, трансформировав его в функцию связующего звена между сознанием и бессознательным — где, как нередко отмечает Юнг, анима и анимус оказываются на своем надлежащем месте. Но в те времена люди еще совершенно не признавали, что добро и зло — понятия относительные.

---

²⁸ See Psychology and Alchemy, CW 12, par. 329.

Архетипические предпосылки

На примере случая Жанны Фери мы сняли слой за слоем наши современные рациональные предрассудки и затем рассмотрели данный фрагмент человеческой жизни в ту эпоху, когда общественное мнение было убеждено в существовании неких незримых аспектов нашего мира. Люди и в то время ощущали неоспоримую реальность неумолимых сил, которые заставляют нас действовать, независимо от того, знаем мы что-то о них или нет.

Но для того, чтобы получить более ясное представление об этих силах, об их воздействии и о возможностях, которые они открывают человеку, нам нужно попробовать снять еще один слой. Нам нужно попытаться хоть в какой-то степени разглядеть двойственную природу этих сил, которые формируют коллективные архетипические предпосылки каждой индивидуальной психики. Юнг часто указывал, что мы можем исключительно хорошо разглядеть эти предпосылки в мифах и сказках всего мира — и в этой же сокровищнице отыскать предпосылки нашей проблемы, которая снова и снова отображается в ее неисчислимых аспектах.

Для иллюстрации этого тезиса мы возьмем одну коротенькую простенькую сказку под названием *Die Gansemagd*²⁹. На эту сказку когда-то обратила мое внимание Мария-Луиза фон Франц. Данная история как нельзя лучше подходит для наших целей, ибо здесь

---

²⁹ The English version is "The Goose-Girl," in The Complete Grimm's Fairy Tales, no. 89, pp. 404ff. прим. канадского издателя. (В русском переводе эта сказка братьев Гримм называется «Гусятница». Прим. перев.)

исключительно хорошо отображена роль тени, чего как раз и не хватает в случае Жанны Фери³⁰.

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была одна старая королева-вдова. И была у нее горячо любимая красавица-дочь, которую она обещала отдать в мужа некоему принцу из отдаленного королевства. Когда пришло время, королева подготовила дочери богатое приданое и решила, что на свадьбу ее везти будет говорящий жеребец по имени Фалада³¹. Также вместе с ней поехала служанка на кобыле. Перед отъездом дочери королева сделала себе надрез на пальце, капнула три капли крови на белый платочек и отдала его принцессе, завещав беречь эту вещь, ибо она понадобится ей в пути.

Итак, девушки пустились в путь. День был жаркий, и принцессе захотелось пить, однако служанка отказалась спускаться с кобылы, чтобы набрать госпоже воды из ручья. Поэтому принцессе пришлось спешиться самой и напиться прямо из ручья. Платочек предупреждал ее, что сердце матери было бы разбито, прознай она об этом, но девушка оказалась слишком застенчива, чтобы требовать от служанки покорности. Когда то же самое произошло во второй раз, принцесса уронила платочек в ручей, и тот унесло течением. Служанка обрадовалась, что принцесса осталась совсем без защиты. Она заставила хозяйку обменяться с нею одеждой и лошадьми, под страхом смерти заставив ее никогда никому не говорить о случившемся. Таким образом, служанка вышла замуж за принца, а настоящую принцессу отправили пасти гусей, дав ей в помощь мальчишку по имени Кюрдхен.

---

³⁰ Доктор фон Франц — наша специалистка по сказкам в институте К. Г. Юнга в Цюрихе. Я хочу особо выразить свою благодарность к ней, ибо именно от нее я узнала практически все, что мне ныне известно по этой теме.

³¹ Происхождение и значение этого имени нам не известно, однако Дж. Болте и Г. Полек (J. Bolte and G. Polioika, *Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Bruder Grimm*, vol. 2, p. 274), проанализировав различные его варианты, пришли к заключению, что речь идет именно о жеребце, а не о кобыле.

Служанка опасалась, как бы говорящий конь не раскрыл ее тайну, поэтому убедила принца, что Фаладу нужно забить. Настоящая же принцесса подкупила мясника, чтобы тот прибил голову Фалады под сводами черных ворот, через которые она каждое утро и каждый вечер прогоняла гусей. Через эти ворота пастухи каждый день выходили в поле, где девушка садилась причесывать свои золотистые кудри, а Кюрдхен всегда пытался выдернуть у нее несколько волосков. Но девушка пела песенку ветру, прося у него сорвать с мальчишки шапку, чтобы он гонялся за ней до тех пор, пока она не закончит причесываться.

Наконец, Кюрдхен так обозлился, что пошел жаловаться старому королю. Когда последний, тайно проследив за пастушкой, увидел, что девушка разговаривает с головой Фалады, а также убедился, что ей подчиняется ветер, он велел ей явиться во дворец, но принцесса отказалась объяснять что к чему, ибо в свое время дала служанке обещание, чтобы сохранить себе жизнь. Однако король нашел способ выпытать у нее правду хитростью, а затем хитростью же заставил фальшивую принцессу придумать самой себе наказание. В результате настоящая принцесса вышла замуж за принца, а служанку раздели догола, поместили в бочку, утыканную гвоздями, привязали бочку к двум белым коням и таскали по улицам города, пока обманщица не отдала концы.

Как всегда отмечает на своих лекциях о сказках и мифах доктор фон Франц, мы не можем напрямую воспринимать персонажей как составляющие индивидуальной психологии. Скорее, они представляют собой архетипы, базовые структурные элементы коллективного бессознательного, являющиеся предпосылкой для возникновения индивидуальных элементов. С этой точки зрения принцесса символизирует своего рода прототип (или архетипический базис) нашего эго, служанка — тени, Кюрдхен — анимуса в инфантильной форме (безответственный аспект), принц — анимуса в позитивном аспекте и так далее.

Принцесса выросла при дворе у королевы, иными словами, в царстве, где правит принцип. Мы узнаем, что отец ее давным-давно умер и единственное упоминание о мужском принципе в его изначальном состоянии — это говорящий конь Фалада. Иными словами, инстинкт и анимус совершенно не разделены и являются нам в едином образе. И ей приходится пройти долгий путь верхом на этой контаминации инстинктом и анимусом, чтобы найти принца (свое дополнение и истинный анимус) и войти в царство логоса, управляемое старым королем.

Королева мать посылает вместе с дочкой богатое приданное (иными словами все дары и таланты, которые она могла ей дать), а также служанку, ее тень, изначально занимающую подобающее ей место спутницы и прислужницы. Между тем мать, будучи опытной женщиной и зрелой личностью, знает, что этот переход от одного принципа к противоположному сопряжен с опасностью. Она берет нож — символ логоса, в направлении которого путешествует девушка — и режет себе палец. Таким образом, через жертву и боль, она добывает для дочери три капли жизненного сока, квинтэссенцию сердца, чувства, которые должны стать эликсиром, способным защитить дочь от любых опасностей, поджидающих ее в пути.

Я хочу здесь напомнить вам, какую власть имел демон крови над Жанной Фрей — он даже назвал себя богом — но в том случае это был симптом того, что анимус вторгся в самую твердую часть принципа эроса. Здесь же наоборот: кровь находится на ее должном месте и исходит из тела матери. В связи с этим интересно также вспомнить, что именно с помощью Марии Магдалины, великой дарительницы любви, Жанна впервые смогла воспротивиться своим демонам и начать работу над тем, чтобы освободиться от их власти.

Проблема с тенью впервые возникает тогда, когда принцесса не настаивает на том, чтобы служанка набрала ей воды из ручья³². На тот момент у нее еще был при себе смоченный кровью платочек, она обладала властью, чтобы добиться от служанки послушания. Мы можем наблюдать такую же слабость и в себе всякий раз, когда не принимаем на себя полную ответственность за то, чего требует от нас ситуация. Мы выбираем путь наименьшего сопротивления, как это сделала принцесса, когда она решила сама напиться воды, вместо того чтобы поставить служанку на место. Но мы забываем о том, что таким образом теряем часть себя, и эта часть затем попадает под власть бессознательного — в данном случае, под власть тени. В результате уровень нашего сознания понижается, как это случилось с принцессой. В следующий раз при наступлении критического момента наше внимание отвлекается, и мы теряем свой эликсир — нашу защиту от произвола тени, подобно тому, как принцесса потеряла свой смоченный кровью платочек. Эта защита в данном случае очень красиво символически обозначена через капли крови, текущей из самого сердца принца эроса

Когда принцесса утратила этого проводника — эту свою связь с руководящим принципом женщины — она тем самым отдала себя в руки собственной тени. Она отказалась от ключевого фактора, определяющего ее положение, и из этого неумолимо следует, что она теряет и все остальное: приданное, одежду, и даже свой наиболее ценный инстинкт и анимуса, передавая все это в руки своей тени, которая в результате перенимает на себя ведущую роль, а первичное эго низводится до разрядка служанки. И тогда принцесса делает единственное, что она может сделать для спасения своей жизни: смиренно принимает роль служанки и клянется никому никогда не рассказывать о случившемся.

---

³² Эта вода символизирует воду жизни. Лишь тогда, когда человек приближается к жизни, его тень оформляется. Пока мы держимся в стороне от нее, нам удастся сохранять искренность и невинность, но тогда жизнь сама оформляет всю личность, включая и тень.

Когда мы позволяем тени перебрать на себя бразды правления, пренебрегая теми вещами, которые нам надлежит делать, нам остается лишь последовать примеру принцессы и развивать в себе добродетель предельного смирения. Нам нужно увидеть, что мы сделали и принять последствия — точно так же, как для обретения контроля над машиной при заносе, необходимо вначале вывернуть руль в ту сторону, куда нас несет. У нас нет шансов возобновить контроль над тенью, если мы отказываемся видеть происходящее — так мы только усугубим ситуацию. Принцессе достает мудрости, чтобы принять случившееся. Она ведет себя, как маленький покорный гусенок — и безропотно превращается в «пастушку-гусятницу». Однако ее положение теперь весьма плачевно. Анимус и тень поженились между собой, а это, как мы уже убедились, есть наихудший возможный вариант развития событий, и даже ее друг-инстинкт (Фалада) отправлен к мяснику.

Изображенная здесь архетипическая ситуация возникает довольно часто, когда женщина терпит поражение в игре с собственной тенью. Тень не просто выходит замуж за анимуса, но также разрушает инстинкт женщины, и все, что может спасти в такой ситуации принцесса (олицетворяющая эго) это ее голова³³. Голова в данном случае символизирует, прежде всего, природный ум, своего рода неодолимую бескомпромиссную правдивость, которая присутствует в каждой женщине, хотя чаще всего мы склонны просто игнорировать этот ум. (Именно о нем идет речь в упоминавшейся выше истории Кристины Альберты и ее «суде совести», и его же олицетворяет попугай Старина Ник из «Страны зеленого дельфина».) То обстоятельство, что принцесса сумела спасти этот ум и позволила ему день за днем разговаривать с ней, является проявлением истинного героизма с ее стороны — именно это, в конечном счете, и спасло ситуацию. Нередко случается, что вся жизнь женщины зависит как раз от того, удастся ей

---

³³ Разговор с головой — широко известный архетипический мотив. Примером тут может служить история Одина и Мимира.

использовать эту возможность или нет — ибо этот внутренний голос знает, кто она есть в действительности, и никогда не позволит ей обманывать саму себя.

Каждое утро, когда принцесса гнала гусей через черные ворота — которые олицетворяют самый темный и печальный участок ее «крестного пути» — она приветствовала голову Фалады и говорила о том, как ей грустно, оттого, что ему приходится там висеть. Конь же приветствует девушку, называя ее «королевой», и напоминает, что сердце ее матери было бы разбито, узнай та о случившемся. Иными словами, он заставляет принцессу обратиться лицом к своему греху, который состоит в том, что она избрала путь наименьшего сопротивления, и напоминает ей о том, что смирение пастушки-гусятницы не может быть окончательным решением в сложившейся ситуации. Таким образом, он заставляет ее обратиться лицом к своей реальности, а этого, как подчеркивает Юнг в своей работе «Психология и Алхимия»³⁴, мы боимся больше всего.

Авторы особо подчеркивают, что принцесса была очень застенчива и поэтому не стала отстаивать свою власть над служанкой. Но она также не могла совсем отдать и противоположные свои качества — гордость и мирские амбиции — на откуп своей тени, ибо это неизбежно привело бы к гибели принцессы. Девушка должна помнить, кто она такая, и принять на себя ответственность за собственное положение, а иначе сердце ее матери будет разбито — погибнет сама суть ее женского существа и фемининный принцип эроса.

Эта сказка в очень красивом ракурсе указывает нам на архетипическую основу бесценной техники общения с нашим анимусом. Если нам удастся навести порядок в своем бессознательном, если удастся достичь внутренней правды, то

---

³⁴ Psychology and Alchemy, CW 12, par. 330.

правда эта нередко начинает излучаться во внешний мир — и там тоже все приходит в порядок, причем таким путем и способом, которые недостижимы никакими внешними средствами.

После того, как принцесса прошла через черные ворота страдания и позволила голосу истины достичь ее ушей, она собрала в себе достаточно сил, чтобы, не дрогнув, встретить и все остальные уготованные ей испытания. Ей нужно пасти гусей — иными словами, держать этих беспокойных и воинственных тварей в узде, следить за тем, чтобы им было вдоволь пищи и не давать им разбредиться. Гуси часто ассоциируются с негативным аспектом матери-богини, а также с ведьмами в мифах и сказках. Например, они связаны с богиней судьбы Немезидой, и с русской архиведьмой Бабой Ягой. Потеряв окропленный кровью платочек, принцесса утратила связь с позитивной материнской фигурой. Поэтому, естественно, ей теперь пришлось прислуживать негативной материнской фигуре — пасти ее гусей.

Рассмотрим момент, когда она причесывает волосы. В этом действии сочетаются некоторые аспекты той же идеи. В данном случае волосы символизируют ее мысли, а Кюрдхен как инфантильный и безответственный анимус делает все возможное, чтобы подчинить ее мысли (волосы) своей власти и использовать для достижения собственных целей — иными словами, наполнить ее мнениями анимуса. Принцесса потерпела поражение в игре с тенью на своем пути к позитивному анимусу, и вот теперь ей приходится иметь дело с его менее благоприятным аспектом. Но, поскольку через свои беседы с Фаладой она поддерживает связь с силами природы, ей на помощь приходит ветер и каждое утро сдувает с Кюрдхена шапку, чтобы ему пришлось бегать по своим делам, а девушка могла спокойно и без помех привести свои мысли в порядок.

Вероятно, ветер — самый первозданный из образов, непосредственно символизирующих дух³⁵, и здесь у нас опять есть прекрасная подсказка касательно архетипической подоплеку нашей проблемы. Мы видим, что негативный инфантильный докучливый анимус Кюрдхен бессилен против духа — таким образом, если нам тоже удастся достичь таких же глубин в нашей психике, то мы сможем обрести силы, способные помочь нам в ситуациях, когда мы не можем помочь себе сами. Если бы принцесса, как олицетворение эго, полагалась на рациональные и осознанные средства, она могла бы только ругаться с Кюрдхеном, и ему при этом, несомненно, удалось бы вырвать у нее несколько волосков. Это показывает нам, что прямая конфронтация с анимусом часто не разумна, ибо ведет лишь к оперированию готовыми мнениями, а затем безнадежному чувству поражения. Таким образом, у нас формируется некоторое представление о комплексе усилий, которые необходимо предпринять на долгом пути к достижению временного согласия с нашим анимусом.

Интересно, что именно Кюрдхен, убедившись, что его планы сорваны, приходит с жалобами ко двору короля и тем самым косвенно способствует разрешению ситуации. Здесь двойственная роль анимуса проявляется особенно отчетливо. Если бы принцесса пошла на поводу у этого докучливого ребяческого и глупого аспекта собственного анимуса и позволила бы ему вырвать у себя несколько волосков, она оказалась бы в том же положении, в каком мы видим Жанну Фери в самом начале ее одержимости, когда она вроде бы без особого ущерба для себя приняла яблоки и белый хлеб от отцовской фигуры. Вот так и принцесса могла бы сделать здесь первый шаг в направлении того, чтобы стать, как Жанна Фери, и, если бы она не сопротивлялась вроде бы безвредному (пусть и докучливому) Кюрдхену, тогда он вскоре

---

³⁵ Приведу здесь лишь один широко известный пример, когда апостолам на пятидесятницу «сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра», после чего они увидели разделяющиеся огненные языки, и в апостолов вошел Дух (Деян. 2:2 и далее).

перешел к своему более негативному, а возможно и инфернальному аспекту. Но, поскольку она стояла на своем, Кюрдхен вынужден был обратиться к высшему авторитету — и в игру вступила позитивная сторона анимуса.

Это дает нам некоторое представление о том, насколько важные проблемы скрываются за внешне незначительным содержанием мыслей, пробегающих через наш ум по ходу повседневной жизни. Всякий раз, когда мы даем волю мнению анимуса, мы тем самым позволяем своему Кюрдхену украсть наш волосок, и в результате медленно, но уверенно продвигаемся к состоянию Жанны Фери. А всякий раз, когда нам удастся придумать возможность, как предотвратить это воровство, оказав сопротивление вкрадчивым мнениям анимуса, мы приближаемся на шаг к разрешению ситуации, которое где-то нас поджидает — как это случилось в жизни принцессы, хотя, конечно, для каждого отдельного индивидуума это решение будет совершенно уникальным.

Когда король проверил утверждения Кюрдхена, тайно подслушав беседу девушки с Фаладой, а затем увидел, что ветер действительно исполняет ее просьбу, он велел привести девушку к себе и попросил, чтобы та рассказала свою историю. Здесь мы тоже получаем ценную подсказку по поводу наших отношений с теневой стороной. Очень многие люди совершают ошибку, веря, что человек способен интегрировать свою тень через проживание ее качеств. Но эта ошибка ведет лишь к идентификации с тенью, как это делает здесь принцесса. Мы признаем ее право на существование и платим ей те или иные долги (ведь, в конце концов, служанка и вправду оставила принцессе жизнь, хотя у нее были все возможности покончить с ней).

Затем король убедил принцессу забраться в железную печьку и поведать все свои беды ей. Печка тут символизирует материнскую утробу, куда нужно забраться человеку для перерождения, либо же алхимическую печь, где происходит процесс трансформации.

Здесь принцесса может сказать всю правду, ибо она передала себя в руки Самости, и теперь решение может принимать Самость, а не эго. И еще она может отдаться процессу трансформации — и действительно, король, который подслушивал через печную трубу, получил возможность вернуть девушке царский статус, данный ей от рождения. Он одел ее в царские одежды и устроил свадебный пир — так что теперь, наконец, после всех многочисленных злоключений и ошибок, она пришла к позитивной фигуре анимуса в лице королевича.

Ложная невеста, тень, сидит на пиру по другую руку от короля и придумывает сама себе наказание, считая при этом, что приговаривает кого-то другого. Таким образом, тень перехитрила само себя и в результате потеряла свою силу и влияние. Обманщицу поместили в бочку голой, и таскали по улицам до тех пор, пока она не отдала концы³⁶ — иными словами, низвели до состояния безжизненной тени, которая следует за эго, подобно тому, как обычная тень следует за телом. Но принцесса, будучи невестой королевича, теперь должна взять на себя ответственность за то, кем она является, и не поддаваться влиянию своей застенчивой натуры, которая побуждает ее приуменьшать собственную роль.

---

³⁶ Этот мотив демонстрирует нам разницу между архетипическим событием и индивидуальным случаем. Архетип никогда не умирает по-настоящему, так что смерть архетипической фигуры означает трансформацию.

Заключение

Эта сказка демонстрирует нам лишь исчезающее малый фрагмент из неисчерпаемого числа сочетаний и возможностей, скрытых в архетипической базе каждой индивидуальной жизни. Как говорит Юнг в эпилоге к «Психологии переноса»:

«Данная серия рисунков [из трактата "Rosarium Philosophorum"], служившая нам здесь нитью Ариадны — лишь одна из многих. И мы легко могли бы подобрать и несколько других рабочих моделей, которые продемонстрировали бы нам процесс переноса, каждый раз несколько в ином свете. Но ни одна отдельная модель не может в полной мере отобразить бесконечное богатство индивидуальных вариаций, каждая из которых имеет свое основание и смысл»¹.

То же самое применимо к любой истории, которую можно попытаться применить в качестве «Нити Ариадны» при решении проблемы контакта с анимусом. «Бесконечное богатство индивидуальных вариаций», возникающих у каждой из нас в ходе переговоров с анимусом, настолько неисчерпаемо, что любые попытки продемонстрировать, как проявляется анимус даже в современном человеке, представляют собой совершенно невыполнимую задачу — не говоря уже о попытках проанализировать долгую историю вопроса (а ведь это тоже совершенно необходимо). Более того, архетипический материал имеет одно большое преимущество по сравнению с индивидуальным материалом. Архетипические предпосылки у нас общие, хотя в каждом отдельном случае он конструируется по-разному. Между тем у нас всегда есть большой соблазн

---

¹ The Practice of Psychotherapy, CW 16, par. 538.

отождествить себя с индивидуальным материалом другого человека и, таким образом, вырвать явление из контекста и истолковать его неверно.

В завершение я хочу ненадолго вернуться в наше время и привести вам отрывок из современного сна, который демонстрирует нашу проблему в новом облачении. Это фрагмент из интереснейшей подборки снов, которые иллюстрируют конфликт между коллективной точкой зрения на анимус и очень любопытной индивидуальной точкой зрения тени. Тут стоит отметить, что сновидица не находилась в процессе анализа, а значит этот материал более наивен и завершен.

Сновидица в своих снах постоянно разрывалась между неумолимо суровым анимусом, который обычно являлся ей в образе монаха или жреца, и страстной инфантильной тенью, которая принимала облик ребенка или впечатлительной и эмоциональной женщины. С одной стороны она не могла не принять все увещания справедливого, но неумолимого анимуса; а с другой стороны ей приходилось опускаться до уровня тени, вопреки приказам священника. Так в одном сне ей надлежало стоять в присутствии священника, но, несмотря на это, она присела на лавочку рядом с находящейся в отчаянии женщиной. Сновидица говорит, что она помнила и четко осознавала, что обязана стоять, и ей вовсе не хотелось вести себя вызывающе, однако сострадание к женщине оказалось сильнее, и она села рядышком. Затем она взглянула на священника. Его взгляд был милостив, но сновидица знала, что он сурово накажет ее за такое поведение.

Когда напряжение достигло предела, она вдруг обнаружила, что находится в огромном соборе, священник стоит позади нее, а женщина (с которой она уже подружилась) — впереди. Они чего-то ждали — по-видимому, какого-то приговора или решения. Наконец, раздался голос, чей источник находился позади священника и над ним. Этот голос был величественен, как и сам

соброр, и все они слушали его со страхом и радостью. Голос был исполнен сострадания и в то же время осуждающ и суров. Если ребенку (или страстной женщине) удастся исцелиться от своей боли, тогда сновидица сможет идти с миром, но, если нет... Сновидица не расслышала альтернативу, но общий смысл в том, что ее приговаривают к смерти. Таким образом, максимально суровый приговор тут смягчен милосердием и, таким образом, оказывается приемлем для них всех.

Я мало что могу добавить к этому прекрасному сну, в котором показано, каким образом эго, анимус и тень должны все вместе пожертвовать собой, уступая воле Самости. Но первую жертву обязано принести эго; оно должно осознать все свои эгоистические запросы, которые до сих пор были спроецированы на тень, ибо, как говорит Юнг в своей работе «Трансформация символов в массах»: «Мы можем пожертвовать только тем, что имеем»². Лишь в том случае, если мы сами готовы принести наивысшую жертву, у нас есть надежда побудить анимус к тому, чтобы пожертвовать своей независимостью и автократической властью над нами, и понизить себя до уровня функции между сознанием и бессознательным, которая находится в подчинении у голоса, чей источник находится позади и выше него — у голоса, принадлежащего тому, кто соединяет все противоположности, называем ли мы эту сущность Богом или Самостью.

---

² Psychology and Religion, CW 11, pars. 376ff.